ЕЖИ
ПОМЯНОВСКИЙ

К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА

БПЛ БИБЛИОТЕКА ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

INSTYTUT KSIĄŻKI ©POLAND

ЕЖИ ПОМЯНОВСКИЙ

к ВОСТОКУ ot ZAPADA

©POLAND

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИК

JERZY POMIANOWSKI

NA WSCHÓD OD ZACHODU

ЕЖИ ПОМЯНОВСКИЙ

К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА
ОЧЕРКИ

Москва
Издательство «МИК»
2006

УДК 327(470+571+438)
ББК 66.4(2Рос+4Пол)
П 55

ИЗДАНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ПЕЧАТИ И МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ «КУЛЬТУРА РОССИИ»

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ ИНСТИТУТА КНИГИ В КРАКОВЕ

Помяновский Е.

П 55 К Востоку от Запада. Очерки — М.: Издательство «МИК», 2006 — 320 с.

ISBN 978-5-87902-084-3

Россия для Польши — самая большая и трудная прпоблема. Книга Ежи Помяновского "К Востоку от Запада" показывает читателям, что "нам не нужна взаимная любовь": необходимой основой в отношениях он считает взаимное уважение. Многие годы Помяновский требует начать польско-российский диалог. Автор этой книги прожил в России несколько тяжелых лет, он завел много дружеских отношений среди русской интеллигенции. Перевел таких писателей как Исаак Бабель и Александр Солженицын, пьесы Евгения Шварца и Михаила Булгакова, поэзию Ахматовой, Мандельштама, Пушкина и Слуцкого. По инициативе Ежи Помяновского в России издается журнал "Новая Польша".

Важно также, что его деятельность связана со знанием Запада. Профессор Помяновский многие годы преподавал в итальянских университетах. Это позволяет ему придать польско-российским отношениям общеевропейский, а не локальный масштаб.

УДК 327(470+571+438)
ББК 66.4(2Рос+4Пол)

© Ежи Помяновский, 2006
© Издательство «МИК», 2006
© Оформление
Дмитрия Манахина, 2006

ISBN978-5-87902-084-3

ПАМЯТИ
ГАЛИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ СТАРОВОЙТОВОЙ

ГЕОРГИИ-ДРАКОНОБОРЦЫ

В ноябре 2006 года Ежи Помяновский, главный редактор журнала "Новая Польша", выходящего на русском в Варшаве, критик, публицист, переводчик — в частности Бабеля и Солженицына (эти переводы прямо отмечены в обосновании премии, но кроме того Помяновский переводил Ахматову и Мандельштама, Андрея Сахарова и Михаила Геллера, Евгения Шварца и Леонида Мартынова — и даже автора этих строк), — получил премию имени Ежи Гедройца. Премия, учрежденная газетой "Жечпосполита" по инициативе покойного Мацея Лукасевича, присуждалась в шестой раз, и профессор Помяновский был на нее выдвинут... тоже в шестой раз. Было отчего потерять и надежду, и терпение.

За год до этого он уже решил не ехать из Кракова в Варшаву на церемонию вручения очередной премии, чтобы не сидеть пятый раз незадачливым кандидатом. Но тут кто-то ему шепнул на ушко, что премию дают мне, его сотруднице по редакции "Новой Польши", переводчице еще со времен "Русской мысли", да и просто другу. И я увидела его перед началом церемонии — сияющего, радующегося за меня, без тени обиды или зависти (и поздравившего — тоже на ушко, так как формально ничего еще не было объявлено).

И вот я, как каждый новоиспеченный лауреат, стала членом капитула (жюри) Гедройцевской премии. Шел 2006 год, польским Сеймом и ЮНЕСКО объявленный Годом Ежи Гедройца. И тут я поняла, зачем Помяновскому надо было пять лет маяться, и в конце своего обоснования его кандидатуры написала примерно так: "Я знаю, что кандидатура Ежи Помяновского выдвигалась каждый год с самого учреждения премии. Но, может быть, и хорошо, что его не наградили раньше, — чтобы премию имени Ежи Гедройца он получил не когда-нибудь, а в Год Ежи Гедройца". Я не выдам тайны за-

седания капитула, если скажу, что премия была присуждена с первого голосования (хотя выдвигалось 11 кандидатур).

— Но кто такой этот Ежи Гедройц? — спросит меня пока еще не вполне просвещенный в польских делах читатель. — Почему имени его - премия? Почему ему посвящен целый специальный год? Почему профессора Помяновского так волновала эта премия — что, ему никогда никаких премий не давали?..

Давали, и немало. Но эта премия (кстати, не имеющая никакого денежного выражения) — дело особое. В жизни Ежи Помяновского его старший тезка, которого поляки обычно именуют Редактором (только так, с заглавной буквы) и который в 1947 году основал и до смерти (†2000) возглавлял парижскую "Культуру", лучший в мире эмигрантский журнал, сыграл особую роль.

Начиналось, конечно, с чтения. Во второй половине 1950-х, еще молодой, еще не профессор, еще член партии, но из тех, кого сама партия злобно зовет ревизионистами, Ежи Помяновский не только уже вовсю читал запрещенную в ПНР "Культуру", но и, попав в Париж, не побоялся поехать в парижский пригород Мезон-Лаффит, в "Культуру" — "осиное гнездо антисоциалистической пропаганды". В конце 60-х, оказавшись в вынужденной эмиграции, Помяновский сразу вступил в самое тесное сотрудничество с "Культурой" и ее книжным издательством "Институтом литрацким", где, в частности, один за другим вышли три тома "Архипелага ГУЛАГ" в переводе... Михала Каневского. Под другими псевдонимами разворачивалась в 70-80-е годы на страницах "Культуры" публицистика Ежи Помяновского, уже не ограничивавшаяся, как то было в ПНР, близкими ему темами литературы и театра. Впрочем, читатель этой книги, где напечатаны некоторые тексты тех старых времен, увидит, что и тогда автор выходил за пределы чисто литературной и театральной критики. И все-таки это были первые подступы к настоящей, на полном дыхании, публицистике — публицистом par excellence Ежи Помяновский стал в "Культуре"...

— И все-таки вы так и не объяснили, кто такой Ежи Гедройц. Зачем нам все эти ежи?

Кто такой Ежи Гедройц и что он значит для поляков — и, да-да, не удивляйтесь, для нас, русских, тоже, — вы узнаете и поймете при чтении книги, которую вы сейчас держите в руках, — обратите особое внимание на статьи "Владения короля безземельного" и "Инакомыслящий". Узнаете вы из книги и многое другое, но я говорю о самом важном как для меня, так, уверена, и для самого Помяновского. Добавлю, что и "Новую Польшу", журнал о сегодняшней Польше и ее истории (без которой никакая современность и новизна не существуют), журнал, сегодня продолжающий линию "Культуры" на как можно более полное и искреннее примирение и взаимопонимание поляков с русскими, новой Польши с новой Россией, Ежи Помяновский начал издавать по прямому поручению — если не по приказу — Ежи Гедройца.

В 1997 году во вступлении к книге Ежи Помяновского "Русский месяц с гаком" (или, если угодно, "с крюком") Ежи Гедройц писал резко и беспристрастно:

"Россия для Польши — самая большая и самая трудная проблема. К сожалению, [польское] общество о России почти ничего не знает. Оно оперирует только стереотипами: относится к России либо с презрением и неоправданным чувством превосходства, либо по-лакейски — печальное наследие ПНР".

Не будем обольщаться, что, мол, "одни поляки такие плохие": стереотипы и невежество наличествуют с обеих сторон. И если, однако, эти драконы польского и русского массового сознания отползают в глубину своей пещеры — и, надо надеяться, чтобы в конце концов найти там свою драконью смерть, то устрашили их такие неустрашимые драконоборцы, как Ежи Гедройц и его достойный наследник Ежи Помяновский.

Наталья Горбаневская
Париж

ЧАСТЬ 1

КАК ИЗВЛЕЧЬ ПОЛЬЗУ ИЗ ПРЕПЯТСТВИЙ
Разговор с автором

Во время войны вы добывали уголь в Донбассе, а потом в Москве окончили медицинский институт, получив диплом с отличием. Почему вы оставили столь почтенную профессию ради литературы?

С медициной я сочетался законным браком, но детей производил на свет с литературой. Еще до войны я посылал в "Шпильки" переводы прелестных стихотворений Эриха Кестнера и прочие подобные мелочи. Сдав экзамены на аттестат зрелости, уже в Варшаве, я стал писать еженедельные колонки в журнале Польской социалистической партии "Дорогу молодежи!", а в свободные минуты изучал философию у профессора Котарбинского.

Так что врачом вы побыли недолго....

Когда в 1947 году я вернулся в Польшу, то не поддался на уговоры моего старшего товарища по школе, Зенона Клишко (будущего заместителя Гомулки) и поступил на службу не в Министерство правды или в Министерство любви, а в скромное Министерство здравоохранения. Я занимался там санпросветом, заказывая у художницы Майи Березовской, известной своими эротическими рисунками, плакаты на тему кормления младенцев грудью. Несмотря на несомненные успехи в этой области, меня уволили с работы сразу же после того, как мой вышеупомянутоый товарищ по школе был арестован по обвинению в "правом националистическом уклоне".

И чем же вы стали зарабатывать на жизнь?

Жизненные трудности довольно часто шли мне на пользу. Моя тетка, знаменитая комедийная актриса Хелена Грушецкая, взяла меня с собой в театр "Атенеум", где она играла в одном спектакле с великим актером Стефаном Ярачем. Я посмотрел этот спектакль из-за кулис пять раз кряду и с тех пор уже точно знал, куда буду ходить вечерами, когда вырасту. Чтобы добиться своего, я воспользовался тогдашней своей безработицей и начал писать о театре в "Новую культуру". Вскоре я стал вести в этом еженедельнике раздел театральных рецензий.

И жизненные трудности закончились?

Где там! В Варшаву приехал на гастроли театр Брехта, и во время первого акта "Мамаши Кураж" всесильный тогда член польского Политбюро Якуб Берман, хлопнув дверью, вышел из правительственной ложи". А я воспользовался отсутствием в городе главного редактора и успел вставить свою восторженную рецензию в почти уже готовый номер еженедельника.

И вам это сошло с рук?

В принципе да. Дело в том, что собрание, на котором я должен был лишиться и работы, и головы, было назначено на 5 марта 1953 года.

Что-то эта дата мне напоминает...

Да, это была тринадцатая годовщина катыньского преступления. Но именно в этот день и довелось умереть человеку, который 5 марта 1940 г. по предложению Берия подписал секретное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле поляков. Так что никому уже не было особого дела ни до формалиста Брехта, ни до меня. Я отделался довольно продолжительным запретом печататься.

Но для писателя это тоже определенная трудность?

Оказалось, что это снова пошло мне только на пользу. Я начал читать лекции по истории театра в Варшавском университете. Скоро выяснилось, что на них ходят Агнешка Осецкая, Ханна Краль и другие начинающие знаменитости. Не знаю, как они, а я в этом обществе не скучал.

Еще в 50-е годы вы написали роман "Конец и начало", по которому Ян Рыбковский снял фильм под названием "Часы надежды".

Действительно, он еще до сих пор иногда появляется на экранах телевизоров в годовщину конца войны. Это был первый роман, в котором цензура позволила погибнуть положительному герою. Он выдержал несколько переизданий и переводов, но гораздо важнее то, что в связи с этой книжкой я стал единственной в мире жертвой ограбления со стороны лауреата Нобелевской премии.

Как так?

Выдающаяся поэтесса Вислава Шимборская использовала то же самое название для своего очаровательного — как и все, что она пишет, — сборника стихотворений, уже потом узнав, что так назывался мой давнишний роман. Для меня это тем большая честь, что Шимборская прислала мне извинения в виде одной из своих знаменитых открыток-коллажей.

Это она висит здесь в золотой рамке на оленьих рогах?

Да, она. А что до рогов, то это мои охотничьи трофеи.

Перед вашим выездом из Польши в 1969 году вы уже завоевали признание как прозаик, драматург, сценарист, театральный критик...

Действительно, я занимался самыми разнообразными литературными жанрами (кроме доносов).

Но широкую славу вам принесли переводы русской литературы, причем самой первосортной. Вы перевели абсолютное большинство произведений Бабеля, драмы Толстого, рассказы Чехова, пьесы Булгакова, комедии Шварца — но также и стихи Ахматовой, Мандельштама, Леонида Мартынова, Бориса Слуцкого. Почему именно их?

Моя жена Александра страдает избытком альтруизма, выражающегося в стремлении уступать дорогу ближнему, что уже стало причиной нескольких дорожно-транспортных происшествий. Я не столь уступчив, когда сталкиваюсь с хамством, которое расплодилось не только на дорогах, но немного альтруизма во мне все-таки сохранилось. Я перевожу, потому что хочу поделиться с соотечественниками той радостью, которую испытываю я сам, общаясь с плодами подлинного таланта. В особенности, когда речь идет о талантах родом из тех краев, которые поляки обходят стороной, храня память о наших страданиях и взаимных претензиях.

При такой массе работы у вас еще хватало времени вечерами ходить в театр?

Когда была разогнана так называемая "послеоктябрьская" [1956] редакция "Новой культуры", знаменитый еще до войны режиссер и директор театров Вилям Хожица назначил меня заведующим литчастью театра "Народовы". После его кончины я предпочел заняться подобной работой в творческом кинообъединении "Сирена".

Том самом, где были сняты "Ставка, больше чем жизнь" и "Четыре танкиста и собака"?

Да, и я вовсе от этого не отрекаюсь. Благодаря успеху этих сериалов мы смогли снять целый ряд хороших и отнюдь не "массовых" фильмов. Именно из-за последних двух из них — "Солнце всходит раз в день" Хенрика Клюбы по сценарию Веслава Дымного и "Руки вверх" Ежи Сколимовского (первый из них пролежал "на полке" пять лет, а

второй — восемнадцать!) — наше объединение было распущено раньше других. Наступил кризис 1967-1968 гг. Партия решила расправиться с невероятной (для социалистического лагеря) автономией польской кинематографии. В ней началась "охота на евреев", которая была — как обычно — прелюдией к более масштабным действиям: речь шла о том, чтобы преградить дорогу "чешской заразе" и заткнуть рот общественному мнению. Однако попытка заменить голос общества рапортами органов госбезопасности вышла Гомулке боком уже через два года.

Еще до этого, в 1966 году, вместе с более чем двадцатью коллегами по Союзу литераторов вы протестовали против исключения из ПОРП философа Лешека Колаковского.

Действительно, но тут гордиться нечем, хотя мне даже удалось публично прочесть мой протест на последнем партийном собрании, в котором я принимал участие. Ревизионизм был наивным желанием починить автомобиль, в котором не было двигателя, тормоза остались, а руль держали крепкие руки в Москве.

Как вы попали в Италию?

После года жизни без права публиковаться, в 1969 году, я выехал туда благодаря вмешательству моих итальянских друзей из международной редакции театральных фестивалей во Флоренции. Уже через некоторое время я понял, что мне остается только один выход, чтобы новая жизнь была интересной: превратиться из рыбы в ихтиолога. Я подал документы на конкурс и уже вскоре мог преподавать польскую литературу — вместо того, чтобы ею заниматься. Я читал лекции в университетах в Бари, Флоренции и Пизе более 20 лет и воспитал более сотни докторов полонистики и славистики, однако то, что было подлинной сутью моей жизни, долго оставалось в секрете.

Вы говорите о сотрудничестве с парижской "Культурой"?

Я сразу принял предложение Ежи Гедройца перевести на польский сначала "В круге первом", а затем — "Архипелаг ГУЛаг" Александра Солженицына. Он отправил во Флоренцию Густава Герлинга-Грудзинского с рукописью книги великого русского писателя.

Мы читали эти книги в польской неподцензурной печати, не зная, что именно вы были переводчиком, скрытым под псевдонимом "Михал Канёвский".

Моя семья осталась в Польше, и я не хотел, чтобы у них были неприятности. О том, что я перевожу Солженицына, тогда знали всего лишь четыре человека. Даже радиостанция "Свободная Европа", которая ежедневно передавала отрывки из "Архипелага", получала польскую машинопись не непосредственно, а из редакции "Культуры" в Мэзон-Лаффит. А псевдоним свой я взял из романа Станислава Бжозовского "Пламя" (1906). Это единственный писатель, который вступил в полемику с "Бесами" Достоевского с позиций разуверившегося участника революционного заговора.

Кем был для вас Ежи Гедройц?

Самым важным человеком из тех, кто повлиял на мою жизнь. Я ежедневно благодарю Бога за то, что мне довелось встретить в жизни немало необыкновенных людей. Если бы не их пример, я был бы обречен на заурядность и никому не нужное прозябание. Они дали мне стимул трудиться так, чтобы превзойти тот уровень, который был дан мне от рождения. И прежде всего к ним принадлежал Ежи Гедройц. Это он велел мне — да, велел! — основать "Новую Польшу" и читал ее на протяжении последнего года своей жизни.

А другие?

Мой гимназический учитель, выдающийся поэт Мечислав Яструн. "Великий и ужасный" Витольд Гомбрович, с ко-

торым я успел познакомиться до войны. Неподражаемый Станислав Игнаций Виткевич, который вытащил меня из-под столика пана Витольда Г. в кафе "Зодиак" и заставил ходить в библиотеки. Юлиан Тувим. В России — Анна Ахматова, Борис Пастернак, Виктор Шкловский, Александр Солженицын, Юзеф Юзовский, Александр Межиров. Лешек Колаковский. А также поляки, имена которых могут быть неизвестны русскому читателю, но которые служат примером подлинного мастерства в своих литературных профессиях. Мария Кунцевич. Густав Герлинг-Грудзинский. Неоценимая сотрудница редакции парижской "Культуры" Зофья Герц. Брат и душеприказчик Ежи Гедройца, Генрик Гедройц. Эссеист и провидец Ежи Стемповский. Очаровательный эрудит Константы Еленьский. Николас Гильен, с которым я жил в одной комнатке в парижской гостинице, когда он еще не был нобелевским лауреатом. Генрих Бёлль, который уже получил Нобелевскую премию, когда принимал меня у себя в гостях и платил за лечение моего сына Петра. Жалкий и великолепный Игнацио Силоне. Никола Кьяромонте — недостижимый образец человека и борца. "Король" журналистов Джулиано Феррара. Иосиф Бродский. Сотрудник радиостанции "Свободная Европа" Тадеуш Новаковский, о котором, к сожалению, уже мало кто помнит. Бахрам Элахи, курдский хирург и мыслитель.

А в Польше, после возвращения?

Чеслав Милош, с которым мы по-настоящему сблизились только в Кракове. Журналист и общественный деятель Стефан Братковский, энергии которого хватило бы на целое хорошее правительство. Виктор Кулерский, бывший правозащитник, подпольщик и политический деятель, с которым я имею честь сотрудничать в редакции "Новой Польши".

Чему служит этот ежемесячник?

"Новая Польша" является единственным польским периодическим изданием на русском языке, которое дости-

гает самых отдаленных мест российской "глубинки". Оно не распространяется через коммерческую сеть, чтобы попасть в тысячи библиотек и научных учреждений, то есть в те места, которые все еще являются оплотом российской интеллигенции, отталкиваемой в угол, как при коммунистах, так и сегодня. Эта интеллигенция служит не только традиционным "заповедником" симпатий к Польше в стране, где все еще не видно той "польской партии", о которой мечтал Норвид. Именно она является еще и "солью земли русской", а не неким реликтом ушедшей эпохи. А ведь именно пренебрежительное отношение к этому слою приводит к тому, что России вполне хватает и сырья, и золотых запасов, но не хватает свежих идей — и именно поэтому политики обращаются к идеям, уже давно отжившим свой век.

Наш ежемесячник стремится исправить такое положение вещей, когда русские читатели ничего не знают о современной Польше. Мы применяем только один прием — это откровенность, столь необходимая там, где бытует миф "лицемерного ляха". Читатели пишут нам: "Вот если бы у нас кто-нибудь так откровенно говорил о наших заботах и трудностях, как этот ваш Кулерский в своей "Хронике (некоторых) текущих событий"!

Как поляки должны относиться к России?

Придерживаться пути, указанного Гедройцем. А это значит — поддерживать как можно более добрососедские отношения с Россией, но не за цену независимости и жизненных интересов народов, соседствующих и с Россией, и с Польшей, — то есть литовцев, белорусов и прежде всего — украинцев. Стремиться к включению России в международные структуры, правила которых будут обязательны для нее так же, как и для других цивилизованных государств нашего континента.

Вы принадлежите к поколению польской интеллигенции, которое было свидетелем и участником самых драмати-

ческих поворотов истории XX столетия. Что бы вы хотели сказать молодым полякам, у которых нет подобного опыта?

У меня не появилось привычки поучать кого-либо, хотя я и провел столько лет за университетскими кафедрами. Я могу лишь посоветовать ровесникам моих внуков, чтобы они не верили в миф, что интеллигенция — это пережиток прошлого. В традиционно стабильных странах Запада чувство ответственности за государство и за общественные дела присутствует в естественной, хоть и неравной мере во всех слоях общества. У нас же сарматская традиция и длительное отсутствие собственной государственности привели к тому, что отдельные классы, социальные слои, профессиональные группы заботятся в лучшем случае о собственных интересах. Однако природа не терпит пустоты, и потому именно у нас — да и в России тоже! — сформировался слой, не имеющий частных материальных интересов. Пусть этот слой немногочислен и беден, но зато он способен заботиться обо всей совокупности общественных дел. Проще всего назвать его старомодным словом "интеллигенция". Ее представителей отличает стремление вмешиваться в "не свои" дела, касающиеся всего общества. И мне кажется, что об этой ее особенности не стоит забывать.

Беседу вел Ежи Садецкий
"Жечпосполита" 11.03.2005

КАК ГРАМОТНО РАЗГОВАРИВАТЬ С РОССИЯНАМИ
(краткий курс)

Я охотно соглашусь с теми участниками дискуссии, начатой на страницах "Газеты выборчей", которые утверждают, что основная опасность для Польши исходит вовсе не из России. Действительно, нет ничего опаснее для Польши, чем сами поляки. Разумеется, не все, а только те, которые считают, что все как-нибудь само собой утрясется. Я считаю их более опасными, чем любая "пятая колонна". Польшу уже два раза раздавили два дорожных катка, и вот внезапно оказалось, что один из них уже больше не направлен в нашу сторону, а второй распался и не угрожает нам никаким новым захватом. Однако польская восточная политика в последние годы проводилась так, как будто все осталось по-прежнему.

Именно здесь коренится причина и колебаний, и неготовности к переговорам — как с нашими недоброжелателями (которые вполне реально существуют), так и с друзьями (которых могло бы быть гораздо больше). Похоже, мы просто не знаем, где и как их искать.

1. Контакты с Россией для всего остального мира (не исключая ее ближайших соседей) часто ограничивались обменом взаимными угрозами, реже — переговорами. При этом переговоры всегда вела правящая верхушка, то есть политическое руководство страны. Все остальное население было лишено возможности влиять как на его решения или на мнение иностранцев о России, так и на свою собственную судьбу. Если исключить сферу "самиздата", отсутствовало даже поле свободной конфронтации идей, опыта, представлений.

Изоляция населения бывшего СССР являлась главной причиной его беззащитности перед лицом всемогущей власти и незнания иных путей к благосостоянию и разви-

тию. Удачной, хотя и односторонней попыткой вступления в непосредственный контакт с населением была послевоенная деятельность русскоязычных зарубежных радиостанций, в особенности радио "Свобода", вещавшего также на языках других союзных и крупнейших автономных республик СССР. Объем ее вещания резко сократился в момент наступления перелома — когда закончилась монополия власти в области политики и информации, когда в России появилось общественное мнение.

Россияне стали избирателями. Таким образом, появился независимый партнер не только для диалога, но и для полезного сотрудничества. Однако почти никто на Западе (в том числе и в Польше) этой возможностью до сих пор не воспользовался.

2. Подобные контакты с российским общественным мнением обусловлены не только тем, что они стали возможными чисто физически (благодаря свободе передвижения, обмену периодической печатью, возможностями печати и перепечатки, доступа к Интернету и т.п.), но и переходом к совершенно новому стилю и методам обмена мнениями с жителями России.

Эта перемена стиля должна заключаться в том, чтобы избегать в общении лицемерия и не путать политику с дипломатией. Граждане бывшего СССР вынесли из "тюрьмы народов" две навязчивые идеи — полезные, хотя и стесняющие собеседников: недоверие к иностранцам и способность обнаруживать обман.

Изменение способа общения должно исходить из того, что россияне просто-напросто незнакомы с множеством фактов. (Многолетняя дезинформация привела к феномену, так описываемому профессором М.Гловиньским: "Советское ухо реагирует только на ту речь, к которой оно привыкло"). Отсюда вытекает необходимость перед любым обменом мнениями устанавливать сам факт существования об-

суждаемых событий, а также определять значение терминов, которые при этом используются. Это относится даже к столь распространенным понятиям, как "мир", "собственность", и уж тем более к тем, которыми много раз злоупотребляли — как, например, "демократия". Советские предубеждения тем отличаются от западных, что они были частью официально провозглашенной государственной политики, а отступление от них преследовалось в уголовном порядке.

3. Рекомендуется избегать любые ссылки на историографию: аргументы, почерпнутые из книг де Кюстина, Маркса, Герцена, Кухажевского, обычно доводят до бешенства даже самых либеральных россиян. К тому же они касаются сфер и событий, на которые мы уже не имеем никакого влияния. Проблематичной представляется также педагогическая ценность исторических примеров: дело в том, что почти все социальные аномалии в России были вызваны навязыванием идей, зародившихся за рубежом, — от татарской налоговой системы, через реформы Петра и вплоть до коммунизма. Русские обычно отрицают наличие связи между собственными традициями и ужасами отечественной истории. То, что мы считаем их национальным характером, на самом деле является фактически характером их власти.

4. Абсолютно необходимо различать понятия России и СССР — особенно, когда речь идет о политическом сознании жителей России. Главной линией водораздела между политическими силами сегодняшней России можно считать их отношение к Империи, ее наследию и необходимости ее восстановления. Это не только удобная рабочая гипотеза. Политические позиции российских партий следует оценивать не по их вводящим в заблуждению названиям (чего стоит хотя бы Либерально-демократическая партия Жириновского) и не по их обманчивым лозунгам (как, например, "земля — крестьянам", хотя фактически речь идет только об

ее аренде), но по содержанию в их реальных программах империалистической составляющей, т.е. по их отношению к политике территориальных захватов. Социолог Игорь Клямкин классифицирует российские партии по их отношению к той тенденции, которую он называет "социал-империализмом". Подобный четкий критерий позволяет также упорядочить систему традиционных представлений Запада о том, что в политике хорошо, а что — плохо. И тогда окажется, что возвышенный лозунг интернационализма служил оправданием для грубых актов советской агрессии и аннексии многочисленных стран, а неизменно осуждаемый национализм нередко приобретает в России характер изоляционизма и национального консерватизма, что другим народам никак не мешает. Не только профессор М. Гефтер утверждал, что после развала СССР Россия наконец вернула себе независимость, но и генерал Лебедь дал своей опубликованной в печати предвыборной декларации знаменательное название: "Закат империи, или Возрождение России", что только увеличило ряды его избирателей.

5. Не стоит отвлекаться на рассуждения о конкретных примерах и целях агрессивной деятельности Империи или ее наследников. Гораздо полезнее сосредоточиться на истоках этой тенденции: Россия сегодня превратилась в последний оплот теории "жизненного пространства", Lebensraum.

Только одна партия России (зато крупнейшая) — коммунистическая — в качестве основного пункта своей программы по-прежнему выдвигает восстановление и дальнейшее расширение Империи, будучи убежденной в том, что с Западом нужно бороться за территории. Ее противники доказывают, что Империя была для России непосильным бременем. Гонка вооружений довела СССР до банкротства. Причиной этого вовсе не была необходимость обороняться от врагов. Это не американский д-р Стрейнджлав завладел Эфиопией или Анголой и не он соорудил берлинскую стену.

Источником советской политики экспансии была архаичная экстенсивная экономика. Роковая обратная связь приводит к тому, что возможность иметь в своем распоряжении неограниченное количество рабочих рук тормозит технический прогресс, а примитивные средства производства, в свою очередь, вынуждают применять экстенсивные и хищнические методы ведения хозяйственной деятельности. Оба эти фактора ведут к необходимости сохранения командно-административной системы, что опять-таки требует укрепления центральной власти и аппарата репрессий. Таким образом, смесь растущего дефицита и отсталости с допотопной идеологией была движущей силой агрессивной политики СССР, направленной на территориальную экспансию. Упомянутая обратная связь по-прежнему формирует взгляды значительной части российского общественного мнения и определяет планы целого ряда политиков. Это создает угрозу как для всего мира, так и для самой России.

6. Первым шагом к серьезным дискуссиям с выразителями российского общественного мнения представляются прямые контакты между влиятельными представителями ее науки, политологии и политик с подобными авторитетами из тех стран, которые с облегчением и взаимной выгодой уже избавились от своих колоний и территориальных приобретений, от своей Украины или Чечни. В этой дискуссии должны участвовать, с одной стороны, англичане, немцы, французы, японцы, итальянцы, а с другой стороны — русские. Это требует поддержки и материального содействия со стороны международных организаций, всерьез думающих об устранении реальных причин возможных конфликтов с Россией. Разумеется, это не исключает дальнейших мер, предпринимаемых в самой России, — в первую очередь изменения школьных, а также телевизионных и радиопрограмм. Все это потребовало бы инициативы и предоставления помощи от таких организаций, как ООН с ЮНЕ-

СКО: наконец-то им представилась бы возможность сделать что-то конкретное.

7. Со своей стороны, Запад должен избавиться от иллюзий, предубеждений и анахронических представлений о России.

К наиболее распространенным принадлежит убежденность в том, что СССР был естественным образованием, что его эксгумация неизбежна и что она вернет так называемое "равновесие" в международной политике. Подобная убежденность означает всего лишь желание вернуться к миру, разделенному Ялтинским сговором.

Столь же поверхностным является утверждение, что Россия ослаблена, ее армия находится в состоянии разложения и что вместо того, чтобы помочь России как таковой, лучше допустить возрождение СССР: пусть наберется сил за счет Украины, а может быть, и Польши. Это ошибка: реанимация СССР на таких условиях является еще более опасной, ибо Российская Армия (действительно ослабленная) может рассчитывать главным образом на свои ракеты и ядерное оружие: пока что военные там всерьез поговаривают о "тактическом атомном оружии".

Было бы наивно искать в России союзников и единомышленников только среди убежденных демократов и "западников". Подобные попытки суть не что иное, как пережиток склонности навязывать русским идеи и системы, выросшие на чужой почве.

Именно такое вмешательство в их собственный выбор привело к парадоксальным последствиям: псевдолевая шовинистическая Россия является сегодня опасной свалкой ядерных отходов ультраправых идеологий. Программа доктора наук Г.А.Зюганова — это обноски немецкого национал-социализма, прикрытые уцененной большевистской афишей.

Необходимо пытаться прийти к соглашению также с русскими патриотами, даже так называемыми "реакционера-

ми" — если они отказываются от агрессии, колоний и "сфер влияния".

Однако столь же наивным следует признать убежденность, что дискуссии и конференции могут заменить собой политические шаги. Сегодня, например, необходимо практически помогать Украине в сохранении ее независимости. Без Украины не будет Империи. А опасность для мира, для Европы, для всей планеты представляет именно Империя. Империя, то есть СССР — а не Россия, как думают недоучившиеся фаталисты. Не следует лишь ставить ее перед искушением вернуть себе державную мощь за счет соседей. Но самое главное — это помнить, что без участия самих россиян не удастся ни преодолеть роковое наследие Советского Союза, ни помешать попыткам его возродить.

"Газета выборча", 5 августа 1996 г.

ПОВЕРХ БАРЪЕРОВ
НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ " НОВОЙ ПОЛЬШИ"

Читатели серьезной и популярной газеты "Жечпосполита" (тираж 280000 экз.) буквально засыпали редакцию ответами на опрос, предлагавший назвать 25 величайших, по их мнению, писателей XX столетия. Первое место в этом списке занял не польский автор, не нобелевский лауреат и не модный баловень судьбы. Пальма первенства досталась Михаилу Булгакову. Кроме него, в числе самых выдающихся творцов мировой литературы читатели польской газеты назвали еще трех русских писателей: Александра Солженицына, Исаака Бабеля и Михаила Шолохова.

Результат, признаться, может показаться неожиданным, но поляков он не слишком удивил. О России здесь все время пишут и думают, зачастую с беспокойством; в книжных магазинах переводов русской литературы предостаточно. Автору этих строк бывает особенно приятно видеть в домах своих друзей книги Бабеля или Солженицына, стоящие на тех же полках, где они обычно держат любимые произведения отечественных, польских авторов. Приятно не только потому, что он сам переводил эти книги. Книги русских авторов на этих полках свидетельствуют о том, что поляки способны отличить Россию от угнетавшей их Империи. Кроме того, это доказательство духовного сродства польской и русской интеллигенции: мы любим и — что важнее — понимаем одних и тех же писателей. Надо лелеять это сродство, ибо в нем — залог диалога, важного для всего общества. Ради этого и создан наш журнал.

Итог читательского плебисцита в Польше мог, однако, стать неожиданностью для русских. Если у них случается время, чтобы оторваться от повседневных забот и поискать в СМИ информацию именно о Польше, они убедятся, что там она все чаще изображается как страна, полная русофобов, иг-

рающая роль дежурного врага. Такой тон преобладал особенно в высказываниях, комментирующих недавнее вступление Польши в НАТО. Так, словно у Польши не было оснований, чтобы в конце концов перестать быть орешком меж двух камней. Так, словно теперь уже невозможны дружественные отношения между нами, тогда как именно сейчас мы можем, наконец, говорить на равных, без угроз и лицемерия.

Отношения России с Европой станут такими, какими будут ее отношения с Польшей. Надеюсь, время покажет, что это немаловажный критерий; достаточно взглянуть на политическую карту континента. Хотя бы поэтому есть смысл, чтобы российское общество уделяло больше внимания новой Польше. Обосновать это мы постараемся на страницах "Новой Польши". Мы хотим непосредственно, поверх барьеров, вести диалог с общественным мнением России, звучащим теперь свободно и раскованно. Это необходимо тем более, что никогда еще официальные отношения между Польшей и Россией не были такими равнодушными и прохладными, как сегодня. А ведь никогда еще у обеих сторон не было так мало оснований для вражды.

Исчезли главные причины многовекового ожесточенного противоборства России с Польшей. Эта упорная борьба закончилась для Польши поражением и потерей независимости, но для России победа обернулась роковым бременем. Целью этой борьбы было прежде всего владение территориями, отделяющими Русь от Речи Посполитой. Это не безлюдные земли. Населяющие их народы: украинцы, белорусы, балты — стали жертвами этой борьбы. Распад СССР дал им независимость. До тех пор, пока их независимость соблюдается, не будет повода для трений между Россией и Польшей. Пожалуй, это элементарная истина. Смешно обвинять в руссофобии того, кто об этом напоминает.

И действительно, восточная политика Польши основывается сейчас на принципах, которые впервые сформулировал и на протяжении 50 лет упорно отстаивал на страни-

цах парижской "Культуры" ее главный редактор Ежи Гедройц совместно с Юлиушем Мерошевским. Их суть выражает простой девиз: иметь с Россией самые лучшие отношения, но при одном условии: не ценой независимости и жизненных интересов наших общих соседей. Этот принцип долго не признавали ни польские левые, так как правили страной по милости советской Москвы, ни националистические правые силы, ибо это требовало от них отказа от Львова, Вильнюса, Гродно и от всякой мысли о господстве над соседями. Сегодня в Польше нет серьезной политической силы, отвергающей этот принцип. Никакой и нигде — от президента Квасьневского, выходца из рядов левых сил и первооснователя этой стратегии, до министра Геремека, который руководит внешней политикой, а играл первую скрипку в подпольной "Солидарности". Польское государство не зарится ни на один клочок украинской, литовской или белорусской земли. Но ведь для рукопожатия нужны двое.

Заслуживает уважения и восхищения великодушие русского народа, спокойно воспринявшего отделение и провозглашение независимости этих стран. Насколько мудрой была эта позиция, мы вскоре же смогли убедиться на ужасающем примере Югославии. Но наше восхищение омрачает все еще существующая и распространяющаяся имперская идеология. Не только потому, что могла бы непосредственно угрожать Польше. А потому, что это пережиток, анахронизм, опасный для самой России и преграждающий ей путь к участию в строительстве европейского сообщества, участию, которое надлежит ей по праву, и может дать и ей и нам гарантии благополучия и мира.

В программе тех, кто мечтает вернуться к власти, выеденную скорлупу марксизма заполнила смесь, по вкусу странно напоминающая тот самый германский национал-социализм, который был разгромлен ценой жизни десятков миллионов русских. Главной составной частью этой смеси является навязчивая идея, согласно которой благополучие на-

рода и государства зависит от безустанного расширения своего жизненного пространства, словом, от умения отхватывать у других куски их территории. Самое лаконичное истолкование этой концепции дал годомейстер Екатерины II, Александр Безбородко: Что не растет, то гниет. Действительно, испокон веков ради этого велись войны и порабощались народы. Но вот в нашем столетии, которое могло стать последним в истории человечества, свершилось переломное событие: развитие техники и науки достигло критической массы, которая лишила территориальную экспансию экономического смысла. Оказалось, что рациональная, интенсивная экономика исключает необходимость захвата чужих земель. Доказательством могут служить Япония и Германия, достигшие наивысшего в своей истории процветания, поскольку поражение заставило их отказаться от захваченных и даже от части своих прежних земель. Англия, хоть и не потерпела поражения, тоже покинула Индию: видимо, ей это было выгодно. Идея захвата жизненного пространства погибла не на войне: решающий удар нанесло ей процветание государств, которые с чувством облегчения избавились от колоний и перестали работать локтями на карте планеты. Но вот оказывается, идея Lebensraum`а не исчезла: она ищет прибежища в России. Достаточно заглянуть в работу Александра Дугина "Основы геополитики" со знаменательным подзаголовком "Мыслить пространством". Недавно вышло ее третье издание. Читая программы многочисленных партий и декларации их вождей, нельзя отделаться от мысли, что курьезные сочинения такого рода служат сокровищницей идей для сил, стремящихся реанимировать Советский Союз. То есть, вместо того, чтобы ответить на солженицынский вопрос: как нам обустроить Россию? и на это направить все средства, они хотят вернуться на путь захватов и изнурительной конфронтации, который уже раз привел страну и мир на грань катастрофы.

Не для того мы пишем об этом, чтобы вмешиваться во внутренние споры и мировоззренческий выбор наших

российских читателей, учить их с высот пашей польской равнины, а лишь затем, чтобы показать, что делят нас отнюдь не реальные противоречия, а лишь устаревшие теории, анахронические взгляды, изжившие себя предрассудки и предубеждения.

Но разве только это мы видим и помним? Нет, мы не забыли ни Окуджаву, ни российский "самиздат", ставший для нас примером, ни тот 350-тысячный тираж, которого достигал в свое время журнал "Польша", ни то, что Иосиф Бродский выучил польский язык, чтобы читать польскую прессу и стихи Чеслава Милоша. Мы не забыли благородную солидарность с Польшей во время военного положения, единственным свободным, общественным выразителем которой была тогда парижская "Русская мысль". Но не менее важно и то, что мы видим сегодня в повседневной жизни страны, в свободной российской печати разной окраски (если, конечно, можно ее купить: русская газета стоит у нас два с лишним доллара). Кстати, самое интересное сообщение, которое я там нашел недавно, касалось Азербайджана, уже независимого. Страна, которая в советские времена питалась импортным хлебом и еще в 1994 году потратила 50 миллионов долларов на закупку посевного зерна, ныне становится его экспортером, и только потому, что пахотные угодья перешли к индивидуальным хозяевам, и они пользуются методами и материалами ученого Джалала Алиева. Немцы или японцы в этом не участвовали. Русские тоже.

Думаю, что подобного рода информация из Польши может заинтересовать российских наблюдателей. В нашем журнале мы будем сообщать и о наших достижениях и о наших ошибках. Ведь мы переболели той же самой болезнью, только у нас она длилась короче. Польша легче выбралась из ямы, поскольку большевизм не успел погасить в людях дух инициативы, предприимчивости и желание самим решать свою судьбу. Это наши главные выигрыш и шанс. Однако это не меняет факта, что при лечении болезни боль подчас ост-

рее, чем во время продолжительного недуга. Кроме того, у демократии есть свои издержки: и у нас глупость пользуется правом голоса и голосами избирателей. Вот почему уже в этом, первом номере журнала мы уделяем особое внимание проблеме интеллигенции, то есть в сущности вопросу, как избежать при подборе руководящих кадров страны так называемого негативного отбора, обеспечивающего порой влиятельные посты невеждам.

Речь идет об интеллигенции в том смысле, как понимают этот термин у нас, в России и в Польше. И только у нас. На Западе эта прослойка считает себя частью мелкой буржуазии, или, так сказать, исполняющей обязанности пролетариата. Между тем, если все пойдет на лад, то уже через четверть нового века символом этого самого пролетариата станет не чернорабочий с лопатой, а профессионал, нажимающий соответствующую кнопку. Но недостаточно, если он будет лишь узким специалистом, образованным, то есть тем, во что хотела — на гибель себе самой — превратить интеллигента коммунистическая власть. Но пока интеллигентами пренебрегают, они не востребованы, живут в нищите. Это, к сожалению, нас тоже роднит. И поэтому "Новая Польша" рассчитывает именно на интеллигентного читателя.

Рассчитывает также на заинтересованность со стороны молодежи; ей нет дела до былых обид и каких-то несведенных счетов, до старых ран и трагедий. С этой молодежью поляки хотят сесть за чистый стол. Но чтобы сесть за него вместе, надо хоть что-то знать друг о друге. А знаем мы слишком мало. Хуже того: наши знания — порой плод уродливых стереотипов и дезинформации. Но одно мы знаем точно: да, нас разделяет дурное прошлое. Дело в том, чтобы оно уж никогда не повторилось.

"Новая Польша", сентябрь 1999, нр 1

ВЫБОР ПУТИ

Если бы внешняя политика зависела от общепринятых традиционных суждений статистического большинства, от его расхожих представлений о других странах и народах, от мстительных чувств к ним, то, например, Испания не могла бы стать союзником Англии в НАТО, постоянно помня о разгроме непобедимой армады и занозе Гибралтара. Поляки же выбрали бы союзниками только Италию и Венгрию, ибо по-прежнему уверены, что там их любят. Во Францию они были влюблены без взаимности, что в конце концов, пожалуй, поняли. Ко всем же своим соседям польское общественное мнение временами не расположено.

Такие чувства, главным образом враждебные, во всем мире составляют железный запас партийных идеологий. При необходимости из него отливаются избирательные боеприпасы. Горе, однако, государству, которое во внешней политике руководствуется настроениями толпы.

Было принято считать, что великие державы могут позволить себе роскошь определять свою стратегию в зависимости от программы партии, пришедшей к власти. Италия Муссолини, стремясь справиться с желанной ролью великой державы, вступила в войну, которая — даже в случае победы — сделала бы из нее вассала третьего рейха. Число правительств, готовых на самоубийство ради доктрины и престижа, все-таки вроде бы уменьшается. Республиканцы в США традиционно считались изоляционистами, а сегодня трудно отличить их активную тактику во внешней политике от практики демократов. Все это, разумеется, влияние экономической глобализации, столь же проклинаемой, сколь неизбежной и сносящей всяческие стены.

Фон Хайек утверждал, что существуют только два способа поведения: либо как на войне, либо как в торговле. Захватнические войны (хоть и не все отдают себе в этом отчет) изжили себя, ибо стало ясно, что мощь государства уже

не зависит от расширения его территории за счет соседей: были найдены другие способы. Процесс деколонизации во 2-й половине XX века был только следствием этого открытия. В свою очередь, торговля требует от правительств активной и эффективной внешней политики. В результате понятие "государственных интересов", столь туманное и употребляемое где ни попадя, стало полезным конкретным понятием только там, где царит примат внешней политики над внутренней.

Польша — страна, в которой определение этого понятия представляется довольно простым. Здесь категорический императив — попросту сохранение независимости. В отличие от стран, которые получили государственный статус в недавнее время, в большинстве случаев после первой, а то и после второй мировой войны, Польша — единственная на континенте крупная страна, которая была суверенна веками, затем на столетие с лишним утратила независимость, с трудом ненадолго обрела ее, чтобы — на памяти ныне живущего поколения — вновь стать объектом оккупации и раздела теми же самыми соседями. В чем состоят польские "государственные интересы", как понимает их большинство поляков? Не допустить, чтобы страна вновь оказалась зернышком, угодившим между двух жерновов. Эта боязнь крепко сидит в подсознании граждан и имеет под собой реальные основания, не позволяющие свести все к мании преследования. Доказательства видны на каждом шагу, особенно на кладбищах, где просто тесно от нескольких поколений элиты общества, которой систематически срубали голову захватчики либо их наместники.

Изменение геополитического положения казалось невозможным. После II мировой войны Польша по Ялтинскому договору оказалась в советской зоне разделенной Европы. Она буквально была передвинута на добрых 300 километров: ее восточные земли были присоединены к СССР, взамен же она получила на западе территории, прежде принадлежавшие Германии. Эта операция несомненно была одним из ис-

куснейших политических ходов Сталина. Она выглядела актом справедливости по отношению к украинцам и белорусам, ибо на востоке Польши они составляли большинство, хотя города (такие, как Львов и Вильнюс) были созданы польской культурой и стали ее оплотом. Она безусловно должна была стать актом справедливости и по отношению к Польше. А Советскому Союзу — обеспечить повиновение поляков: СССР выступал гарантом польской западной границы, а заслоном от немецкого реванша были советские дивизии, стоявшие на Эльбе и во многих гарнизонах на территории самой Польши. План Сталина основывался на уверенности, что главное в политике — географическая экспансия и что прав был Фридрих Великий, утверждая, что война бессмысленна, если не дает территориальных завоеваний. Такая точка зрения, в иных местах уже признанная анахронизмом, в СССР получила новую, мощную и универсальную мотивировку — коммунистический интернационализм. В переводе на язык практики это означало экспансию не столько идей, сколько системы власти при помощи советских денег, советников и оружия. Результатом стало разрастание в мире советских сфер влияния. После краха коммунизма в СССР как-то вдруг исчезло и большинство "освободительных движений" в стратегических точках нескольких континентов.

Поляки могли раньше других распознать в этой стратегии классические черты империализма. Главным доказательством стала полная несамостоятельность польской внешней политики. Ведомство, которое ее в действительности направляло, размещалось не в Варшаве на Аллее Шуха, а в Москве на Смоленской площади. Посол ПНР при ООН, кажется, ни разу не голосовал иначе, чем его советский коллега.

Конечно, были предприняты усилия, чтобы добиться признания Западом польской западной границы. Практически это сводилось к ее признанию Федеративной Республикой Германией. В сущности же это означало нарушение советской монополии на роль гаранта территориальной цело-

стности Польши. И не правительство, а могущественная католическая Церковь сделала решительный шаг: 18 ноября 1965 г. польские епископы направили немецким письмо, содержащее знаменательные слова: "Прощаем и просим о прощении". Правительство ПНР, ПОРП и даже значительная часть общества разразились гневом, но ход был за немцами.

В декабре 1970 г. в Варшаве канцлер ФРГ Вилли Брандт преклонил колени перед памятником героям гетто (участникам восстания 1943 г.) и закрепил договором границу Польши по Одеру-Нейссе. Глава коммунистической партии Гомулка не мог скрыть удовлетворения; впрочем, он уже отсидел свое (в 1951-1955 гг.) за отклонение от линии Кремля. В том же месяце, после рабочих волнений в Гданьске, ему пришлось уйти со своего поста, и вряд ли это обошлось без благословения Москвы.

Однако в целом Кремль оставался вполне доволен поведением Польши на международной арене. ПНР послушно разрывала отношения с титовской Югославией, Албанией, Израилем, приняла участие во вторжении войск Варшавского пакта в Чехословакию и даже внесла в конституцию (1976) положение о вечном союзе с СССР.

Марксистский кодекс правящей партии был сведен к верности последней директиве из Москвы. Бездарная экономика не оправдывала жертв, идеология их уже не обосновывала. Царь тоже был гол.

*

Антуан де Сент-Экзюпери говорил: чтобы найти выход из безвыходной ситуации, достаточно ввести в нее новый элемент.

Польское общество нашло такой элемент благодаря беспримерному по сути своей феномену — союзу рабочих и интеллигенции. Поэтому "Солидарность", создание которой завоевали августовские забастовки (1980) судостроителей и

металлургов, шахтеров и текстильщиков, с самого начала обладала программой и выдвинула не обычные претензии о повышении заработной платы, а требования политические — включая освобождение узников совести. Но — и это нам здесь особенно интересно — она была не только самоуправляющимся профсоюзным движением, но и очередным воплощением польского ирредентизма, добивающегося прежде всего независимости! Это требование, как написал генерал Лебедь ("Сегодня", 24.04.1996), было для России на протяжении всего XIX века "польским кошмаром". Теперь его сочли угрозой Варшавскому пакту и всей системе. 13 декабря 1981 г. генерал Ярузельский объявил в Польше военное положение, интернировав около пяти тысяч активистов движения, преимущественно интеллигентов. Этого оказалось достаточно, чтобы вызвать, с одной стороны, паралич открытых общественных выступлений, а с другой — застой в экономике и официальной культуре. Нужда, репрессии и скука сплелись в бикфордов шнур будущих взрывов.

Была ли реальной угроза вторжения войск Варшавского пакта (как утверждали коммунисты) или же нет, но фактор советской угрозы решающим образом повлиял на действия и правительства, и "Солидарности", и Церкви. До восстания дело не дошло. В результате операции Ярузельского убитых оказалось немного, среди них — девять шахтеров в первый день. Ах, да — многие сотни людей скончались от инфаркта, так как телефоны отключили на целые месяцы и не было возможности вызвать "скорую". Для ясности нашего рассуждения подчеркнем лишь, что после декабрьской операции поляки открыли одну простую аксиому: не может быть и речи о свободе, развитии, благосостоянии без полной, абсолютной независимости от Москвы.

Скажем сразу: серьезной причиной трудностей в разумном и честном уложении польско-русских отношений вскоре оказалось непонимание большинством русских, что эта аксиома представляет для большинства поляков абсолютно обоснованный императив.

Обоснованность ее была столь очевидна, что побудила руководителей правящей партии к переориентации. Реформы Горбачева, особенно ширящаяся "гласность", которая вскрыла крах экономики и бремя гонки вооружений, убедили польских власть имущих, что у Кремля нет ни бича для строптивых, ни средств на сохранение империи.

В Польше результатом стало соглашение "круглого стола": партия уступила часть исполнительной власти оппозиции, и были назначены парламентские выборы! После частичной, но эффектной победы на них "Солидарности" актриса Щепковская 4 июня 1989 г. имела все основания импровизированно заявить по телевидению, что коммунизм кончился. Компромисс вошел в жизнь без крови и препятствий. Парламент избрал на пост президента генерала Ярузельского, но с перевесом всего в один голос. Премьер-министром стал либерал-католик Мазовецкий, но "силовые" ведомства в правительстве остались до новых выборов в прежних руках. Однако вскоре лидера "Солидарности" Валенсу — на этот раз уже всеобщим голосованием — выбрали президентом. Коммунистическая партия заранее самоликвидировалась и преобразовалась в социал-демократическую.

Польский пример подтачивал империю, но СССР все еще существовал, советские гарнизоны стояли в Польше и контролировали транзитные дороги в ГДР. О самостоятельной внешней политике, то есть о подлинном суверенитете, не было и речи.

Самое крупное препятствие исчезло не по польской инициативе и не благодаря советской доброте. Берлинская стена рухнула уже в ноябре 1989 г., но 29 тяжеловооруженных советских дивизий по-прежнему стояли на Эльбе, в середине Европы. Эти дивизии могли в 48 часов достигнуть Атлантического побережья, они — а не ядерные арсеналы — вызывали страх на континенте, ибо в сфере ядерного вооружения царило убийственное равновесие, и обе стороны равно не стремились пойти на самоубийство. Состав и дислока-

ция ядерных сил носили не оборонительный, а наступательный характер. Не нужно было полковника Митрохина — каждый Полишинель знал этот секрет.

Все решил дородный американский генерал Норман Шварцкопф. Во время наступления в Кувейте в канун весны 1991 г. он разбил в пух и прах доблестную иракскую армию, оснащенную новейшей советской техникой, обученную четырьмя тысячами опытных советников и руководимую по схемам, столь прилежно следовавшим примеру Российской-Красной Армии, что за два дня до начала столкновения генерал Филатов заверял прессу: Ирак даст отпор неверным без малейшего труда.

Однако за сто часов этой кампании оказалось, что советский арсенал надо сдать в этнографический музей, стратегические и оперативные планы — в музей Академии им. Ворошилова, а обученных там командиров — пустить на подавление волнений и беспорядков. И всё.

Гражданские и политические деятели Запада плохо поняли эту войну и вскоре о ней забыли. А советский генералитет извлек из нее выводы серьезные и скорые. Сразу же после заключения перемирия в Персидском заливе в Варшаву прибыл начальник Генерального штаба, замминистра обороны Моисеев, чтобы обсудить условия транзита через Польшу дивизий с Эльбы, а за ними — и вывода гарнизонов из Польши: отныне они не были нужны. Вопрос он уладил без колебаний, хотя еще в феврале 1991г. генерал Дубынин, командующий Северо-Западной группой войск, в ответ на очередную польскую петицию ответил: "Уйдем, когда захотим".

Думаю, это был ключевой, хотя и не единственный аргумент. Только тогда советские и российские политики пришли к выводу, что "холодная война" кончилась — и что в выигрыше оказались другие. С момента вывода советских войск из Польши можно также говорить о реальной свободе действий в польской внешней политике. Последний советский солдат покинул страну в 1992 году.

События покатились лавиной. 28 июня 1991 г. была распущена организация Варшавского Договора. В августе того же года в Москве провалился так называемый путч Янаева, т.е. попытка сохранить СССР: армия его не поддержала. 1 декабря 1991 г. Украина провела референдум: 92% его участников проголосовали за независимость. Первой ее формально признала Польша. 12 декабря того же года в Беловежской пуще президенты России, Украины и Белоруссии ликвидировали СССР. 17 декабря Польша признала независимость всех членов СНГ и уже не граничила с востока с гигантским жерновом.

Никогда в истории геополитическое положение Польши не было столь выгодным. В отличие от довоенной эпохи оставшиеся в стране национальные меньшинства уже не стремились к самостоятельности. Никто из соседей не предъявлял к ней территориальных претензий. Германия, уже объединенная, 14 ноября 1990 г. подписала договор о признании и нерушимости существующей границы и соблюдении территориальной целостности.

Самые дальние и многообещающие перспективы открывались, однако, на востоке.

В отношениях с Россией наметилась наконец возможность нормализации — в буквальном и нелицемерном смысле этого слова, то есть без диктата одной стороны и вынужденной покорности — другой. Все спорные проблемы — все до одной второстепенные либо случайные — могли бы впредь вписаться в обычный протокол о разногласиях и подлежать последовательному разрешению на основе принципа равенства сторон.

Появилась возможность выгодного экономического и торгового сотрудничества — без диктата по отношению к более слабому партнеру. А Россия больше не должна была заниматься своеобразным субсидированием вассала (в виде поставок сырья), чтобы обеспечить его политическую надежность и боеготовность.

Наконец исчезла главная причина вековых конфликтов и кровавых войн, закончившихся поражением Польши, разделами, каторгой и ссылкой, истреблением цвета нации, — обоюдное стремление к захвату территорий, лежащих между Россией и Польшей, а также к господству над живущими там народами, в первую очередь над украинцами. Даже война с большевиками 1920 г., выигранная Польшей, закончилась всего лишь разделом Украины и Белоруссии между советской Россией и Польшей (как польская делегация на мирных переговорах в Риге состояла преимущественно из противников победоносного командующего Юзефа Пилсудского, который заключил союз с Украинской республикой Петлюры и делал ставку на ее независимость). Это разочарование и позднейшая дискриминация украинского меньшинства в Польше привели во время II мировой войны к кровавой резне, на которую немцы смотрели с одобрением.

Обретение независимости народами, населяющими спорные земли, устраняло сам предмет спора.

И, наконец, у России появилась возможность — как и у Польши — присоединиться к общеевропейским экономическим институтам, построенным на принципе равенства, в которые прежняя империя не могла вместиться — не столько ввиду ее огромных размеров, сколько из-за отличительного признака всех империй: их склонности к территориальной экспансии.

В категориях отвлеченной логики все это казалось очевидным. Практика оказалась логике и рассудку неподвластна.

А ведь эти надежды получали обоснование в важной исторической особенности: Россия наконец получила возможность доказать, что она не обречена на роль пугала Европы, на судьбу захватнической империи; эта судьба только что довела ее до экономического краха, привела на грань самоубийственной конфронтации с Западом. Теперь у нее появилась возможность выбора, для нее самой спасительного.

Часто читаешь, что Россией можно управлять только авторитарно и что вообще она может существовать только

как империя. Тогда бы она играла роль последней колониальной державы в мире. Сторонники детерминизма в истории дружно утверждали, что это рок России. Пишущий эти строки имел честь вступить в спор по этому вопросу с Ричардом Пайпсом. С другой стороны, Адам Даниэль Ротфельд (директор Международного института по исследованию проблем мира в Стокгольме) пишет, что "наибольшая угроза России (и всему миру) — не опасность ее распада и тем более не несуществующая внешняя угроза, а имперские амбиции в сочетании с внутренней слабостью государства".

Что касается Польши, то у нее было немало средств и случаев, чтобы помочь и себе самой, и России сделать правильный выбор. Я утверждаю, что самым важным из этих средств была возможность поддержать Украину в деле укрепления ее независимости. Только это могло предотвратить возвращение России на прежний роковой путь, уже разваливший Империю. Перед ней открылся (и по-прежнему открыт) иной путь, тот, которым пошли другие бывшие империи. Те же Германия, Италия, Япония, Великобритания, Франция избавились — не без горечи, но в конце концов с облегчением — от колоний, чтобы перейти к интенсивному хозяйству, гораздо более прибыльному.

Признаемся, что возможностей этих, недооценив их, не использовали как следует ни Россия, ни Польша. И там и тут возникли одни и те же явления: отсутствие политического воображения, абсолютное непонимание новых особенностей ситуации, отсутствие новой концепции сосуществования. Сон разума пробуждает чудовищ — и вот старые стереотипы и былые претензии заслонили реальные проблемы, достойные деловых переговоров.

Поведение русских объясняется как дезориентацией после внезапного развала империи, так и отсутствием разумных и заранее продуманных планов на случай появления возможности перестройки системы и государства. Все известные проекты эмиграции или внутренней эмиграции ("дисси-

дентов") базировались на примерах из прошлого и не учитывали радикальных перемен, произошедших за 70 с лишним советских лет. И план Солженицына ("Как нам обустроить Россию") здесь не исключение. Планы Сахарова и других испытанных демократов были основаны на убеждении в прочности системы и рассчитаны на волшебную силу прогресса, который должен был привести к конвергенции огня с водой.

В польском же обществе постоянно теплится традиционная и всеобщая вера во временность любой навязанной системы. Но, кроме этой иррациональной веры, у них было нечто уникальное в рамках всего социалистического лагеря: заранее разработанная концепция изменения своего кошмарного геополитического положения путем установления совершенно новых отношений с соседями — в предвидении распада Советского Союза. Прогнозы казались утопическими, концепция — рискованной. Но ее создатель Ежи Гедройц был уверен, что только при таком развитии событий и стоит всерьез говорить о независимости Польши и, главное, об укреплении этой независимости. Он был охвачен настоящей манией независимости — как Польши, так и своего журнала. На протяжении 55 лет в 637 выпусках парижской "Культуры" (добавим сюда 135 томов "Исторических тетрадей" и свыше 600 книг, в Польше запрещенных) Гедройц совершенствовал эту программу и формулировал условия ее осуществления, вдохновляя десятки лучших польских литераторов. Выразитель его мыслей Юлиуш Мерошевский разработал основы стратегии. Она опиралась на мысль о том, что Украина, Литва и Белоруссия — естественные союзники Польши, а их независимость — залог добрососедских отношений Польши с Россией. Другая, особенно важная гарантия — включение России в европейские структуры, превращение ее в партнера, извлекающего из этого очевидные выгоды — как это уже произошло с Германией.

Из этих посылок следовали два основных вывода: "Мы должны искать контакты и точки соприкосновения с русскими, готовыми признать право украинцев, литовцев и

белорусов на самоопределение, но при этом мы, что столь же важно, должны сами раз и навсегда отказаться от Вильнюса, Львова и от любого рода политики или планов, направленных на установление (в условиях благоприятного стечения обстоятельств) нашего превосходства на Востоке за счет вышеназванных народов", — писал Мерошевский.

Эти строки, написанные почти полвека назад, казались — как кругам польской эмиграции, так и внутри страны — смесью фантазии и богохульства, но свое дело сделали: интеллектуальная элита страны приняла со временем эти тезисы как естественные. Они перестали быть в ее глазах фантазией, когда наконец стало ясно, что половину работы кто-то за нас проделал и немецкий жернов уже не нависает над Польшей. Гедройц понял это сразу после войны и с одинаковой силой боролся с польскими предубеждениями, как антирусскими, так и антинемецкими — традиционно главным аргументом польских правых. Теперь можно было сосредоточиться на активной восточной политике. Это стало наконец реальным, когда в 1989-м, в год "Осени народов" , прогнозы Гедройца оказались верными. Да, общественное мнение признало его правоту. Более того, приверженцами "Культуры" выставляли себя даже те, кто вчера занимался ее конфискацией. На практике же из концепции Гедройца сделали выводы немногие политики. Среди них нужно упомянуть президента Квасневского, который многое сделал для того, чтобы объединяющаяся Европа считалась с Украиной, и профессора Геремека, который (на посту министра иностранных дел) довел до конца дело вступления Польши в НАТО, чтобы она могла наконец договариваться с Россией как равный с равным. Эти и некоторые другие политики — как, например, Владислав Бартошевский — извлекли из посылок Гедройца рекомендацию, которая и сегодня может служить важным руководством для польской восточной политики: как можно лучшие отношения с Россией — но только не за счет общих соседей, особенно Украины.

Но иные (как быстро обнаружилось) при первой возможности сочли эту программу неактуальной. Увы, своих альтернативных программ у них не было. И польские партии вернулись к своим вчерашним, а то и довоенным идеологическим штампам. Гедройц ответил на это афоризмом о том, что Польшей правят два гроба — Пилсудского и Дмовского, вождя национал-демократии.

Правые волокли в идейном багаже наследие национал-демократов: враждебность к национальным меньшинствам, их своеобычности (тем более к их самостоятельности); отрицательное отношение к интеграции с распутной, вольнодумной и либеральной Европой; ненависть к такому комплексу принципов, где нет места национальной мании величия. Их отличительная черта — сплав национализма с католическим фундаментализмом, закаленный в годы опасностей и неволи, что не мешает крайне правым декларировать свою симпатию к России. В этот сплав входит не искренняя любовь, не славянское братство, а лишь традиционная готовность выслуживаться перед империей в обмен на объедки добычи, захваченной у украинцев, белорусов, литовцев. Не зря Жириновский обещал Львов маргиналам-националистам, пригласившим его в Польшу.

В сознании левых (вернее, того их большинства, которое считает себя наследниками ПОРП) вписана привычка относиться к Москве как к центру и заступнице, усиленная желанием представить себя "голосом масс". Неприязнь к стратегическим союзам с ближайшими восточными соседями, особенно с Украиной, левые оправдывают крупными и скорыми экономическими выгодами, которые сулит сближение с Россией. В период правления левой коалиции СЛДС и "Польского стронництва людового" (крестьянской партии) (1993-1997) попытка такого сближения привела к конфликту с обязательствами Польши по отношению к Евросоюзу (несостоявшийся договор о зоне свободной торговли, 1996), к тому, что Польша оказалась чуть ли не в исключительной за-

висимости от поставок российского топлива, а кроме того — к росту польского дефицита в торговле с Россией.

Центристы, т.е. приверженцы свободного рынка, интеграции с Европой, "зеленой улицы" для предпринимательства, т.е. группировка, объединяющая союзников "Солидарности" из среды интеллигенции и либеральных католиков, связаны определенной традицией. Их самые проницательные идеологи принадлежали к католической группе "Знак", которая получила от коммунистического правительства ПНР несколько мест в тогдашнем Сейме, а также скромные общественные и издательские уступки — в обмен на отказ от вмешательства в восточную политику, т.е. в отношения правительства и партии с Москвой. И все свои силы они посвятили восстановлению связей с Западом и Ватиканом. Их духовным ориентиром стал Папа Иоанн Павел II. Их заслуга — сравнительно быстрое примирение с Германией. Но много лет отворачиваться от Востока — будто за Бугом ничего не происходит и Польша ни на что не может повлиять, — это имело свои последствия. Но даже эта группировка не включила тезисы Гедройца в свою программу и не отстаивает их на страницах своих весьма влиятельных органов. Не исключено, что это бездействие стало одной из причин заметного падения избирательных шансов "Унии свободы". В Польше избиратели небезразличны к слову "независимость".

Группа, которая откололась от этого центристского объединения, создав "Гражданскую платформу", в восточной политике провозглашает т.н. минимализм, т.е. тактику невмешательства во все, что происходит за Бугом, а это означает согласие на то, чтобы Украина попала под крыло России. Одновременно это означает смириться с возвращением России на старый путь воссоздания империи, что неизбежно приведет ее к отказу от усилий и затрат на экономические реформы и общественное переустройство. Этот минимализм они объясняют тем, что Польше якобы не по средствам

и не по силам оказывать влияние на происходящее у наших восточных соседей. Эта оценка неверна: влияние было немалым, случаи, когда можно было его оказать, — многочисленными, но их упустили или плохо использовали из-за отсутствия ясной политической программы, отвечающей совершенно новому геополитическому положению.

Это бросается в глаза при анализе действий всех группировок, стоявших у власти уже в свободной Польше, и объясняет немалую часть трудностей в ее отношениях с Россией.

Прежде чем отметить польские ошибки и упущения, подчеркнем, что прежде всего не увидели новых перспектив или недооценили их западные политики, принимающие решения о стратегии по отношению к России и странам бывшего соцлагеря. Особенно тревожит тот факт, что у них не было и нет концепции включения России в европейские структуры — концепции, которая оказалась бы настолько выгодной для нее, чтобы отнять нужду и охоту вернуться на имперские рельсы. Похоже, что они не видят ключевой роли украинской "стрелки" в таком переводе путей России.

Запад имел основания счесть вопрос переустройства и стабилизации России самым важным. Возникает, однако, впечатление, что на Западе больше заботились о формальном подобии того, что марксисты называют "надстройкой", принятому образцу демократии, чем о фундаментальном преобразовании экономического "базиса". Хуже того, за громогласным восхвалением демократии таилось тихое опасение, что распад СССР и развитие политических партий приведет к увеличению числа пальцев, тянущихся к пресловутой атомной кнопке. Эта озабоченность, хоть и обоснованная, не могла подменить долгосрочную концепцию. В результате Украина дождалась частичной помощи лишь после передачи и отправки в Россию ядерных боеголовок.

В России же приватизация государственных промышленных гигантов была заменена весьма демократической раздачей ваучеров, что привело к появлению акционеров без

капиталов и влияния. Самый крупный из этих гигантов, "Газпром", — мастер всевозможных сделок: когда я пишу эти слова, он только что поглотил НТВ, последнюю общероссийскую негосударственную телекомпанию. Россия до сих пор не знает подлинного земельного оборота. Взяточники переводят десятки миллиардов долларов из зарубежных кредитов на частные счета в западных банках. В результате российские граждане, как консерваторы, так и реформаторы, а вместе с ними западные политики — все дружно ждут от президента Путина доказательств, что он заслужил свой черный пояс дзюдо.

Бытует такое убеждение, будто российско-польские отношения ухудшились после перелома 1989 года. Кто имеет в виду межгосударственные отношения, тот заблуждается. Отношения стали более здоровыми, а значит лучше, чем вышеописанное состояние феодальных связей в рамках Варшавского пакта. Это не значит, что они не должны стать намного лучше, т.е. нормальными — по образцу таких, какие связывают Россию с другими членами НАТО, хотя бы с Голландией или Норвегией, которая, заметим, граничит с Россией. Разница, видимо, состоит в том, что Польша входила в состав империи. Впрочем, и Нидерланды долго были частью испанской империи, но в Мадриде ни один здравомыслящий человек не относится к ним, как к заблудшей овце, и не включает в "сферу влияния". Этот последний термин выплыл в языке российской дипломатии эпохи Ельцина (о котором мы, кстати, еще пожалеем), и на такое отношение наталкивалась тогда Польша, уже суверенная.

Первые трения после перелома 1989 г. были результатом попыток относиться к Польше по-старому — как к органической части "сферы влияния". Однако это был не столько условный рефлекс, сколько сигнал, что СССР продолжает считать ялтинский раздел Европы актуальным. Пробным камнем должен был стать проект экстерриториального "коридора" из Белоруссии через Польшу в Калининград. Ель-

цин неосторожно разгласил этот план, и только сопротивление польской общественности не позволило завершить секретные переговоры. Этот план неизбежно напоминал каждому поляку о плане аналогичного "коридора" из Германии в Восточную Пруссию, который выдвинул Риббентроп в 1939 году. Еще красноречивее была попытка России наложить вето на вступление Польши в НАТО. К ряду великодержавных неприятностей, устроенных Польше, принадлежала — и по-прежнему принадлежит — запрет использовать воды Пилавского пролива, в результате которого океанские суда не могут заходить в Эльблонгский порт. Отметим также запрет ловли рыбы в Охотском море, накладываемый на польский рыболовный флот время от времени, по обстоятельствам.

А теперь признаемся, что повод к раздражению и желанию устроить неприятности давали России и некоторые бестактности и ошибки польской стороны. С сожалением подчеркнем, что чаще всего они относились к рядовым российским гражданам. В качестве pars pro toto (часть как пример целого, лат.) возьмем происшествие на варшавском Восточном вокзале в ноябре 1994 г., когда пассажиров вагона Москва — Брюссель ограбила банда российских гангстеров, а польская полиция избила и задержала не грабителей, а их жертв, ибо те пытались остановить отъезд поезда и вернуть отобранное у них имущество. Польские власти повели себя просто глупо: поначалу они старались оправдать очевидное насилие, а затем отправили в Москву целый штаб МВД приносить извинения. Не помогло. Российская пресса и Дума бурлили угрозами и возмущением, доказывавшими, что Польша — самый удобный кандидат на должность "дежурного врага". К этому прибавились протесты в Польше против войны в Чечне и громкая высылка сразу девяти российских дипломатов в 1999 г. (с немедленной ответной высылкой польских дипломатов из России).

*

Неблагоприятные перемены в экономических отношениях больше отразились на Польше, чем на России. Напомним, что советская сторона первой (еще 1 января 1991 г.) перешла к расчетам с Польшей в конвертируемой валюте (т.е. долларах), отказавшись от клиринга и запретив бартерные сделки. Наступившие перебои в снабжении заставили Россию несколько смягчить эти ограничения, но все равно в течение года польский экспорт в СССР снизился на 48%, а импорт из СССР в Польшу — на 46%. Заметим, что только на РСФСР раньше приходилось около 65% польско-советского торгового оборота, и Польша занимала второе-третье место в ее внешней торговле. Это больше никогда не повторится, так как сегодня Россия торгует со всем миром, извлекая из этого куда большую выгоду, чем из торговли со странами СЭВ с их экономической автаркией. И в сегодняшней Польше 70% оборота приходится на торговлю с Западом. До краха рубля (1998) торговый оборот Польши с Западом достигал 60 млрд. долл., а с Россией — 4.

В 1995 г. 40% польского экспорта в Россию составляли сельскохозяйственные и продовольственные продукты, но августовский кризис резко понизил эту цифру. Однако в то же время сырье (особенно газ и нефть) составляют 78% российского экспорта в Польшу. В результате 70% газа, используемого в Польше промышленностью и населением, идет из России. Напомню: принцип Евросоюза состоит в том, чтобы получать от одного внешнего (не принадлежащего к ЕС) поставщика не больше 30% горючего — это ключ к независимости.

Одним словом, на протяжении последнего десятилетия и польский экспорт, и вообще торговый оборот с Россией уменьшился, зато возросла зависимость Польши от России в самой, можно сказать, огнеопасной точке.

Общей чертой межгосударственных отношений было то, что со второго места в соцлагере Польша была задвину-

та в дальний угол внимания российских политиков. Это было особенно явно в первые годы десятилетия и несколько изменилось после прихода к власти Путина. Причина уменьшения роли Польши была проста: стратегической доктрине России пришлось стать оборонительной, и Польша перестала иметь значение как территория транзита на базы в ГДР и как тыл экспансии на Запад. Перестала Польша быть и необходимым торговым и промышленным партнером после того, как были открыты границы, а США отменили эмбарго на множество продуктов, ранее недоступных в СССР, но допущенных к экспорту в ПНР.

*

Выгоды и потери, споры и конфликты между власть имущими в России и Польше не исчерпывают проблемы польско-российских отношений с тех пор, как население обоих государств получило подлинные гражданские права, в том числе свободу передвижения и свободу слова.

Status quo ante (прежнее положение дел, лат.) в области отношений между людьми, особенно на деликатном поле культуры, во время существования соцлагеря не было таким уж плохим. Правда, поездки были редкими, разрешения на них можно было получить с трудом, но гастроли театров были частыми и сопровождались искренними овациями, а число издаваемых в переводе книг било все рекорды. Цензура в Польше не могла причинить особого вреда Толстому, Герцену и даже Достоевскому, а притеснения, которым она подвергала выдающихся польских писателей, заставляли тех зарабатывать на жизнь переводами, что сильно повышало их уровень. Для русских же книги и периодика из ПНР (считавшейся "самым веселым бараком в соцлагере") ценились, как ценится увольнительная из казармы; фильмы же знаменитой "польской школы" были той форточкой, через которую можно увидеть отблеск Запада. Ежемесячный журнал "Польша"

на русском языке (пусть и подцензурный) достигал тиража в 350 тыс. экземпляров. Молодежь учила польский язык, чтобы читать польские книги и журналы в оригинале — так изучил польский Иосиф Бродский. Поляки же читали в польских переводах Солженицына и Синявского, запрещенные произведения Пастернака или Надежды Мандельштам, издававшиеся Гедройцем и контрабандой доходившие в Польшу, а также, прильнув к радиоприемникам, слушали их по "Свободной Европе".

Легко видеть, что всё это — явления из жизни интеллигенции, однако нигде она не была так многочисленна (несмотря на постоянные чистки) и так влиятельна (несмотря на репрессии), как в этой европейской провинции. Нигде не было у Булата Окуджавы такой многочисленной аудитории, как в Польше, нигде Лем, Вайда, Ольбрыхский не были так популярны, как в СССР.

Подчеркнем, что большинство этих положительных явлений возникло не благодаря, а вопреки правилам и рамкам системы. По-над границами создалась своего рода общность тех, кого называли диссидентами, ревизионистами, а то и "антисоциалистическими элементами", — они и разрушали стену между обоими народами, расшатывали вековую вражду и закладывали основу возможного взаимопонимания. Это делали они, переводчики и читатели, слушатели, зрители и распространители нелегальной печати, а не члены официальных "обществ дружбы", этих фабрик скуки и лжи.

Примером такой солидарности была история "катынбского дела". Несколько десятилетий продолжались старания советских властей замести следы преступления и доказать, что это было дело рук немцев. Хотя польские эмигрантские и западные историки со всей достоверностью доказали, что расстрелы в Катыни и других, тогда еще неизвестных местах произведены органами НКВД, ни у них, ни тем более у историков в Польше не было доступа к источникам, которые могли бы дать последнее неопровержимое доказательство.

Правда окончательно обнаружилась благодаря упорству и честности нескольких российских ученых и общественных деятелей, и то лишь во время перестройки. Особую роль тут сыграли профессор Н.Лебедева, Юрий Зоря и академик А.Н.Яковлев, бывший член политбюро ЦК КПСС. Но решающее доказательство нашли члены общественной организации "Мемориал" (занимающейся историей репрессий и помощью их жертвам), которые открыли массовое захоронение 6300 польских полицейских из лагеря военнопленных в Осташкове — на территории дома отдыха НКВД в Медном близ Твери, где немцев во время войны вообще не было.

*

Расцвет "гласности" при Горбачеве парадоксальным образом изменил ситуацию. Ослабление, а потом и отмена цензуры и открытие границ отняли у Польши роль "окна на Запад". Польские книги были вытеснены с книжных прилавков массой новинок из "настоящей заграницы", прежде чем в России успели перевести и издать произведения польских авторов, ранее запрещенные цензурой. Польская пресса исчезла из киосков и библиотек. Польская филология перестала быть модной у студентов. Результатом этой отрицательной тенденции стало все ширящееся в России незнакомство с польскими делами, историей и текущими событиями — притом в период кардинальных реформ, общественных и экономических преобразований, которые российских граждан должны были бы интересовать. Чтобы противостоять этой тенденции, с сентября 1999 г. мы начали выпускать при Национальной библиотеке в Варшаве ежемесячный журнал "Новая Польша", предназначенный для российской интеллигенции, рассылаемый в несколько тысяч библиотек на всей территории Российской Федерации и принятый читателями весьма доброжелательно. По настоянию Ежи Гедройца основал и возглавил журнал автор этих строк.

При этом в Польше отнюдь не перестали появляться российские новинки, а масса произведений русской литературы, известных только по эмигрантским и "самиздатским" изданиям (подпольное книгоиздательское дело широко развилось во время военного положения), вышли в легальных издательствах — например, многочисленные издания "Архипелага ГУЛАГ". Зато с экранов кино и телевидения в России почти исчезли польские кинофильмы, а в Польше — российские. Ослабло научное сотрудничество. По финансовым соображениям весьма ограничились гастроли театров и оркестров.

Это не значит, что связи прервались — наоборот. Зато радикально изменилась их социальная структура: вместо обедневших и оттесненных со сцены интеллигентов связи принялось устанавливать простонародье. Люди с полосатыми пластиковыми сумками, не читавшие ни "Доктора Живаго", ни стихов Милоша в русских переводах, заполнили базарные площади и трибуны стадионов по всей Польше. Восемь миллионов граждан бывшего СССР побывали в Польше в тот самый год, когда на варшавском Восточном вокзале произошло вышеупомянутое печальное происшествие. Беспристрастно отметим, что подобные происшествия случались нечасто. Отношение поляков к русским явно улучшилось с тех пор, как они перестали появляться в строю, а мундиры сменили на непритязательные одежки.

Но пришельцы как будто этого не оценили. Конечно, у них на то было немало причин, и вовсе не личного порядка. С польских площадей исчезли все памятники "нерушимой дружбы", все статуи советских вождей, начиная с Ленина и Дзержинского, с табличек с названиями улиц — все имена "воинов-освободителей", не исключая и маршала Конева, который действительно спас Краков от разрушения (и, добавим, грабежа); в Варшаве сохранилась, пожалуй, только улица Юрия Гагарина. Не пощадили, к сожалению, и военных могил: с почетных мест в городах советские братские могилы советских воинов перенесли на отдаленные кладбища.

Поляки в большинстве своем не догадывались, что эта серая толпа терзается чувством утраченного достоинства, столь естественным после потери их государством статуса сверхдержавы. Более того — что это чувство усиливается благодаря феномену, известному лишь подданным диктатур: историк С.М.Соловьев утверждает, что национальная гордость способна заменить собой свободу, т.е. компенсирует ее отсутствие — и, как правило, преувеличенно. Причиной претензий становилось господствовавшее среди вчерашних советских граждан убеждение, что принадлежность к социалистическому лагерю должна была составлять предмет гордости — гордости за участие в предприятии, может быть, и зловещем, но вызывающем восхищение и ужас у всего остального мира.

Однако не эти психологические сложности содействовали обострению неприязни, а ограничения на въезд из-за восточной границы, введенные Польшей в 1998 г. в связи с ее предстоящим вступлением в Евросоюз. Эти ограничения прежде всего были введены для граждан России. Опустели базарные площади, и Польша стала терять около миллиона долларов в год.

С другой стороны, перспектива вступления Польши в НАТО, а также соблюдения ею директив Евросоюза и правил контроля на его границах склонили официальную Россию внимательнее отнестись к отношениям с Польшей и яснее определить свою польскую политику. Логика говорит, что выбор стоял между тремя вариантами. Первым был (и остается) принцип добрососедских отношений, применяемый Россией к уже упоминавшейся Норвегии. Второй — поставить соседа в такую экономическую зависимость, чтобы превратить его в "мягкое подбрюшье" Североатлантического союза. И, наконец, третий — рассматривать Польшу как агрессивного противника.

Видимо, поначалу выбрали эту последнюю тактику. Красноречивым ее проявлением стала в 2000 г. кампания по-

исков "анти-Катыни", т.е. доказательств, что Польша совершила аналогичное преступление по отношению к советским военнопленным в 1920 году. Уже нельзя было отрицать, что в Катыни, Пятихатках (на Украине) и Медном лежат поляки, расстрелянные НКВД, — следовало доказать, что это убийство было лишь праведной местью. За это взялся, в частности, Аман Тулеев, губернатор Кемеровской области. В двух статьях на страницах "Известий" он нагромоздил цифры и данные, взятые с потолка, не отвечавшие истине, противоречившие хотя бы свидетельству Тухачевского, командовавшего Красной Армией при наступлении на Варшаву. Да, многие советские военнопленные умерли в польских лагерях от болезней, ран и недоедания, но до сих пор никому не пришло в голову инсинуировать, что это произошло — вот в чем разница! — в рамках чудовищного замысла и по приказу польского командования. Российские историки были приглашены в Польшу, чтобы досконально изучить это печальное дело.

Такие кампании, подчеркнутая холодность и неоднократное откладывание визитов в Польшу на высшем уровне — все это имело целью добиться от Польши политических уступок; по тому же самому принципу автомобильные концерны заранее объявляют о повышении цен на свои машины, чтобы заставить клиентов срочно покупать их, пока цены не повысились. Но этот тактический вариант подвел в самом главном: он усилил стремление Польши вступить в НАТО и ускорил ее прием, состоявшийся в апреле 1999 года. Пришло время менять тактику.

*

Улучшение официальной атмосферы в отношениях между Польшей и Россией наступило в 2000 году. Встреча нового президента РФ Владимира Путина с Александром Квасневским в Москве состоялась по инициативе польской стороны. Затем Варшаву посетил председатель Государст-

венной Думы коммунист Селезнев, был проведен визит премьер-министра Касьянова. Эти и другие признаки усилившегося интереса к Польше и оживления торговых отношений должны бы только радовать, если бы не один их политический оттенок. Перемены произошли в контексте проблемы вроде бы частной, но сосредоточившей в себе самые характерные черты отношений России с Польшей, Украиной и странами НАТО. Эта проблема, сама по себе тревожащая, принесла один благой результат: открыла глаза на самое вероятное развитие этих отношений в ближайшем будущем.

Речь идет о строительстве новой нитки транзитного газопровода, которая должна быть проложена через Польшу, чтобы снабжать западные страны российским топливом. По одному такому трубопроводу газ уже поступает с Ямальского полуострова через Белоруссию и Польшу в Германию и дальше. По пути газ из этой трубы получает и Польша, даже с избытком: соглашение, заключенное в 1993 г., фиксирует минимальный объем поставок и не разрешает перепродавать излишки. Другой действующий трубопровод проходит через Украину и по пути поставляет ей топливо. Для Украины это единственный источник газа. "Газпром" потребовал, чтобы новый, проектируемый газопровод был проложен вне территории Украины. Ни поставщика, ни тем более западных партнеров не принуждают к такому выбору никакие экономические причины. Аргумент "Газпрома" о том, что Украина ворует газ из трубы, означает, в частности, что она задолжала за поставленное топливо. Но сегодня страна становится на ноги, ее валовой национальный продукт возрос на 6%, и при премьер-министре Ющенко она за год выплатила долг в 2 млрд. долларов. Таким образом, дело не в экономике, а в политике. Если требование "Газпрома" будет выполнено, достаточно закрыть газовый кран, чтобы Украина оказалась отданной на милость могущественного соседа.

Какие перспективы это открывает? Не нужно быть Гедройцем, чтобы найти ответ, — здесь требуется не ясновидение, а всего лишь минимальное политическое воображение.

Для Украины утрата энергетической независимости означает (раньше или позже) утрату независимости, возвращение под уже истлевший саван. Нарастание этой тенденции заметно и на улицах Киева, и в зале заседаний парламента. Сторонников "просоветской" партии толкнуло на бурные действия не что иное, как опасение, что страна все-таки сама выберется из нужды.

Для России поглощение Украины означает победу рокового искушения, но, думаю, это была бы Пиррова победа. Россия стоит перед самым важным в своей истории выбором. Она может выбрать путь несущих тяготы населению и дорогостоящих реформ, которые прежде всего требуют перехода от экстенсивной, грабительской экономики (главным образом сырьевой) к интенсивной, не нуждающейся в войнах и территориальных захватах, позволяющей отказаться от территориальной экспансии. Германия и Япония были принуждены стать на этот путь — и сегодня благословляют судьбу. Россию ничто к этому не принуждает, кроме провала всех иных способов, особенно того, который использовали большевики. Однако она может выбрать возвращение на ту же старую имперскую дорогу, неизбежно ведущую к экспансии, а значит, к конфликту. Империи же — повторим еще раз — без Украины быть не может, а путь к империи лежит через трубопровод. История с газопроводом — зловещий сигнал, и не только для нас, но и для самой России.

Для Польши перспективы ясны, но далеко не блестящи. Она потеряет важного союзника и, что важнее, доверие украинского общества, с таким трудом выцарапанное из кровавых лап истории. После этой потери в случае того или иного конфликта Польша примет на себя "первый огонь" или, как раньше говорили, станет прифронтовым государством. Неудивительно, что Россия тогда обратит свои претензии и требования прежде всего к Польше.

Скажем наконец, что в таких обстоятельствах и перед лицом таких перспектив Польша не может выбрать худшей

стратегии, нежели проповедуемый в последнее время минимализм. Он и без того уже давно использовался, и без того уже было совершено множество ошибок в рамках незаинтересованности ("дезинтересман") делами восточных соседей. Назовем хотя бы ту ошибку, что трасса трубопровода не была предварительно обсуждена с западными партнерами.

Эрзацем стратегии становится примат экономики над политикой. Этот лозунг объединяет сегодня в Польше партии и общественных деятелей самого разного толка. Но эта программа опирается на три иллюзии. Во-первых, на предположение, что партнер тоже заинтересован только в экономической выгоде; как мы уже знаем, это не так. Во-вторых, на убежденность, что иерархии интересов не существует, что все они равно хороши — и краткосрочные, и перспективные. В-третьих, на удивительную уверенность в том, что экономические действия не имеют политических последствий. Весь этот комплекс иллюзий подменяет собой столь нужный прагматизм и пропагандируется под лозунгом борьбы с польским романтизмом и мессианством, которые якобы характеризуют восточную программу Гедройца.

Но прагматизм, смею полагать, состоит вовсе не в том, чтобы ради близлежащей выгоды, пусть даже крупной, отказаться от выгоды жизненно важной — от геополитической безопасности.

Для Запада, особенно для стран — членов НАТО, перспектива проста: они снова будут граничить не с несколькими самостоятельными государствами, а с империей, лежащей вдоль всего польского "восточного рубежа". Но это и есть доказательство близорукости их политики. Если они хотели безопасного включения России в систему кровообращения свободного мира, то просчитались. Советский Союз никак не вмещался в общество равноправных государств, не стремящихся расталкивать друг друга локтями на географической карте. Может ли он вместиться туда после своей реинкарнации? Будет ли риск конфликтов на границе с империей мень-

ше, и будут ли сами конфликты мельче? Если же политики Запада не хотели накликать беду и толкнуть Россию на привычный путь экспансии, то не нужно было договариваться с "Газпромом" над головами поляков и во вред Украине. Разве что речь шла о "новой Ялте", на этот раз в ущерб Украине. Как в 1945-м — в ущерб Польше. На границе, обозначенной Шенгенским соглашением, может появиться "железный занавес". И на этот раз — не по вине Сталина.

Что бы ни случилось, планы России по отношению к Западу будут все больше определяться ее отношением к Польше. Именно оно и послужит для этих планов пробным камнем.

"Новая Польша" 10/2001
"Il Folio", Рим, Ноябрь 2003

НАДЕЯТЬСЯ ИЛИ ОПАСАТЬСЯ?

Несколько месяцев назад я дал интервью журналисту "Газеты выборчей" Войцеху Мазярскому. Это был разговор пессимиста с реалистом о Польше и России. События, происшедшие после этого, подтвердили доводы реалиста, т.е. редактора "Новой Польши", но в то же время яснее показали, какие опасности стоят на нашем общем добрососедском пути. Поэтому мне кажется, что в начинающемся 2001 году стоит ознакомить наших читателей с этими спорами и прогнозами.

Е.П.

— Не ладится у нас с Россией. Руководимый вами журнал "Новая Польша" хочет разговаривать с русскими спокойно, серьезно, по существу. Но возможен ли такой разговор в нынешней ситуации?

— Когда, поддавшись уговорам Ежи Гедройца, я взялся редактировать этот журнал, я понимал, что нет диалога труднее польско-российского. Поляки, как правило, убеждены, что русские несут ответственность за все несчастья Польши второй половины XX века. Русские же живут в убеждении, что поляки должны быть им по гроб благодарны, и не только за изгнание с территории Польши гитлеровских войск: они в самом деле считают, что 29 советских дивизий, которые на протяжении полувека готовились к броску на запад, за Лабу, охраняли и благоденствие поляков.

Очень многие русские говорят так: сначала мы вас освободили, потом охраняли вашу безопасность и наконец добровольно покинули вашу территорию. Обошлось без восстаний — мы просто собрали манатки. И что же нас за это ожидало? Черная неблагодарность. Уверенность в том, что поляки — русофобы, объединяет в России все "красные" и "коричневые" фракции.

Те, кто поддерживает такой образ Польши, используют три обстоятельства. Во-первых, услуги (не всегда бессоз-

нательные), которые им оказывают их чрезмерно патриотичные польские близнецы — взять хотя бы познанских (23 февраля участники демонстрации в защиту Чечни напали на здание российского генерального консульства в Познани, о чем мы писали в весенних номерах журнала. — Ред.). Во-вторых, застарелый стереотип кичливого и коварного поляка. В-третьих, отсутствие информации о Польше в российской прессе, телевидении, книжных магазинах; сегодня там больше пишут о Португалии. Уже такая степень неведения и дезинформации на тему Польши не позволяет нам бездействовать. "Новая Польша" здесь очень кстати.

— Неужели там никому не приходит в голову, что российское присутствие на нашей земле все-таки не было для Польши таким уж благодеянием?

— Приходит, но, как ни парадоксально, это не способствует взаимопониманию. Конечно, русские сознают, что с их присутствием в Польше было что-то не так. Если бы поляки были ему рады, не вспыхивали бы всё новые беспорядки, мятежи и восстания. Несколько лет тому назад генерал Лебедь писал в газете "Сегодня", что одной из ужаснейших вещей в истории России был "непрестанный польский кошмар", не дававший российским властителям покоя на протяжении всего XIX и половины XX века. Поэтому, может быть, в глубине души русские и попрекают себя за традиционную политику в отношении Польши, но вытесняют это из своего сознания, ибо, как говорил Толстой, труднее всего простить обиду, которую ты сам кому-то нанес.

В письмах читателей в "Новую Польшу" я не раз улавливаю этот характерный синдром: подспудным угрызениям совести сопутствует убеждение, что мы неблагодарны по отношеню к своим благодетелям. Ведь они оставили в нашей земле 600 тыс. солдат. Эти ребята погибли, сражаясь с немцами; им и в голову не приходило, что они гибнут за то, чтобы создавать у нас колхозы, — они же сами рвались из

них. Тот, кто не чтит их память, грешит и политической глупостью, и отсутствием великодушия.

В утешение добавлю, что трудности в контактах с русскими возникают не только у нас. Никто в мире толком не знает, как к ним относиться. Запад перед Россией беспомощен. Приведу первый попавшийся пример: видный историк и политолог Ричард Пайпс в интервью газете "Жечпосполита", с одной стороны, утверждает, что Запад допускает ошибку, попустительствуя действиям России в Чечне и пассивно глядя на то, как в России нарастает волна национализма и возрождаются имперские тенденции. Пайпс даже предлагает прекратить перекачивать в Россию деньги из МВФ, так как это лишь поощряет ее к продолжению жестокой политики. А с другой — он заявляет, что по-прежнему остается противником расширения НАТО и негативно оценивает принятие в него Польши. По его мнению, Россия "не угрожает безопасности Польши и Восточной, а тем более Западной Европы". Если между этими двумя звеньями рассуждения нет противоречия, то я, видимо, разучился читать.

— Когда вы наблюдаете сегодняшнюю Россию, не возникает ли у вас ощущения, что все это уже нам знакомо по веймарской Германии? Униженная держава, экономическая разруха, нищета, слабые демократические традиции, тоска по временам прежней Империи. И "чужаки", на которых можно свалить ответственность за все несчастья: в Германии это были евреи, в России — "черные" кавказцы. Чем это закончилось в Германии, мы знаем...

— Пайпс говорит нечто подобное. Он утверждает, что вследствие своей истории Россия обречена на авторитарную систему, потому и попытка построения в ней демократии снова провалилась. То же самое говорили и о Германии: источник национал-социализма усматривали в прусском духе и палочной дисциплине. Между тем за последние полвека немцы не только неплохо сдали экзамен по демократии, но и достигли высочайшего в своей истории уровня благосостояния. Без

диктатуры и захватов. Ибо именно эти полвека показали, что империализм перестал окупаться — в прямом смысле слова. Достижения науки и организации труда на наших глазах отменили необходимость экспансии. Для нее уже нет рынка.

Добавлю, что нигде в мире не удалось построить демократию без рынка. Нет свободы без собственности — это банальная истина. Более того, собственность эта не может быть ненадежной и мизерной. Прекрасный итальянский публицист Руджеро Орландо утверждал, что там, где человек зарабатывает меньше доллара в день, о демократии не может быть и речи. Так вот, в России есть и будут ларьки, но, пока не будет решен такой элементарный вопрос, как право собственности, наследования и купли-продажи земли, свободного рынка там не будет. Зюганов же и его союзники выступают с лозунгом: "Землей не торгуют".

Несмотря на это, я умеренный оптимист. Вероятно, Путин будет стараться модернизировать экономику. Правда, жил он в Восточной Германии, но следил там не за гэдээровскими товарищами, а за западными немцами. Тот факт, что он пришел из аппарата КГБ, компрометирует его в наших глазах, но одновременно означает, что он знает цену информации. Следовательно, он должен знать, что Россия не может позволить себе автаркию.

— В этом смысле между вами, умеренным оптимистом, и пессимистами, нет противоречий. Пессимисты, к которым я отношу и себя, не утверждают, что Россия вернется к автаркии, к административно-командной экономике...

— Есть разница! Я говорю пессимистам: не надо требовать от русских отчета в том, хорошие ли они демократы, пока мы не помогли им выбрать элементарную экономическую свободу.

— Кто "мы"? Кто должен обеспечить русским экономическую свободу и построить в их стране рынок?

— Разумеется, они должны сделать это сами, но остальной мир может им в этом помочь. Необязательно подач-

ками и кредитами. Повторяю: это должна быть помощь в осуществлении выбора.

— Построение рынка и экономическая стабилизация не всегда связаны с демократией.

— В долгосрочной перспективе диктатура или авторитарная система стеснительны, а в конечном счете — просто убийственны для свободного рынка. Вмешиваясь в экономику, всякое государство поддерживает худшее и более дорогое производство в обмен на взятки для власть имущих или социальное спокойствие. Однако диктатура поддается этому искушению значительно легче. Распоряжения диктатора, нарушающие правила экономической игры, в конце концов неизбежно выходят боком и экономике, и самой власти. А игра ведется не только между конкурирующими предприятиями: в ней принимают участие и работники этих предприятий, и потребители. В результате либо решения передаются выборным представителям этих сил, либо правительство не может прокормить даже само себя. Доказательства? Чили, Греция "черных полковников", Южная Корея. Мне известны и более близкие примеры.

— Но сколько лет прошло, прежде чем эти страны демократизировались?! Меня беспокоит вопрос, с каким государством мы будем граничить через восемь лет, когда мой сын будет в возрасте, в котором молодых людей призывают в армию.

— Кто хочет знать, как обращаться с Россией сегодня, должен представить себе, чем это кончится завтра. Ежи Гедройц и Юлиуш Мерошевский утверждали, что отсутствие предвидения привело в истории к большему числу катастроф, чем отсутствие так называемого прагматизма. Так вот, думая о завтрашнем дне России, можно прийти к выводу, что тормоз реформ — возможность и искушение отвоевать прежние территории, особенно заново присвоить Украину с ее сырьем и пахотными землями. Стоя перед выбором между тяжкой работой по строительству современной, интен-

сивной национальной экономики и воссозданием того, что будто бы было источником мощи СССР, очень многие российские политики высказываются в пользу второго.

Я почитываю газеты российского национал-большевистского лагеря, представляющего более 30% избирателей. "Советская Россия" или "Завтра" открыто провозглашают программу реанимации империи. Их теоретик Александр Дугин видит границы России на Атлантическом океане. Лозунг нового завоевания — единственная предвыборная колбаса, которую уже сейчас, без трудоемких реформ, можно дать народу. Пусть себе выместит нужду и унижения на Западе и на своих соседях, особенно ближайших. Сегодня, после падения империи и неудачи половинчатых реформ, разочарованные хватаются за имперскую идею, как утопающий за бритву.

— Вы слово в слово повторяете диагноз пессимистов.

— Но бритва, которую вкладывают в руки россиян национал-большевики, — орудие самоубийства. Она только что подкосила ноги СССР, едва не обескровив его в гонке вооружений. В 1933 г. немцы считали, что они не проиграли войну, а что их обманом лишили победы; кроме того, они располагали самым большим на континенте промышленным потенциалом. В России — промышленность склеротическая, а армия может полагаться только на ядерное оружие, достойное самоубийцы.

Имперская идея анахронична и уже доказала свою пагубность для России. Да, не все там помнят об этом. Однако я считаю, что мы не бессильны и можем что-то сделать, не вмешиваясь при этом в российские внутренние дела. Некоторые поляки подготовили разумную концепцию диалога с русскими, одновременно разработав программу, позволяющую не допустить реанимации империи. Разумеется, я имею в виду концепцию поддержки независимости Украины, Белоруссии и Литвы, возникшую в кругу парижской "Культуры". Только эта программа устраняет причины многовекового соперничества между Польшей и Россией.

— Насколько я понимаю, цель этой программы — заставить Россию выработать новое, не имперское самосознание. Раз и навсегда лишившись Украины, Белоруссии и Литвы, Россия будет вынуждена заново определить, что она из себя представляет и чем хочет быть...

— Вот именно.

— Не будем обманываться — русские не скажут нам за это спасибо!

— Они уже поднимают шум по поводу того, что вокруг их границ возникает санитарный кордон, отгораживающий их от Европы, что Запад аннексирует зону российских жизненных интересов. Программа, о которой вы говорите, не смягчит напряжения в отношениях с Россией.

— Верно, а все же действовать нужно именно в этом направлении, не переживая из-за того, что временно это кому-то не понравится. Одновременно следует спокойно и последовательно убеждать русских в том, что в долгосрочной перспективе такая политика отвечает и их интересам.

— В сущности Польша по мере своих скромных возможностей ведет именно такую политику. Я не слишком понимаю, каких вы хотите изменений.

— Неправда! Такую программу пытаются осуществлять и Квасневский, и Геремек, но ни один из них не имеет влияния на экономические решения. Здесь решающий голос принадлежит политикам и общественным деятелям, которые почти ничего не делают для того, чтобы связать Украину, Литву или Белоруссию с Европой. Знаете ли вы, какова сумма польских инвестиций на Украине?

— Понятия не имею.

— 45 млн. долларов. Это приблизительно доллар на душу населения. Я был бы рад ошибаться.

— Но каким образом польское правительство может заставить предпринимателей вкладывать капиталы на Украине? Гарантируя безопасность и рентабельность этих инвес-

тиций? С какой стати наше правительство должно всаживать деньги налогоплательщиков в черную дыру? Сначала Украина сама должна навести элементарный порядок в своей экономике.

— Я знаю этот аргумент. Действительно, заграничные инвестиционные фонды часто проваливались в черную дыру — например, шли на погашение задолженностей по зарплате убыточных украинских государственных предприятий. Однако кое-что уже начало изменяться к лучшему.

Я предлагаю не привлекать на Украину те скромные средства, которыми располагает Польша, а связывать Украину с Европой путем создания совместных польско-украинских предприятий за деньги, поступающие с Запада. Примером может служить проект трубопровода из-под Одессы через Польшу в Западную Европу, о котором говорят уже многие годы и который до сих пор не может дождаться осуществления.

Хуже того: я читал о польско-российских межправительственных переговорах по строительству второй нитки Ямальского трубопровода, единственная цель которого — удушить Украину. Это вопиющая глупость и удар по самой основе нашей восточной политики. А основа этой политики — как можно лучшие отношения с Россией, но только не за счет общих соседей, особенно Украины.

Почему никто не вспомнит о Гуцульщине? Это последний на нашем континенте регион такой красоты, ожидающий толкового инвестора. Со всей Европы сюда можно было бы привлечь молодежь со спальниками и палатками, преображая эту территорию в рай для экотуризма. Однако необходим человек, который бы загорелся этой идеей и отнесся к ней как к элементу стратегического плана, связывающего Украину с Европой. Специалисты, разбирающиеся в экономике лучше, чем я, несомненно смогли бы придумать значительно больше таких совместных предприятий.

— Все это замыслы, как перетянуть Украину с российской орбиты в сферу влияния Запада. Вы хотите сказать

русским: "Вам будет лучше, если у вас не будет империи". Но они-то хотят ее иметь.

— Тем более стоит им объяснить, что народы, отказавшиеся от имперских притязаний, только выиграли на этом. Британские консерваторы под предводительством Гарольда Макмиллана выиграли выборы вскоре после того, как отказались от Индии, а лозунг, который привел их к власти, звучал: You have never been so good before ("Никогда еще вам не жилось так хорошо"). Так и французы благословляют де Голля за то, что он вытащил их из алжирской западни. Голландцы счастливы, что покинули Индонезию.

— Нам тоже пошел впрок распад нашей мини-империи и утрата восточных земель. Однако такого рода выгоды можно ощутить и оценить лишь по прошествии многих лет.

— Действительно, раньше народы отрекались от имперских амбиций только под давлением извне. Немцы после II мировой войны отказались от идеи Lebensraum ["жизненного пространства"], поскольку им было запрещено даже думать о возвращении прежних владений. 15 млн. немецких беженцев из ГДР, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии прибыли с котомками в ФРГ. И там по призыву Людвига Эрхарда они создали такое экономическое могущество, о котором немцы прежде и не мечтали. То же самое произошло с Японией.

Кто на Западе мечтает сегодня о колониях? Между тем в огромной России есть политики, которые относятся к анахроничному и губительному соблазну захватов как к реальной возможности и кормят им сограждан вместо того, чтобы сосредоточиться на модернизации государства и реформировании экономики. В результате значительная часть российских граждан убеждена, что процветание им будет обеспечено лишь с обретением прежнего статуса государства, перед которым другие дрожат от страха и которое готово, словно Самсон, совершить самоубийство, уничтожая заодно и весь мир. Генерал Валерий Манилов провозгласил, что Рос-

сия имеет право на первый ядерный удар даже в банальном конфликте. Манилов — заместитель начальника Генерального штаба, а его проект — государственная доктрина. Это вам не фунт изюма. Да, России грозит комплекс Самсона.

— Я с маниакальным упрямством возвращаюсь к вопросу: откуда берется ваш умеренный оптимизм, коль скоро вы слово в слово повторяете то, что говорят пессимисты?

— Дело в том, что я убежден: неведение не может длиться вечно. Отдаете ли вы себе отчет в том, что большинство россиян просто не знает, что в современном мире идея "жизненного пространства" давным-давно обанкротилась? Не могу понять, почему до сих пор не была организована встреча лучших российских ученых и политиков с выдающимися мыслителями Запада — учеными и политиками тех стран, которые с облегчением избавились от своих Украин и Чечней. Пусть поделятся опытом, цифрами, доводами. Пока что с инициативой такой встречи не выступили ни ЮНЕСКО, ни Фонд Сороса. Если аргументы еще что-то значат, такая дискуссия более чем необходима. Или вы полагаете, что русских невозможно убедить? Что они неспособны воспринимать рациональные аргументы?

— Боюсь, что нынешняя ситуация и истерическое состояние духа, в которое они впали, препятствуют им в трезвой оценке действительности. Значительная часть общества внимает не рациональным аргументам, а демагогии.

— Но ведь таким образом реагируют не только в России. В их ситуации любое общество вело бы себя точно так же.

— Согласен. Я же не утверждаю, что русские генетически лишены здравого смысла.

— Однако вы склоняетесь к мнению, что традиции обрекают их на деспотизм. Я отвергаю такой подход и верю в то, что Брехт называл мягкой силой убеждения. Кроме того, оба мы грешим обобщениями. Мы все время говорим о "русских" вообще. Да, большинство из них, как и везде, падко на обещания демагогов. Да, в России это большинство

традиционно покорно слову государя — абсолютного властелина. Поэтому я с некоторым облегчением слушал Путина, ссылавшегося в своем выступлении на Эрхарда и де Голля. Но и пресловутое большинство разделено: даже не все националисты хотят реанимации СССР.

Гораздо важнее, что в России есть общественный слой, особенно восприимчивый к мысли, слову, доводу — в том числе и чужим. Слой многочисленный как нигде, не связанный ни с каким классом или группой интересов и потому заинтересованный в изменениях. Слой, согнутый в бараний рог, разрозненный, обреченный на нищету. Разумеется, речь идет об интеллигенции. К ней-то обращена "Новая Польша".

Станислав Лем в своем очерке "Тревоги" ("Тыгодник повшехный" от 9 апреля) удостоил наш журнал нескольких добрых слов. Однако среди них нашлись слова о русской интеллигенции, вызвавшие у меня глубокое беспокойство. "Новая Польша", — пишет Лем, — это журнал, обращенный к той части российской интеллектуальной элиты, которая сегодня оказывает столь же микроскопическое влияние на политическое положение, что и творческая элита в Польше". Парадоксально, что написал это человек, наделенный сверхъестественным умом и представляющий собой живое доказательство авторитета интеллигенции в обществе, не так уж отличающемся от российского.

Россия уже пережила попытку лишить интеллигенцию влияния на жизнь. На протяжении 70 лет интеллигенцию превращали в ораву умственных ремесленников, спецов, технических поставщиков сырья для чужих решений. Сами же решения принимались правящими дилетантами. Попытка чуть было не удалась, и именно это привело Россию к отсталости, а в результате — и к ослаблению дисциплины. Захочет ли Путин испытывать судьбу еще раз?

Если Россия хочет излечиться от советской водянки мозга, влияние интеллигенции будет возрастать. Может быть, на центры власти оно распространится не сразу, но бе-

зусловно коснется общественного мнения, которое наконец появилось и получило право голоса, в т.ч. и по вопросам, касающимся Польши. В настоящий момент голос этот не благорасположен к нам. Чтобы исправить положение, необходимо снискать интерес и уважение тех, кто оказывает влияние на общественное мнение.

Мы имеем дело со страной, в которой материальная нужда всегда компенсировалась духовной пищей. Здесь, несмотря ни на что, знают и ценят писателей, в т.ч. и Лема. На телевидении появился канал "Культура". Путин хвалится тем, что он из Петербурга — Мекки интеллигенции. Книжные магазины полным-полны, хотя многим интеллигентам не хватает денег на маргарин для бутерброда. Вот почему мы избрали российского интеллигента главным адресатом "Новой Польши".

— А испытывает ли российская интеллигенция потребность в подобном журнале? В советские времена польская пресса была для жителей СССР окном в Европу. Сегодня там не нуждаются в польском посредничестве.

— Конечно, не нуждаются. Во времена ПНР тираж журнала "Польша" достигал иногда 350 тыс. экземпляров. "Новая Польша" о таком и не мечтает. Мы настраиваемся на то, чтобы разъяснять польские аргументы той части российского общества, которая желает их слушать. Да, мы пишем для элиты, интеллектуальной элиты государства, соседство с которым было польским историческим роком. Мы стараемся делать это без фальши и напыщенности. Есть доказательства того, что русских это интересует, так как в начале 90-х исходная точка обеих стран была схожей, но Польша, в отличие от России, все-таки чего-то добилась. В нашем журнале печатаются виднейшие правые и левые публицисты, историки, поэты, богословы, общественные деятели. Особое удовлетворение приносит нам участие замечательных российских мастеров словесности: польских писателей и поэтов, как правило, представляют их русские переводчики.

Мы не стремимся завоевать массового читателя и потому не пытаемся проникнуть к нему через сеть газетных киосков. Зато наш журнал получают 3200 публичных библиотек и читальных залов на территории Российской Федерации, а также десятки книжных магазинов в крупных городах. Я получаю письма из самых отдаленных уголков России.

Я отнюдь не питаю иллюзий, что под влиянием "Новой Польши" в России возникнет польская партия, о которой мечтал Норвид. Достаточно будет, если благодаря нашему журналу расширится круг русских, не желающих видеть в Польше ни вассала, ни дежурного врага.

"Газета выборча" 30. 05. 2000

КАК НАМ УЖИТЬСЯ С РОССИЕЙ?

Под конец прошлого столетия в мире произошли два переломных события. Они изменили ход истории, хотя и не носили характера кровавых переворотов, а, наоборот, позволили избежать многих кровопролитий. Во-первых, со всей наглядностью было продемонстрировано, что командно-административная система управления экономикой, называемая социалистической, не является ни эффективной, ни экономически оправданной. Во-вторых, стало очевидно, что для мощи государств и процветания народов вовсе не нужны никакие территориальные завоевания, экспансия и колонизация. Великие державы избавились от колоний не из-за внезапно возникшего отвращения к насилию и эксплуатации, но потому, что наконец нашлись более выгодные и безопасные способы ведения хозяйственной и политической жизни. Причиной перемен были завоевания науки, техники и организации труда, а доказательством их действенности — бурное развитие стран, которые отвергли обе упомянутые выше системы, то есть социалистическую экономику и территориальную экспансию. Доказательством "от противного" послужили хроническое отставание как производства, так и потребления во всем "социалистическом лагере" и развал СССР.

Еще раньше стала очевидной бесплодность идеи, питавшей ту поддержку, которой СССР пользовался в мире. Коммунистический интернационализм обнаружил свою полную бессодержательность не благодаря "проискам буржуазии", а в результате рабочих бунтов в странах, которые приняла в свои братские объятия отчизна пролетариата, а также массовой высылки целых "преступных народов" с их собственной родины.

В результате этого двойного коллапса СССР, самое обширное государство в мире, хотя и сохранило необходимые инструменты, но лишилось как возможности, так и сти-

мулов к агрессивному разрастанию. Естественным следствием этого факта стал распад империи.

Самая многочисленная населяющая ее нация, русские, приняла этот беспримерный факт с великодушным спокойствием, что может служить доказательством того, что ни любовь к кнуту, ни жажда господства над другими народами — отнюдь не врожденные национальные качества русских. Заодно они не без удивления убедились, что Запад, якобы годами поджидавший удобного случая, не воспользовался очевидной возможностью начать агрессивную войну. Вначале главной заботой Запада было сохранение советского ядерного арсенала в одних руках. Вероятно, этим объясняется довольно прохладное признание им новых российских партий, пусть даже реформаторских, и весьма вялое отношение к "самостийным" устремлениям Украины (пока та не отправила ядерные боеголовки в Россию), а также проявления плохо скрытого энтузиазма при виде каждого "сильного" претендента на шапку Мономаха.

Однако вполне конкретный повод к энтузиазму обнаружился 11 сентября 2001 года. Для разворота Москвы к Западу действительно требовалась "сильная рука", стратегическое политическое мышление и доступ к достоверным источникам информации. Следует признать, что В.В.Путин проявил все эти качества. Более того, путинская Россия первой осознала, что нападение террористов — это отнюдь не исламская агрессия, не столкновение враждебных цивилизаций и не приватная кампания какого-то Усамы бен-Ладена, но тщательно подготовленная очередная атака на краеугольный камень существования и выживания Запада: свободный обмен товарами и идеями. Не случайно целью первой атаки стал Всемирный торговый центр, символ свободного обмена в главном городе Америки, его оплоте.

Важной уликой, свидетельствующей, что речь здесь идет о существе дела, а не только о его второстепенном, ближневосточном аспекте, стало выражение понимания мо-

тивов действий террористов и демонстративная их поддержка, проявленные и до нападения, и даже после него антиглобалистами всех мастей. Лишь незначительная их часть занимается идеологической юдофобией и восхищается Арафатом, но все они громогласно декларируют свой антиамериканизм. Среди них можно встретить и прекраснодушных пацифистов, и бесстрашных анархистов, и осиротевших последышей Пол Пота — но большинство не исповедует никакой особой идеологии. Антиглобализм не годится для того, чтобы заполнить собой брешь, оставшуюся после новопреставленного марксизма: у марксизма была по крайней мере какая-то программа.

Путину лучше, чем кому-либо другому, были известны плачевные последствия осуществления этой программы в России, и он без промедления сделал ставку на американскую карту. Я не думаю, чтобы причиной было здесь желание как-то загладить то возмущение, которое вызвало на Западе безжалостное усмирение Чечни. Действительно, если бы он выбрал союз с арабскими странами, то без труда приобрел бы себе алиби: что-де на Кавказе он воюет вовсе не против ислама и мусульман. Таков был бы, вероятно, ход Примакова, уже неоднократно испытанный, но поворачивающий Россию на путь конфронтации с Западом и, что важнее, с его рынками. То же самое относится и к его главным соперникам — коммунистам, как Зюганов, Анпилов или их присяжный идеолог, "соловей Генерального пгтаба" Проханов.

Однако решение предпринять столь радикальный и рискованный поворот Путин принял вовсе не из "предвыборных соображений". Разумеется, ни он сам, ни Герман Греф, ни даже Илларионов не претендуют на звание первых учеников в школе Адама Смита, не превозносят во весь голос либерализм и все еще не хотят верить, что собственность без свободы — такой же огрызок, как и свобода без собственности. Но Путину известно, что рост ВВП России превысил 5% уже в 2001 г., что в стране введен линейный

подоходный налог в размере 13% и что поэтому отечественные предприниматели уже могут экспортировать не только сырье, что число иностранных инвесторов растет, несмотря на отсутствие достаточных правовых гарантий, что федеральный "Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения" наконец принят и может привести к столь же интенсивному развитию страны, как столыпинские реформы, — при условии, что будет проводиться в жизнь столь же последовательно, как это сделал в свое время Столыпин.

Так что, как говорится, "процесс пошел", причем значение всех этих "процессов" вовсе не ограничивается чисто экономической сферой. Это элементы некого целого, на фоне которого можно проанализировать состояние взаимоотношений Польши и России — каково оно сейчас и каким должно быть.

* * *

Все охотно согласятся, что отношения Польши с Россией могут сегодня быть подлинно добрососедскими. Многие утверждают, что для этого существуют наконец условия, которых до сих пор в истории не было, ибо исчезли причины извечного соперничества за господство над народами, живущими между Польшей и Россией (в особенности над украинцами), ибо эти народы и страны сегодня формально независимы. Некоторые добавляют, что спорные вопросы, если они еще и существуют, могут сегодня быть решены "полюбовно", по взаимной договоренности, путем внесения их в стандартный "протокол расхождений", каковые и будут разрешаться одно за другим, за столом переговоров, "с чистого листа". Есть, наконец, и такие, кто считает, что Польша может подобные переговоры вести с Россией "на равных", так как это гарантируется и международным правом, и независимостью Польши, и — скажем без обиняков — членством ее в Северо-Атлантическом союзе, основанном на прин-

ципе, известном каждому читателю "Трех мушкетеров": "один за всех и все за одного". Тот факт, что Россия сегодня сотрудничает с НАТО, должен еще более укрепить эти гарантии для Польши.

Все эти суждения представляются верными и логичными. Однако академик И.П.Павлов говорил: "Если кто-то рассуждает логично, то тем самым демонстрирует только то, что он находится в здравом уме, а не то, что он прав".

Отношения Польши с Россией отнюдь не безоблачны, будущее этих отношений отнюдь не кристально ясно, и приносят они обеим сторонам не одни только выгоды. Скажем прямо: Польше сегодня приходится уживаться с Россией.

* * *

Я употребил здесь термин "уживаться" неспроста. Для польского уха он означает своего рода сосуществование, не случайное, но прочное и длительное, требующее терпеливости и привыкания друг к другу. Таким образом, речь идет об отношениях, основанных не на насилии и принуждении, но и не на случайном аффекте. Мы полагаем, что пока не имеет смысла требовать большего от стран континента, на котором начались и велись самые страшные войны последних столетий. В особенности же установление подобных отношений между Польшей и Россией было бы честным (то есть лишенным недавнего лицемерия) исходным пунктом для добрососедского совместного существования после целых веков кровопролитных конфликтов и несметного числа причин для взаимной враждебности.

О подобном способе "уживаться" друг с другом во времена СССР и ПНР невозможно было и подумать, хотя статус нашей страны в "социалистическом лагере" нельзя назвать оккупацией в том смысле, в котором это слово вполне относится хотя бы к Литве. Советское господство после 1956 г. постепенно ослабевало, хотя проявления этой тенденции неук-

люже скрывались — наблюдались даже попытки придать им как бы вполне запланированный характер, как это было, например, в 1976 г., когда декларация о нерушимой верности Стране Советов была вписана в конституцию ПНР.

Совместное существование различных стран в социалистической "семье народов" регулировалось принципами, почти целиком взятыми из "Домостроя". Этот памятник русской литературы, созданный отцом Сильвестром, духовником Ивана Грозного, содержал, как известно, свод житейских правил и наставлений, важнейшее из которых требовало беспрекословного подчинения главе рода. Следует признать, что со временем в "семье народов" на смену патриархальному праву политического "Домостроя" пришла железная дисциплина, похожая на правила пользования общей кухней, устанавливаемые вконец перессорившимися жильцами коммунальной квартиры.

Вот уже более десяти лет, как исчезла эта кухня, а склонность к патриархату и старые семейные обиды все еще не изжиты, и польская "восточная политика" явно от этого страдает.

Даже постороннему наблюдателю бросается в глаза недооценка важности этой политики и, более того, прямое отрицание необходимости иметь таковую. Злополучная теория минимализма в отношениях Польши ко всему, что происходит по ту сторону Буга, сделала свое дело: ни одна польская политическая партия так и не заикнулась, какова ее концепция взаимоотношений с нашими восточными соседями и есть ли у нее вообще такая концепция, если не считать сакраментальных пожеланий дружбы и взаимовыгодного обмена. Пассивность нам ничего не дала. Фактическое проведение политики "незаинтересованности" (как выражаются дипломаты) по отношению к Украине, ее экономической суверенности и ее реформаторских силам ни в чем не улучшило наших отношений с Россией. А раз польские инициативы попросту отсутствуют, то мы слышим лишь о начинаниях партнера и в лучшем случае о наших непосредственных от-

кликах на эти начинания. Если бы не было официальных визитов и переговоров Александра Квасневского, читатели российских и даже украинских газет встречались бы с упоминаниями о Польше лишь по случаю проведения "заупокойных", если можно так выразиться, мероприятий или же в связи со скандалами, о чем речь еще пойдет дальше.

Да, польская восточная политика определяется уже не на Смоленской площади в Москве, а в Варшаве — но где конкретно?

Несмотря на то, что польское министерство иностранных дел располагает кадровыми специалистами, которые за двенадцать лет суверенности приобрели уже более чем достаточный опыт, я не думаю, что решают, как по-новому наладить наши отношения с Россией, они — в своем здании на Аллее Шуха. Испытанный лозунг дипломатов "сначала политика, затем экономика" используется, так сказать, "с точностью до наоборот", и именно во внешней политике по отношению к восточным соседям. Куда ни шло, если бы мы получали от этого хоть какие-то выгоды, но ведь и их не видно. Руководители польских хозяйственных ведомств и партийных групп, лоббирующих свои интересы, обещали отечественным производителям (и избирателям), что после выхода из тупика мы выйдем на восточные рынки; некоторые были даже готовы искупить покаянием грех вступления Польши в НАТО. Однако по сей день мы ничего не знаем об увеличении экспорта в Россию хотя бы излишков нашего зерна или сахара. По-прежнему остается в силе известное замечание Лукина, вице-спикера российской Думы: "Если поляки рассчитывают, что мы возьмем у них продукты второй свежести, от которых отказался Запад, то они сильно ошибаются..."

Лично я считаю, что Лукин несколько преувеличивает. Выход на российский рынок возможен, но при том же условии, что и выход на рынки Запада: путем повышения качества наших товаров и одновременного снижения цен на них. Если пока что у нас нет средств на дотационные допла-

ты нашим экспортерам, скажем, сахара (к тому же самого дорогого в Европе), чтобы они могли продавать его в Россию по сниженным ценам, то у нас останется только один выход: доплачивать политическими уступками. При всей симпатии к России и Путину следует признать такое положение вещей возвращением к прежней общей кухне в здании СЭВ.

А какая коммунальная кухня обходится без газовой плиты? Важнейшей задачей политиков, считающих экономику приоритетным направлением, был и остается пересмотр кабального договора, заключенного между "Газпромом" и правоцентристским правительством Ханны Сухоцкой в 1993 г., по которому Польша вынуждена закупать избыточные объемы российского газа без права перепродажи излишков. Хотелось бы знать, что за все это время сделали оба правительства — не устающие повторять заклинания о дружбе и взаимовыгодном сотрудничестве, — чтобы изменить ситуацию, в которой Польша почти на 90% зависит от решающих для ее суверенности поставок газа. Кому выгодно и дальше поддерживать эту зависимость?

* * *

Я не исключаю, что все вышеприведенные соображения — всего лишь плод нашей неосведомленности. Затронутые здесь вопросы окружены туманом недомолвок и вводящих в заблуждение спекуляций... Еженедельник "Не" ("Нет"), внештатный суфлер левых политиков, публикует на первой странице по-видимости шутливую, а на самом деле полную тщательно подобранных деталей статью, в которой советует Польше присоединиться к Союзу России и Белоруссии. Он соблазняет нас огромными тамошними рынками. Автор забыл лишь о самой малости: обеспечить нам готовность России закупать польские товары. Надо полагать, с вице-спикером Думы Лукиным он незнаком. В газете правого направления "Мысль польска" мы находим националистиче-

ские бредни насчет "славянофобии" безбожного Запада. В газете левого толка "Пшеглёнд" профессор Лаговский старается внушить нам отвращение к Украине и защите ее независимости, цитируя издевательские и оскорбительные высказывания об украинцах, принадлежащие Роману Дмовскому, отцу польского правого шовинизма, — но предусмотрительно забывает привести фамилию автора этих цитат.

Однако есть нечто похуже всех этих кунштюков сознательной дезинформации — самое обычное, но всеобщее невежество. Разумеется, прав профессор Януш Тазбир, цитируя десятки трудов польских ученых (посвященных, впрочем, в основном истории России) и десятки публикаций российских исследователей польской литературы или кино. Но что знает простой польский телезритель о сегодняшней России? Петербург, 300-летие которого вполне заслуженно будет отмечать весь мир, известен ему главным образом по российскому сериалу "Бандитский Петербург". Российские газеты стоят у нас в киосках несколько долларов за экземпляр. Фильмы о России, созданные выдающимися польскими и российскими документалистами, появляются на экране TV только вместе с привидениями, глубокой ночью. Телевизионная релейная установка, которая позволяла в Варшаве увидеть (без посредничества Си-эн-эн), что на самом деле происходит в Москве или Иркутске, и услышать русскую речь, бездействует уже многие годы.

Впрочем, невежество здесь взаимное и двустороннее. Ушли в прошлое те времена, когда через польскую форточку жители России могли наблюдать отблески западной жизни, а Иосиф Бродский, читая журнал "Пшекруй", учился польскому языку, чтобы впоследствии читать и переводить Милоша. Да, "Новая Польша", которую я — по желанию Гедройца — имею честь редактировать, доходит до тысяч российских интеллигентов. Но вот до меня доходит новость, что на польском радио кто-то — из соображений экономии! — ликвидирует передачи на Россию, Белоруссию, Украину. Довольно странный пример стремления узнать и понять друг друга...

Россияне из подданных превратились в граждан и избирателей. Поэтому их неосведомленность о польских проблемах имеет свои последствия, зачастую для нас просто непонятные. В 5-м номере толстого литературного ежемесячника "Наш современник" его главный редактор Станислав Куняев публикует многостраничный список исторических претензий русских к полякам, начиная с Марины Мнишек и кончая "еврейской водкой", которой польские коллеги коварно угощали его во время литературного визита в Варшаву. Впрочем, он упоминает и другие польские интриги: так, битву под Монте-Кассино, неприступной немецкой крепостью, закрывавшей союзникам путь на Рим и взятой в последнем штурме польским корпусом, он приводит в качестве примера поражения армии Андерса... Однако во главу угла попрежнему ставится катыньское преступление. Из текста следует, что автор — вполне по-советски — считает это преступление делом рук гитлеровцев, собрание подлинных документов (изданных под редакцией академиков Александра Гейштора и А.Н.Яковлева) — фальсификацией, а самоотверженных ребят из российского "Мемориала", которые отыскали в селе Медное под Тверью (куда немцы не дошли!) место погребения 6300 польских пленных из лагеря в Осташкове, — польскими агентами и предателями.

Я считаю, что достойная задача всех людей доброй воли — не столько исправить эти и подобные лживые измышления, сколько призвать власти ввести в российский Уголовный кодекс понятие "лживых измышлений" в связи с катыньским преступлением и соответствующую статью — подобно тому, как во Франции существует юридическое понятие "освенцимской лжи" и соответствующая уголовная статья, карающая за "оспаривание факта существования преступления или преступлений против человечности". А Александру Николаевичу Яковлеву и ребятам из "Мемориала" можно только низко поклониться за защиту — не Польши, а исторической истины.

Чему же тут удивляться, если солидный московский еженедельник "Эксперт" вполне серьезно написал в своем номере от 17 июня с.г., что он не видит причин для польских возражений в "калининградском вопросе", поскольку до войны уже существовал "данцигский коридор", проходивший из Германии через польское Поморье в Гданьск. Тем временем школьники всего мира знают, что вторая мировая война началась именно из-за требования Гитлера дать ему такой коридор. Требование было Польшей отвергнуто. В том же номере газеты, в редакционной передовой статье о Польше, можно прочесть, что "президент этих европейских задворок, видимо, возомнил себя лидером серьезной державы. Он позволил себе, чуть ли не от имени всей Европы, говорить нашему президенту — "никогда", никогда не быть транспортному коридору...". В той же статье, однако, содержится фраза, требующая чего-то большего, нежели просто возмущения публициста: "Надо говорить уже совсем попросту: как раз на случай прямых угроз суверенитету каждая страна и содержит вооруженные силы. У России они тоже есть. Да, они сегодня не в лучшем состоянии — но уж на то, чтобы выгородить для проезда своих граждан литовский коридор, их заведомо хватит".

Я думаю, что дело не дошло бы до подобных примеров шантажа соседей по кухне и коридору, если бы восточная политика Польши (и ее ближайших соседей) проводилась и на Западе. Вопросы "литовского коридора" (а еще раньше — пресловутого "ямальского газопровода") не должны решаться с глазу на глаз, и к тому же представителями внешнеторговых ведомств. Эти вопросы затрагивают судьбы целого континента. Здесь существует широкое поле для переговоров наших представителей не только с поставщиком, но и с получателями газа в столицах стран НАТО и ЕС. Добавим, что нет причин, по которым крупнейший восточный сосед Польши должен обращаться с ней иначе, чем, например, с Норвегией, которая тоже соседствует с Россией и

тоже член НАТО. Кстати, Норвегия вступила в свое время в спор с российским соседом относительно архипелага Шпицберген — и дело закончилось классической компромиссной договоренностью.

Один из столпов парижской "Культуры" Юлиуш Мерошевский повторял девиз Гедройча, что отсутствие смелого политического воображения привело в истории к гораздо большему числу катастроф, чем отсутствие прагматизма. Польша за последние двенадцать лет сделала свой выбор, свидетельствующий о том, что отсутствие политического воображения уже не тяготеет над нами проклятием. Встреча Буша с Квасневским, прошедшая в результате этого выбора, стала политическим шагом, причем гораздо более существенным, нежели это может показаться на первый взгляд. Воспользуемся языком, который понятен прагматичным "хозяйственникам": эта встреча значительно усилила стратегическую позицию Польши на переговорах — и не только по рыночным вопросам. Не знаю, как скоро это будет понято в Брюсселе, а также в Париже. Знаю только, что это, несомненно, примут во внимание русские: они опытны и многое понимают с полуслова. Поскольку им особенно важно сотрудничество с США, они извлекут должные выводы из предпочтений этой державы.

Простейшим мерилом намерений России по отношению к Западу может стать ее отношение к Польше. Быть может, здесь логика нас не подведет. На всяческих Куняевых рассчитывать не приходится, но язык экспертов должен измениться. Делать из Польши дежурного врага стало бы политическим просчетом. Мы хотим лишь жить в ладу с Россией.

* * *

Автор этих строк вполне отдает себе отчет, что его рассуждения могут кому-то показаться своего рода "книгой жалоб и предложений". Что еще хуже, в них слишком много

горьких слов о зияющих пробелах и даже полном отсутствии в России достоверных сведений о Польше. И все-таки основная мысль этого очерка сообразуется с концепцией Ежи Гедройца и Юлиуша Мерошевского, которая была направлена на то, чтобы убедить поляков, что их враги — вовсе не русские, а Империя: вначале царская, а затем советская.

Так повторим же тезисы, с помощью которых мы ранее сформулировали эту концепцию:

— установление добрососедских и взаимовыгодных отношений между Польшей и Россией и необходимо, и возможно именно потому, что Польша наконец избавилась от статуса вассала;

— эта цель не может быть достигнута за счет независимости и жизненных интересов общих соседей Польши и России, в первую очередь Украины;

— условие подобных дружеских отношений — все более широкое и выгодное для России ее участие в международных экономических структурах, исключающих (как в Евросоюзе) чью-либо гегемонию, ибо они эгалитарны по самой своей сути. Их успех делает агрессию анахронизмом.

Россия приняла решение об активном и дружественном сближении именно с такими структурами. Этот выбор дает развитию в России системы свободного обмена товарами и идеями решающий шанс. Он также открывает совершенно новые перспективы для развития отношений между Россией и Польшей. Он добавляет к выгодным для Польши геополитическим переменам фактор коллективной гарантии безопасности с участием России — и тем самым сводит на нет все опасения, унаследованные от печального прошлого.

Но эти перемены все еще нельзя считать необратимыми. Если им что-либо и угрожает, то это политические силы, существующие как в России, так и — подчеркнем! — в самой Польше, которые ради сиюминутных выгод стремятся столкнуть Россию на прежний имперский путь, чреватый самоубийственной и кровавой конфронтацией с Западом.

Тот, кто к этому стремится, не может считаться другом ни России, ни Польши.

Мы не имеем права непосредственно влиять на подобные силы в России.

Но мы можем назвать их по имени и бороться с ними у себя на родине, в Польше.

Все вышесказанное — попытка предостеречь от тех, чьи действия в Польше облегчают России возвращение на советский путь, на путь завоеваний, территориальной экспансии, хищнической экономики. Берегитесь тех, кто хочет ввести Россию во искушение... Это простейший вывод из завещания Ежи Гедройца.

"Жечпосполита", 27-28 Илюля 2002
"Новая Польша", 9/2002

ЧАСТЬ 2

ПОНЯТЬ УМОМ РОССИЮ

БЕСЕДЫ К КОНЦУ СТОЛЕТИЯ

Катажина Яновская и Петр Мухарский
беседуют с Ежим Помяновским

— Вы — автор многочисленных книг, а значит, судя по всему, писатель. Однако при этом вы любите подчеркивать, что по профессии вы читатель. Какова ваша истинная профессия?

— Верно, бывает и то и другое, но я предпочитаю считать себя читателем. Когда я не нахожу подходящего текста у более одаренных писателей, я сажусь за стол и принимаюсь за работу. Перевожу я тоже только то, чем хотел бы — сам получия радость от чтения — поделиться с соотечественниками.

Я оставил кафедру полонистики в прекрасной Пизе и переехал в Краков — родной город моей жены Александры. И только здесь, в нашей краковской мансарде, обрел и время, и охоту, и условия для работы.

И тут вспоминается совсем другое жилье, в которое я попал в далеком 1961 году. Я приехал тогда в Россию с какой-то театральной делегацией и поспешил на улочку, где некогда жил Исаак Бабель. Хотелось навестить еще живущих там его жену и дочь. Они занимали лишь малую часть бывшей своей квартиры. Им по сути повезло. Обычно жилплошчадь арестованного целиком передавалась семье работнника НКВД, зачастую того самого, который арестовал владельца.

Это было ведомство в Советском Союзе, которое по сути дела не вело жилищного строительства. Его сотрудники

и офицеры просто-напросто занимали квартиры арестованных. Думаю, одной этой детали достаточно, чтобы понять, через какой ад прошли русские. Вопреки бытующему у нас мнению, именно они были первыми жертвами системы.

— Благодаря вашему рассказу мы оказались в самой гуще российской тематики. Не могли бы вы рассказать, с чего началась Ваша увлеченность Россией?

— Началось, пожалуй, не с увлеченности. Иосиф Бродский как-то сказал, что Россия — это театр абсурда навыворот. То есть на сцене играют вещи худо-бедно реалистические, а театр абсурда творится в зрительном зале. Это остроумное изречение вывернуло наизнанку одно из стереотипных представлений о России. Зачастую же стереотипы — не что иное, как плоды невежества. В польско-российских отношениях невежество — обоюдное. Меня сердит и злит отсутствие усилий к тому, чтобы невежество сменилось взаимопониманием, без которого не может быть и речи о спокойном сосуществовании.

— Выходит, образ России в глазах поляков, да и Запада грешит стереотипами? Какие из них наиболее опасны?

— В основе всех предрассудков лежит неумение видеть разницу между Россией и СССР. В течение нескольких десятков лет мы имели дело не с русским народом, а с военными или с посланцами Империи. Пора, наконец, осознать: столкновение интересов у Польши в этом веке было не с Россией, а с Советским Союзом. Если позволить Союзу возродиться, конфликты такого рода неизбежны и в будущем.

— В чем же заключается эта разница? Разве Россия, в отличие от Советского Союза, не имела империалистических амбиций?

— Способность увидеть по ту сторону нашей восточной границы не только Россию, но и иные народы, входив-

шие в состав Империи, есть первое условие возможности договориться и с самими россиянами. За нашей границей — Литва, Украина, Белоруссия, а потом уже Россия.

— Вы сказали, что причина нашего страха перед Россией лежит в поверхностности знаний о ней. Означает ли это, что, поняв Россию, мы смогли бы избавиться от страха?

— Россия представляет потенциальную угрозу не только для Польши, но прежде всего для самой себя. Семидесятилетняя изоляция от мира приводит к тому, что в России легко прививаются весьма дешевые и залежалые идеи, часто импортируемые с Запада.

Россия — последнее прибежище идеологий, давно отринутых цивилизованным миром. Они обанкротились на наших глазах, а в России все еще находят своих приверженцев, к примеру, в многочисленной — КПРФ. Бенито Муссолини еще в 1930 году писал: "Большевизм — это славянский вариант фашизма".

— Вы употребили интересную и вместе с тем трагическую метафору: "Россия — театр абсурда". Вы познавали Россию через актеров этого театра. Узрели ли вы ее истинное лицо благодаря им?

— Сперва я должен был научиться русскому языку, которого совершенно не знал, когда там очутился. Мой отец был кавалером солдатского Георгиевского креста. Его, как и большинство юношей из Царства Польского, призвали в русскую армию и отправили на другой конец империи. Во время первой мировой войны он воевал на Кавказе с турками, а потом с немцами на Западном фронте. Вернувшись в Польшу, он познакомился с моей мамой и сделал ей предложение, которое было принято. С тех пор ему не разрешалось произносить ни слова по-русски. Мама была учительницей польского, и потому я в родном доме русского языка не слышал.

В России я оказался в 1939 году. Очутился в шахте, где говорили на этаком волапюке — смеси русских, украинских, греческих и татарских слов. Там научиться русскому было невозможно. К счастью, в России есть не только шахты, штейгеры, начальники и конвоиры. Там есть еще и женщины. У них-то, прошу прощения, я и научился хорошему русскому языку.

Прежде всего я обязан этим ленинградке Виктории Симоновне, моей ровеснице, у которой за плечами уже был лагерь. Может быть, поэтому она была со мной более откровенна, чем со своими соотечественниками. От Вики я услышал стихи Анны Ахматовой. Такое часто бывает: чужими стихами мы выражаем собственные чувства. В какой-то момент она читала стихи, и я отчетливо услышал, как что-то щелкнуло у меня в голове. Словно открылся какой-то клапан, и я стал вдруг понимать русскую поэзию, ее мелодию, интонацию, дивную ее глубину. Вот с этого момента и началась моя увлеченность русской литературой. Может быть, не ее содержанием, не созданными ею мифами, а необыкновенным ее очарованием. В особенности очарованием поэтическим. Обаяние свое и музыку русская литература умеет использовать как тягловую силу смысла.

— Позже вы познакомились и с Анной Ахматовой, автором стихов, которые декламировала ваша прелестная учительница русского языка?

— Когда меня выпустили из шахты, я отправился в военкомат и сказал, что хочу воевать с немцами — они как раз напали тогда на Россию. Мы, поляки, из злейших врагов русских превратились в первейших их союзников. "Ладно, — ответили мне, — польская армия только создается, а пока что пошлем тебя копать противотанковые рвы".

На этой работе я снова был ранен, и меня отправили санитарным поездом в Среднюю Азию, в город, который тогда назывался Сталинабад, а теперь опять Душанбе — по-

таджикски. Благодаря актрисе Фаине Раневской, с которой я был в дружеских отношениях, мне удалось поехать в Ташкент к Анне Ахматовой. Жила она в ужасающей бедности и не очень охотно впускала посетителей в свою жалкую гостиницу. Мы говорили с ней тогда очень коротко. Знакомство наше возобновилось уже после войны, когда Ахматова приехала в Москву, где в Колонном зале состоялся ее замечательный, воистину триумфальный поэтический вечер ленинградских поэтов. Ее невероятный успех у слушателей вызвал завистливую ярость политического руководства Советского Союза и ускорил расправу с ней и другими писателями. Я встретился тогда с Ахматовой в доме Софьи Толстой, одной из вдов Сергея Есенина, и был удостоен чести беседовать с этой необыкновенной женщиной, одним из самых талантливых, если не сказать гениальных, поэтов XX века, и не только в России.

— "Театр", в котором Ахматова читала свои стихи, уже не был театром абсурда. Героями того театра были русские интеллигенты, которых вскоре жестоко убрали со сцены истории.

— Затеяв борьбу с интеллигенцией, лишая ее права голоса, советская власть забила гол в собственные ворота.

Вместо интеллигентов большевики задались целью обучить специалистов, сделать из них поставщиков предпосылок для решений, принимоаемых затем правящими дилетантами. Отсюда — огромное количество профессиональных школ и техникумов и принижение роли гуманитарного образования. Но уверяю вас (я часто это повторяю): в соревновании двух инженеров победит тот, кто, помимо интегралов и дифференциалов, знает еще и Горация. В России недооценили этой закономерности. Власти полагали, что куда легче управлять людьми, которые не осмеливаются иметь собственного мнения.

Советская власть, отрубая голову своей интеллигенции, сама лишилась головы. Этим объясняется процесс, ко-

торый извне выглядел как отставание Советского Союза от Запада. Талантов в России наверняка не меньше, чем где бы то ни было, но догматизм, насаждаемый в школах, искоренение свойственного интеллигенции критического отношения к действительности, привели к тому, что вместо интеллигентов в России взросла, по определению Солженицына, образованщина. К счастью, операция по тотальному гильотинированию собственного народа советской власти не удалась, и в этом есть немалая заслуга писателей.

Я расскажу вам об эпизоде, который, быть может, несколько прояснит мою мысль. Мы были добрыми знакомыми, не осмеливаюсь сказать друзьями, с Борисом Пастернаком. Я часто ездил к нему в Переделкино. Как-то раз на дачу к Пастернаку внезапно ввалился пьяный секретарь Союза советских писателей Фадеев. "Видишь, Боря, не могу я в таком виде домой явиться, ты же ее знаешь..." — пробормотал он.

Пастернак постелил ему на старой кушетке, прикрыл шалью жены своей, Зинаиды Николаевны. Фадеев вроде бы уснул, но, спустя минуту, вдруг поднял голову и абсолютно трезвым голосом, сказал: "Ну и что после нас останется, Боря? Только твои стихи и "Двенадцать стульев". На следующий день я увидел того же Фадеева на собрании Союза писателей, где он произнес громовую речь, полную бранных слов и оскорблений по адресу "формалистов" и в их числе Пастернака. Но не это запомнилось мне с той встречи. Нечто иное осталось в памяти, а вовсе не трагическое двуличие Фадеева.

Пастернак вручил мне тогда свой новый сборник "На ранних поездах". Он в самом деле ездил из Переделкина в Москву первым поездом — то за продуктовыми карточками, то чтобы пристроить свои переводы из грузинских или польских поэтов в какой-нибудь литературный журнал.

Я уехал от Пастернака последним поездом. Помню, тут же открыл книжечку и сразу наткнулся на стихотворение, которое цитирую в своей книге "Русский месяц с гаком":

Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразьи поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, взасос.

Я обвел взглядом вагон: так оно и было. Читали все, необязательно Пастернака. У русских писателей была своя армия читателей, и нельзя было вычеркнуть из школьной программы ни Пушкина, ни Толстого, ни даже Достоевского. Русская интеллигенция пронесла через все семьдесят лет два сокровища: книгу и память о прошлом.

— Будучи голосом русской интеллигенции, сознавали ли русские писатели свою миссию?

— Думаю, что сперва это сознавали немногие. Огромную роль сыграла книга как таковая и русские классики, которых издавали довольно широко. Но и среди современных писателей не было недостатка в тех, кто не поддался страшному диктату, так называемой перековке на новый лад всего общества, вкупе с его мыслящим авангардом. Таких писателей было много, лучшим тому доказательством служит факт, что две тысячи, повторяю, две тысячи членов Союза писателей погибли либо за колючей проволокой, либо от пули в затылок, как Пильняк, Бабель и другие, слывшие гордостью русской литературы даже в тот период, когда цензура уже неистовствовала вовсю. Впрочем, и 20-е годы отнюдь не были временем райской жизни и расцвета. Русским писателям уже тогда приходилось бороться с трудностями, но они еще надеялись, что эта борьба даст результаты.

— Переводя "Архипелаг ГУЛАГ" вскоре после его российской "премьеры", вы, должно быть, почувствовали, что там есть слова, которые в состоянии рушить стены.

— Разумеется, я догадывался об этом, но истинное значение книги Солженицына открыл мне Ежи Гедройц. Я был уже в эмиграции в Италии, когда ко мне приехал от него Густав Герлинг-Грудзинский и предложил перевести на польский "В круге первом" Солженицына. К тому времени я был уже под большим впечатлением от некоторых высказываний Солженицына. Они представлялись мне необычными. Существуют идеи, которые — чтобы быть услышанными — должны быть произнесены чистыми устами. Не каждому это дано. Солженицын облек в слова мысли, которые, быть может, многим приходили в голову, но только он, мученик, патриот и редкостный талант, смог выразить эти мысли таким образом, что они пробились сквозь глухоту общества. А сказал он простую вещь: чтобы свергнуть эту бесчеловечную систему, достаточно не участвовать во лжи. Это звучало так просто и убедительно, что я уже тогда ожидал от Солженицына чего-то необычайного. И, не раздумывая, принялся за перевод сперва "В круге первом", а затем и "Архипелага". Переводя Солженицына для парижской "Культуры", я стал осознавать, что ничем больше не должен, да и не хочу заниматься. В конкурсе на первую свою университетскую должность я принял участие лишь тогда, когда жена моя Александра поставила последнюю точку в переводе "Архипелага", который я ей диктовал. Я считаю Гедройца человеком выдающимся, умнейшим среди ныне здравствующих наших соотечественников. Мне представляется загадочным, более того, драматическим, тот факт, что их с Юлиушем Мерошевским идеи, которые они яснейшим польским языком изложили на страницах парижской "Культуры", не стали в наше время стратегическим планом, который мог бы весьма облегчить трудное геополитическое положение Польши между двумя великими державами. Ведь оказалось, что их предсказания и опасения подтвердились. В Польше много говорят и пишут о Гедройце, все его чтят, но почти никто не наследует его идеи.

— Вопреки высказыванию Норвида о том, что действия в Польше совершаются преждевременно, а книги запаздывают, в отношении восточной политики получилось иначе: благодаря парижской "Культуре" книги у нас есть, тогда как действия начисто отсутствуют. Но, может быть, причина в том, что теории Гедройца не получили широкого распространения?

— Кое-что все же делается — такие шаги, как приглашение президента Украины в Ланьцут, съезды в Таллине и Вильнюсе. Однако неизвестно, будет ли продолжен этот труд и получит ли он признание.

Представьте себе, всего одна книга Мерошевского увидела свет в Польше после 1989 года. Все они много лет тому назад были изданы парижской "Культурой" и ввозились в Польшу контрабандой.

Мерошевский черным по белому сформулировал несколько принципов, которых должен придерживаться каждый разумный польский политик. К примеру, нет иного свободного поля для польских политических маневров, кроме сферы восточной политики. Принятие Польши в НАТО — вещь несомненно весьма важная, но тут от нас не так уж много зависело. А вот то, что происходит на Востоке — и в настоящем, и в будущем, — в немалой степени зависит от Польши. Именно рассуждения Мерошевского и Гедройца позволили мне сделать вывод, что врагом Польши был Советский Союз, а не Россия. И еще: что Империя не может существовать без Украины, Литвы и Белоруссии — УЛБ, как сокращенно называл эти страны Мерошевский. Впрочем, достаточно и одной Украины: восстановить хищный имперский Советский Союз без Украины невозможно.

Чтобы воспрепятствовать этому, Польша должна быть в наилучших отношениях с Украиной. Ничего, кроме прошлого, нас с украинцами не разделяет. Интересы Польши и Украины представляются мне общими. Так же, впрочем, как много лет тому назад представлялись они общими

Гедройцу и Мерошевскому, когда еще и речи быть не могло о независимости Украины.

Из декалога Мерошевского и деятельности Ежи Гедройца вытекает еще один вывод: отказ от имперских устремлений, от сфер влияния, от колоний, которыми по сути были советские республики, — в интересах самой России. Ведь это огромная, великолепная, с богатейшими недрами страна.

Германия и Япония, два государства, пораженные в прошлом болезнью империализма, тогда лишь достигли наивысшей мощи и расцвета, когда отреклись от территориальных притязаний. Оказывается, чужие территории не нужны для достижения благосостояния.

— Вернемся к Солженицыну. Рассказывают, что в лагере он якобы записывал на снегу очередные страницы "Архипелага ГУЛАГ", а потом заучивал их наизусть. Спустя годы оказалось, что правдивые слова, начертанные палочкой на снегу, обладают мощью, способной расшатать имперский колосс. Позднее, однако, Солженицын стал утверждать, что с его страны следует снять ответственность за то, что коммунизм в России принял именно такие, а не иные формы, и обвинил в этом Западную Европу.

— О Солженицыне ходят самые различные, неподтвержденные, а порой не соответствующие действительности слухи. Я знаком с ним, и во время нашего недавнего разговора, а также в нашей с ним переписке, не обнаружил такого рода подчеркнуто односторонних взглядов.

— Но Запад он не любит?

— Разумеется, и я разделяю некоторые его претензии к Западу. Западные левые перестали любить Советский Союз с тех пор, как большевики отложили дубинку, и тогда же начали искать новых кумиров в иных странах, где воплощаются идеи коммунизма: в Китае, на Кубе и т.д. Речь идет о леваках, а не обо всем западном обществе. Именно к ним относи-

лись претензии Солженицына. Не было у него претензии и к Америке как таковой; она оказала ему гостеприимство, обеспечила полнейшую безопасность и спокойную жизнь. Он никогда не призывал бороться с Соединенными Штатами.

Среди слухов, которые кружат о Солженицыне и, к слову сказать, часто инспирировались КГБ, появилось и обвинение в полонофобии. Не так давно мне пришлось написать статью под таким именно заглавием: "Полонофоб", в которой я привел прекрасные строки, восхваляющие положительные черты польского характера; строки эти принадлежат перу Солженицына. В третьем томе "Архипелага" писатель превозносит поляка, инженера Ежи Венгерского (ныне живущего в Катовицах), с которым он находился в лагере; этот поляк был единственным, кто воспротивился позорному прекращению голодовки узников. Солженицын заканчивает этот фрагмент поразительными словами: " Если бы все мы были так же горды и тверды, какой бы тиран удержался?"

— Существует ли нечто такое, что можно назвать русской душой? Специфическим русским характером?

— Признаюсь Вам откровенно, я не люблю употреблять такие туманные, расплывчатые понятия, как "душа нации" и "коллективный характер". Во-первых, то, что мы принимаем за русский характер, есть характер власти в России. А мы именно с ней имели дело. Ну и вообще, что такое национальный характер? Знаменитый анархист Бакунин после многолетнего пребывания в Германии написал примерно следующее: "В характере немцев лежит ненависть ко всякой власти. Эта нация — идеальный объект для анархической деятельности. Каждый немец хочет иметь собственное мнение, и поэтому невозможно создать монолитное мощное германское государство".

— И все же понятие русской души существует. Ей приписывается прежде всего максимализм. Она представля-

лась европейцу загадочной в основном из-за своей склонности к нигилизму или к апокалиптическим пророчествам. Русская душа либо требовала от мира всего, либо относилась к нему с величайшим презрением. Вы согласились бы с таким стереотипным диагнозом русской души?

— Разумеется, не соглашусь и никогда не соглашался. Я вел в свое время в "Культуре" полемику с Войцехом Карпинским как раз на эту тему. Упрек в максимализме, который он бросил русским и России, показался мне весьма нелогичным; между прочим, без максимализма трудно себе представить склад ума и самую сущность святых. Вам не приходил в голову этакий "пустяк"?

Ну а если все же говорить о характере и о душе нации, то усилия советской власти этот самый характер, если таковой существовал, наверняка сильно исказили. Нельзя сегодня говорить о складе русского характера так, будто этих семидесяти лет не существовало или будто они прошли бесследно. Перековка, которой власть в России подвергала свое население, привела к весьма болезненным явлениям. Впрочем, я не верю ни в коллективную вину, ни в коллективную душу. Убежден, что существует только личная ответственность. Хотя Солженицын, разумеется, имел право призвать соотечественников к коллективному покаянию. Великий восточный мудрец Остад Элахи сказал: "Предсмертной исповеди недостаточно — надо стараться при жизни исправить причиненное людям зло, только тогда можно просить Бога о прощении".

— Ваш тезис о связи власти и народа можно переиначить: характер власти передает характер народа. Не примечательно ли, что социалистическая идеология, которая в Европе вылилась в движение за социальные реформы, именно в России приобрела столь чудовищный характер?

— Большевистские идеи дали точно такие же результаты и в России, и на Кубе, и в Никарагуа — в странах со столь различной культурой. Есть такой вопрос армянского

радио: "Что будет, если коммунизм победит в Сахаре? — Точно неизвестно, но одно ясно: через три года песок пришлось бы импортировать".

— Есть, однако, нечто демоническое в том, что отходы западных идей приобретали в России абсурдные формы. Словно бы в русском организме не хватило антител, которые защитили бы его от болезни утопии и идеологии.

— Россия так огромна, что эхо наших диспутов, бесед, дискуссий, философских теорий теряется в ее бескрайних просторах. Подвергается деформации.

Россия превратилась в склад отходов западной мысли. Русский славянофил Хомяков сказал: "Наша беда не в том, что мы воспринимаем западные идеи, вместо того чтобы рождать и развивать свои собственные, русские. Беда в том, что мы воспринимаем отходы этих идей".

И верно. Все эти гувернеры и горе-теоретики, которые кормили Россию новинками с Запада, часто были людьми весьма низкого пошиба. Теоретики марксизма, попавшие в Россию, встретились там с ситуацией, уже неведомой Западу, — с абсолютным произволом российских властей. В этом причина искажения даже наиболее привлекательных идей. Россия была классической страной самодержавия, самовластия. Царь имел титул самодержца. Давайте сравним: американская конституция, первая настоящая конституция в мире, родилась из единственного желания — положить преграду произволу властей. Все семь ее статей (а в американской конституции всего семь статей и некоторое количество поправок) направлены на установление верховенства закона над властью.

В России же конституция (вернее, конституция в миниатюре) появилась только в 1905 г., после проигранной войны с Японией. Конституция правительства Керенского не была претворена в жизнь. А все последующие конституции, со сталинской во главе, были только списком намерений, которых никто не посмел бы назвать благими и которые в лучшем случае остались на бумаге.

— Быть может, ключом к феномену русского национального характера является русская литература, о которой говорится, что это литература вечных вопросов — о Боге, о человеческой природе. Не через нее ли познается русская душа?

— Значение русской литературы с ее вечными "проклятыми" вопросами определяется двумя факторами. Первый — чувство ответственности писателя, осознавшего, что он один имеет право голоса, чтобы выступать от имени безмолвствующего народа как его представитель и заступник. Второй фактор — простой вывод из того, что говорилось выше о произволе власти. Тому, кого не защищают человеческие законы, остается только уповать на Бога. Оттого и возникают вечные вопросы. Достоевский пережил не только каторгу — он стоял у позорного столба в ожидании близкой смерти. Наверно, поэтому Достоевский так сильно ощущал потребность в нетленной руке, за которую можно ухватиться.

— Не следует ли из ваших рассуждений, что характер нации определяется исторической судьбой, которая выпала на ее долю?

— Безусловно. Однако существует граница, за которой историческая судьба уже бессильна. Густав Герлинг-Грудзинский очень хорошо сказал о твердом ядрышке человеческой натуры, которое никакие усилия власти окончательно раздробить не в состоянии.

Такое ядрышко существует в душе всех народов. Твердое, не поддающееся насилию властей ядро объединяет нас в единую человеческую семью, и в этом смысле ни цвет кожи, ни вероисповедание людей не рознят. Это нечто такое, что принадлежит не национальному, а человеческому характеру. Тому, что отличает нас от животных. Курдский мудрец, которого я уже цитировал, утверждает, что у нас две души. Одна, животная, обогащает нас всякого рода ощущениями, страстями; словом, состоит из импульсов. Другая же — му-

дрецы из суфиев называют ее ангельской, а все верующие люди — дыханием Божьим, — дарована лишь человеку.

— Не отчаянием ли это продиктовано? Выходит, чтобы усмирить свой страх перед Россией, мы должны апеллировать к некой ангельской душе. Или к твердому ядру, которое не подвержено давлению истории, перековке душ. Так ли уж обязательно выявлять человеческое лицо, спрятанное за маской homo soveticus — существа порабощенного?

— Я говорил о людях вообще, русские служат лишь поучительным примером. Имея столько выдающихся писателей, они вправе вслух говорить о своем опыте. Русские писатели в XIX веке достигли вершин литературной иерархии.

Что же касается мер предосторожности по отношению к такому соседу, как Россия, то еще раз повторю вслед за Мерошевским: "Русские перестанут быть империалистами, когда потеряют империю"; и еще одну его фразу позволю себе привести: "Мы должны искать контакт и взаимопонимание с русскими, готовыми признать право на самоопределение украинцев, литовцев и белорусов, и, что не менее важно, мы сами должны раз и навсегда отказаться от Вильно, Львова и (внимание!) от любой политики или планов, которые направлены на то, чтобы при благоприятной конъюнктуре утвердить наше превосходство на Востоке за счет вышеназванных народов".

Тут ни слова нет ни об ангельских душах, ни о тайнах русского характера. Есть простейшая рекомендация нашим министрам и политикам из правительства и из оппозиции — установить самые дружественные отношения с Россией, но с одним лишь очень простым условием: не ущемляя при этом независимости и жизненных интересов наших общих соседей: литовцев, украинцев и белорусов.

— Допустим, душа нации и склад ее характера — явления эфирного свойства, но советский склад ума, быть может, нечто более осязаемое?

— Действительно, советский склад ума существует. Основа его — глубочайшее убеждение в справедливости теории жизненного пространства, якобы необходимого для всего общества и уж во всяком случае для его властей. Лучше всего сформулировал эту теорию вовсе не русский, а немец — Фридрих Великий: "Война не имеет смысла, если она не ведет к территориальным завоеваниям".

Идея эта обанкротилась, когда мы убедились, что современными научными методами можно добиться расцвета в государствах с небольшой территорией. Война должна была бы утратить всякий смысл, но увы, не утратила, поскольку продолжают возникать конфликты между народами, религиями, убеждениями, идеологиями.

— Значит ли это, что, поскольку из России извлечен советский взрыватель, мир может спать спокойно?

— О мире я знаю очень мало. Я немного знаком только с двумя странами — Италией и Россией, но всерьез меня интересует третья страна — Польша.

Так вот, в Польше, о которой я пекусь, важно знать, что советскую империю невозможно эксгумировать без предшествующего присоединения, завоевания или раздела Украины, захвата Литвы и Белоруссии. Вот камень, о который должны сломаться лопаты тех, кто стремится произвести эксгумацию ессе.

Потенциальные наши союзники в России — это те, кто хочет, чтобы Россия была великой и сильной державой, но без захватов, без дополнительного жизненного пространства за чужой счет.

Солженицын в своей статье "Почему американцы не понимают русских?" пишет, что Россия должна отказаться от какой бы то ни было агрессии, даже от мысли о ней, а всю свою неизмеримую мощь направить внутрь, на восстановление собственной страны. Если такое случится, дорогие мои, это будет чудо. Но свершиться оно может только при усло-

вии, что русские откажутся от путей, которые почему-то казались им легче, а на самом деле их губили. К примеру, казалось, что вместо того, чтобы строить современные заводы искусственных удобрений, проще послать миллион комсомольцев в сухие степи Казахстана и отобрать там пастбища у казахов, пытаясь превратить степь в урожайные земли.

В российских провинциях с интенсивной экономикой, как, например, в Саратове, Нижнем Новгороде, где сделаны реальные шаги в направлении к настоящему, свободному рынку, — Россия встает на ноги. Страна не голодает, и все это удается без посягательств на чужую независимость, без захвата чужих земель.

Не кто иной, как военный, генерал Лебедь, сказал, что времена империй миновали. Эти часы остановились.

— Может ли что-то дать сегодня миру многоликая, разнородная и по-прежнему интригующая Россия, которой часы истории начали отмерять новое время?

— Разумеется, несмотря на отягчающие традиции, несмотря на предубеждения и химеры о национальной душе, которая якобы есть душа рабская и навсегда останется таковой; несмотря на то, что семьдесят лет по этой душе били молотом, а все мыслящие головы срезали серпом, Россия имеет все возможности стать нормальным государством в ряду себе подобных. У нее более чем достаточно собственных земель, и талантов, и школ, чтобы этого добиться. И тогда она не будет врагом Польши, врагом свободной Литвы, свободной Белоруссии и свободной, к счастью, Украины.

Сентябрь 1997
Квартира Ежи Помяновского, Краков.
"Беседы к концу столетия", Знак 1998

НЕУСТАРЕВШАЯ ТЕМА

Статья Чеслава Милоша о Мандельштаме ("Газета выборча", 1996, 23-24 ноября), его поэтическом величии и человеческой слабости обладает тем достоинством, что заставляет задуматься над двумя немаловажными вопросами. Первый связан с оценкой поведения русских писателей в период террора. Невозможно согласиться с осуждением их всех одним махом, и трудно понять, как Милош, поэт, которому я не вижу равных, а сверх того мыслитель без иллюзий, соглашается применять повседневные нравственные нормы к поступкам людей, поставленных в нечеловеческие обстоятельства, под натиск смертельного гнета.

Во-вторых, речь идет об отношении польской общественности к тому, что происходит в России. Милош не знает на собственном опыте Советского Союза времен "великого страха", но принадлежит к исключительно лояльным и хорошо информированным знатокам русской литературы. Поэтому тревожным недоразумением выглядит тот факт, что его выступление прозвучало в унисон с другими голосами, повторяющими сарматские, презрительные мнения о России — и тем самым отвлекающими внимание от подлинных опасностей, которые могут оттуда прийти.

Ныне пишут о грехах и винах жертв советской системы, в то время как ее наследники отнюдь не отрекаются от надежд на реставрацию своей машины чистки мозгов собственных подданных и обращения в подданство окружающих народов. Эта реставрация может быть остановлена только руками самих российских граждан. В России рано или поздно сформируется течение, состоящее из все более многочисленных политиков и миллионов избирателей, знающих, что имперская традиционная концепция государства стала неокупаемой, что она принадлежит истории. Демократы или только полудемократы, гражданские лица или даже военные — не

это главное. Главное, что они не посягают на свободу других народов. В русских политических традициях эта тенденция, признаемся, была слабой. До сих пор ее обосновывали немногочисленные представители мыслящего слоя, а хорошо заметна она была только в литературе. И вот как раз литераторов и выбрали себе мишенью глашатаи предрассудка, согласно которому русские — по природе рабы, и ничто их не переменит.

Пример возьмем не откуда попало. В газете "Жечпосполита" (1996, 29-30 июня), на тех самых страницах, где сейчас печатает свой "Ночной дневник" Густав Герлинг-Грудзинский, появилась большая статья Кшиштофа Маслоня — критика молодого, но уже известного самостоятельными и высоко ставящими планку оценками. Рецензируя "Путеводитель по современной русской литературе и ее окрестностям" Тадеуша Климовича, критик назвал свою статью "Инженеры душ". Статья читается как сборник уголовных репортажей, где преступников, жертв, судей и палачей описал ловец анекдотов, не знающий ни того, что творилось за стенами зала суда, ни шифра подсудимых. Рядом с информацией о доносителях типа Софронова или Ермолова и слов признательности таким свидетелям, как Венедикт Ерофеев, мы читаем, что Ахматова "любила попивать слегка подогретую водку" и, хуже того, в собственноручно написанном письме "просила Хорунжего Мира (так называла Сталина пропаганда ПНР. — Пер.) освободить сына", когда его в очередной раз на много лет арестовали. Мы узнаём, что Иосиф Бродский в ссылке страдал недостаточно: получал сигареты, дерево для печки и даже письма. Читаем мнение критика Сарнова об Александре Галиче: "Он писал о заключенных, а сам не сидел". Действительно, вскоре после возвращения с "диссидентского биеннале" в Венеции он погиб в своей парижской квартире, убитый током: вошел в дом, а сесть не успел — что правда, то правда. Мандельштам — это факт — погиб по пути на Колыму, но забрали-то его из дома отдыха Литфонда, так что привилегиями пользовался. Вообще же "милостей товарища Сталина домогались все".

У меня претензии к критику не за то, что он не пишет жития святых, но за то, что он не умеет вести себя в доме, где царит траур. Потешные истории, которые он рассказывает о слабостях, падениях и умоляющих письмах, — это ведь контрапункт огромного реквиема русской литературы. По самым приблизительным подсчетам, больше двух тысяч советских писателей погибли в лагере или в застенке. Там действительно платили головой за слово правды. 70 лет там пытались сломать тот домкрат национального сознания, каковым является литература. Но эта операция не удалась ни Сталину, ни его последышам — фабрика подлости не выполнила план. Одинокие, беззащитные, подверженные всем человеческим слабостям писатели делали что могли. Призраки Толстого и Чаадаева, Гоголя и Лермонтова, Аввакума и Салтыкова-Щедрина пробуждали поутру людей, измученных страхом, и повелевали использовать талант, коли он есть. "Самиздат" возник в России раньше, чем у нас. Поражает даже не то, что беспримерный террор сломил столько талантов, а скорее то, что так немногие искренне и до конца ему поддались. Потому-то Александр Кабаков пишет, что это безумная страна, где к литературе относятся как к религии. Польский критик, приводя эти слова, не услышал в них восхищения. Зато в его обзоре слышится высокомерное хихиканье. Причин этому я не вижу.

Когда прилагают короткую польскую мерку к условиям, в которых пришлось жить Клюеву, Ахматовой, Бабелю, Мандельштаму, это почему-то напоминает мне старый рассказик про англичанина, который во время войны объяснял полякам, почему не нужно бояться гитлеровского вторжения на Британские острова: "Мы просто закроем магазины, оккупанты не получат ни куска хлеба и будут вынуждены со стыдом убраться восвояси".

Кстати, думаю, что об истории советской литературы невозможно говорить, если не отличаешь трагедии от гиньоля.

* * *

Юзеф Юзовский, родившийся в Варшаве и описанный в "Голубых листках" Адольфа Рудницкого ("Человек в вагнеровском берете") в 1948 г. был признан главой заговора космополитов, врагов советской родины. Не без оснований. Юз был в Москве заведомо лучшим театральным критиком, и ему не удалось утаить пренебрежения к тем, кого назначили великими писателями. Его коллег Резника и Альтмана посадили сразу. Юзу досталась, может быть, худшая судьба: ждать. На протяжении шести лет он каждый вечер ложился на свою кушетку одетым, с готовым узелком под головой: в узелке была смена белья и очки. Жена-актриса развелась с ним, чтобы не терять ролей и места в труппе. Забрала с собой маленького сына. Юзу осталась только собака. Он выводил собаку во двор на раннем рассвете и очень поздно вечером, чтобы случайно не столкнуться с другими жильцами писательского дома в Лаврушинском. Собака заставила его выжить. Не только привязанностью и бдительностью: вечером она не раз возвращалась к хозяину с банкнотой под ошейником. Эти банкноты под собачий ошейник засовывал Илья Эренбург, который ни разу этим не похвалился. Юз узнал об этом поздно и от третьего лица.

Он рассказал мне эту историю только тогда, когда ему наконец разрешили побывать в Варшаве. Говорил он полушепотом, хотя на дворе давно уже стояла оттепель. Автора повести "Оттепель", которая дала имя этой эпохе, нередко — и не без причины — обвиняли в оппортунизме и трусости. Я неплохо знал его и думаю, что поначалу был соблазн игры: он сел за карты, убежденный, что сумеет переиграть даже шулеров. За соседним немеуким столиком, напомним, играли в кости такие, как он. Его спасло везение: тот, кто сдавал карты, умер раньше.

Дело Юза дает в руки обвинителям Эренбурга важное, но хлопотливое доказательство. Ясно, что он боялся:

при этом строе и в то время всякий, кто помогал гонимым, сам нарывался на их судьбу. Он робел, молчал, путал следы, помогал тайно, но все-таки старался помочь.

В истории Юза, Эренбурга и собаки я нахожу две неотступные темы. Первая — политическая. Оказывается, для оценки того или иного строя достаточно простого критерия: что в нем безопаснее и легче — быть подонком или порядочным человеком? Вторая касается литературы. Для нее это тема не новая, но такая, о которой продолжают забывать. Аристотель в "Поэтике" писал, что ему неинтересны истории любви двух друзей или ненависти двух врагов — интересует же его ситуация, в которой влюбленные должны бороться друг с другом, враги — сотрудничать, а трус и циник осмеливается сделать то, на что не осмеливаются храбрые, добродетельные и верующие мужи. Не осмеливаются — или не хотят знать. Критики, писатели, читатели молодого поколения могут просто не знать, что в СССР действовала, так сказать, позитивная цензура. Не писать порочных, запрещенных слов и предложений — этого было мало. Молчание было рискованным: Бабель пытался замолчать — с известным результатом. Побег в стилистические изыски приводил к убийственному обвинению в формализме. Надо было писать то, чего ожидала власть, что она приказывала, — и только это. Если уж взял перо в руки, уцелеть можно было, лишь выполняя этот долг. Обычно старались откупиться одной или несколькими уступками. Происходило это в условиях неустанной смертельной угрозы, нигде больше не существовавшей: Эриху Кестнеру в третьем рейхе удалось — в молчании, но безнаказанно — пережить Гитлера.

Нет никакого сравнения между угрозой, которая висела над головами писателей в СССР, и тем, что грозило нам в ПНР. Тем не менее намерения власти были те же самые: ей было важно скомпрометировать всякий конкурентный авторитет, т.е. тот, что получил свою авторитетность не из ее рук. Запоздавшие на полстолетия счеты, которые сводятся у нас

теперь, выглядят тратой времени и сил и посмертным триумфом Системы.

Да, многие русские спасались уверенностью, что это естественная система, к которой надо привыкнуть, которую надо признать исторической необходимостью, полной светлых надежд. Сначала так считали многие, без принуждения, тут Милош прав. Но настоящим поэтам в этом признании, а тем более в энтузиазме, мешал именно принцип приказа, противоречащий самой сути таланта.

Грешно судить этих людей не по их замечательным произведениям, вырванным у собственного страха, а по этим уступкам. Особенно с позиции людей, способных к свободному и безнаказанному выбору. Может быть, труднее судить, чем прилагать повседневные нравственные мерки к поведению заключенных в концлагере или спрашивать уцелевших, почему и за чей счет они посмели уцелеть. Ответ на эти вопросы, задаваемые самому себе, дали Тадеуш Боровский и Примо Леви — самоубийцы.

И все-таки Чеслав Милош, тот самый Милош, который с такой отвагой задал подобные вопросы своему народу, христианству, всему равнодушному к Катастрофе миру, — осудил Осипа Мандельштама, ибо тот стихами о Сталине пытался спасти и свою жизнь, и непрерывность определенной культурной традиции, которую считал совершенно необходимой. Жизни он не спас. Непрерывность сохранилась благодаря тем, кто запомнил его стихи.

Один из них, писатель Фазиль Искандер, защищал Мандельштама, напоминая, что оды великим мира сего веками писали в надежде получить награду, а Мандельштам написал свою оду в надежде на милосердие — "дьявольская разница...".

Действительно, прилагать абсолютные кантовские мерки, вне зависимости от времени, места, условий, окружения, — занятие немилосердное и вдобавок тщетное, если судья не знает, как сам повел бы себя в крайней ситуации. Все мы такие судьи.

Может быть, Милош хотел сказать, что нигде нет святых. Но для этого у него не было ни причины, ни обоснованных мотивов. В конце концов, в расчет принимается сумма человеческих поступков и то, что называется — и что называет Солженицын — раскаянием, то, что должно состоять в возмещении ущерба. Пример святого Петра, трижды отрекшегося, может служить не только христианам.

Суфийская школа считает, что у нас не одна, а две души: ангельская и звериная — прожорливая, но слабая. Задача обществ, как мне кажется, — создавать такие порядки и условия, при которых эта звериная часть нашей души имеет меньшее поле действия и меньше случаев показать себя. Вот и всё.

Тут стоит добавить лишь несколько слов, и чтобы их понять, не нужно быть ни русистом, ни знатоком Мандельштама, ни поэтом. Не примите их, пожалуйста, за патетику. Позор — не слабости человеческой, позор — власти, которая ставит на эту слабость, кормится ею, свое дерьмо оставляя историкам и критикам, которые в свою очередь принимают его за истинную суть пожранных и сгноенных существ.

"Газета выборча", 1996, 30 ноября — 1 декабря

ОТ АВТОРА

Я извлек из-под спуда этот текст, в частности, потому, что в журнале "Наш современник" (2004, №3) вышла статья С.Куняева "Крупнозернистые поэты". Куняев известен у нас как автор книжицы "Шляхта и мы" — курьезной антологии клеветы и претензий, собранных лишь затем, чтобы натравить русских на поляков. Разумеется, никто в Польше не стал платить ему той же монетой. Однако на этот раз придется ответить на его статейку, ибо она направлена против русского поэта, которого в Польше особенно ценят и любят, — против Осипа Мандельштама. Вопреки обыкновению, Куняев не причисляет его к "русскоязычным еврейским витиям", но силится бросить тень на его славу, пользуясь еще более позорным приемом. Он пытается доказать, что затравленный, преследуемый, доведенный до попытки самоубийства и, наконец, арестованный и сосланный на верную смерть поэт на самом деле был искренним поклонником Сталина и энтузиастом режима. Доказательством этому должна послужить прежде всего ода, о которой я спорю с Милошем.

Подобное утверждение — не что иное, как попытка выдать патологию за признак здоровья, причислить жертву к числу борзописцев жестокого режима. Однако наш Фигляев не отдает себе отчета в том, что тем самым он оказывает режиму медвежью услугу. Он, сам того не желая, показывает всю саморазрушительную нелепость этой системы, которая, выходит, убивала собственных приспешников и энтузиастов, даже если они были гениальными поэтами. Ни нам, ни множеству россиян не нужно об этом напоминать. И все же свидетельство Куняева полезно: оно выставляет на посмешище не прежних, а современных, уже не вынужденных, но добровольных певцов старых злодеяний. Почему они восхищаются этими злодеяниями? Потому что, видите ли, эти злодеяния великие. И смешно и страшно.

"Новая Польша", 10/2004

ЧЕЛОВЕК И ТЕНЬ

С этим писателем я познакомился далеко от Польши и далеко от Ленинграда, где он постоянно жил. Шел то ли 42-й, то ли 43-й год — самое дно военного времени. Мы нашлись в одноэтажном азиатском городе. Девять месяцев в году над городом светило безжалостное солнце, а в остальные три — лил дождь. Вдоль улиц текли арыки, полные густой воды. Над ними росли высокие деревья — шелковицы, чинары и платаны. За каждой крышей возвышались горы. С востока — Памир, с юга — Гималаи, их внешняя гряда. Когда опускались сумерки, быстрые, внезапно сгущавшиеся, глушившие не только слух, но и зрение, то весь мир в конце концов сводился к скрежету саранчи в саду за новым, высоким зданием университета, где тогда было летное училище. Иногда доносился еще из-за последней мазанки предместья, с хлопковых полей, какой-то визгливый лай — говорили, шакалий. Но обычно уже ранним вечером слышна была лишь гулкая азиатская тишина. То не была ночь из "Тысячи и одной ночи". Далеко на западе остался пестрый гомон Багдада. А здесь была истинная Азия. Казалось, стоит только напрячь зрение или влезть на самую высокую чинару, и увидишь северное сияние, а с другой стороны — фосфоресцирующий блеск Индийского океана. И шла война. Нам не хватало хлеба, но его не хватало одинаково всем — таджикам, русским и полякам, которые нашли тут убежище и отдаленную надежду.

В один из таких вечеров, в душной барачной каморке, куда приходили литераторы за продовольственными карточками, кто-то громко сказал, что в пригороде живут польские сироты: их привезли с севера и только что открыли детский дом. Никто не строил планов, но сразу стало ясно, что надо как можно скорее, может быть прямо завтра, побывать там. Была пора дождей: машина кинопередвижки не добе-

рется. Книги — это мало. Впрочем — дело и так пойдет. На следующий день мы отправились. Вел нас Мирсаид Миршакар, таджикский поэт, огромный мужик, грузный, рябой. Горцы всего мира словно принадлежат к одному племени, но этот совершенно был похож на крестьянского сына из-под Закопане, только в тюбетейке. Он был с Памира, из окрестностей Рушана, где у женщин рыжие волосы, потому что там когда-то стояли гарнизоны Александра Македонского, оставленные во время похода на Индию и так никогда не отозванные. И вот мы по размытой дождем дороге тянулись за Мирсаидом. По вязкой грязи шла ленинградская поэтесса, хрупкая и тихая Татьяна Казмичева, брел ее бледный брат Михаил Матвеевич, изумительный переводчик поэтов французского Возрождения, рядом резво шагал старый и знаменитый московский поэт Сергей Городецкий, друг Блока и Северянина. И был еще некто, появившийся совсем недавно, и пока что я знал о нем лишь то, что зовут его Евгений Шварц. Он почти не разговаривал, улыбался той быстрой, трогательной улыбкой, которую запоминаешь лучше, чем черты лица. На каком-то километре пути я уговорил всю компанию пойти напрямик, так как детского дома всё было не видать. Мы сразу забрались на рисовое поле, вязкое даже летом, тем более в пору дождей. Шварц сказал про меня: "Всё ясно: он нам мстит за Ивана Сусанина!". Он имел в виду того знаменитого русского мужика, который завел латников гетмана Жулкевского в непроходимое болото, чтобы помешать им в походе на Москву. Все рассмеялись, и не успели мы оглянуться, как были у цели.

Дети уже давно нас ждали, притихшие от напряжения. Их было много, но все были маленькие. Да, в основном малыши, только не такие беззаботные, как дети, растущие у себя дома и у себя в стране. Поэтому Городецкий — а он должен был выступать первым — несколько смутился, но в конце концов откашлялся и с замечательным воодушевлением прочел свое стихотворение о Польше, давно уже написанное, времен пер-

вой мировой, чрезвычайно звучное. Ему громко аплодировали, хлопали прежде всего учителя и воспитатели из "Союза польских патриотов". Детей слишком потрясала новизна происходящего, чтоб они обращали внимание на подробности. Но стихотворения французских поэтов Плеяды, которые они услышали затем, привели их уже не в такой восторг. Потом пошли стихи Тувима для детей; я читал их по тетрадке, в которую записывал во время ночных дежурств в больнице все польские стихотворения и все отрывки из польской прозы, какие мне удалось припомнить. Польских книг почти ни у кого не было. Таких тетрадок у меня было уже семь. Миршакар продекламировал, а вернее пропел главу из своей поэмы "Золотой кишлак". Дети были очарованы напевной декламацией, но подозреваю, что до конца всё понял только один из них: маленький таджичонок с шевелюрой как мышиная шкурка; его отец погиб на фронте, и его растили с польскими детьми. В общем, литературный вечер развивался по плану, и всё было бы хорошо, если бы не какая-то неясная тревога, терзавшая всех нас: это же были мальши. И еще: не за тем же мы брели по этой грязище, чтобы отработать обычный литературный вечер. Думаю, и некоторые дети были того же мнения. Но вот после очередной порции аплодисментов встал с улыбкой Евгений Шварц и, убедившись, что все дети понимают по-русски, вышел из-за торжественного стола президиума, попросту уселся среди маленьких слушателей и принялся рассказывать им сказку. Это была ставшая впоследствии знаменитой "Сказка о потерянном времени". И целых четыре часа мы слушали его сказки. Все — воспитатели и мальши, поляки и русские.

Мы были заворожены и зачарованы мудростью и веселостью этого человека. Все мы ощущали, как с каждым словом все сильнее обожали его сидящие на полу дети, и заведомо разделяли их чувства. Перед нами был ум простой и замечательный, человек, полный таланта и очарования.

Окончательно убедило меня в этом знакомство с его книгами и пьесами, которые я постарался немедленно про-

честь. Шварц писал пьесы с 1928 года. В Среднюю Азию он приехал тогда из осажденного, голодающего Ленинграда, эвакуированный на военном самолете, как и другие деятели культуры этого необыкновенного города, как Анна Ахматова, как Шостакович, как Николай Акимов,, беспокойный дух, художник, режиссер и новатор театра. Шварц как раз был его ближайшим сотрудником и заведовал литературной частью Ленинградского театра комедии.

У того, кто знакомится с творчеством Шварца, возникает впечатление какого-то важного и радостного открытия. Это драматург отличный и для всех, писатель для людей, совершенно взрослых и зрелых, так что даже странно, что так мало о нем известно. Правда, и у нас Шварц известен прежде всего как автор произведений для детей. Напомню о повести и снятом по ней кинофильму "Первоклассница", о сценарии кннофильма "Золушка" или о пьесе "Снежная королева", которую ставят всюду; оба последних произведения — современные, творческие переработки сказок Перро и Андерсена, а Андерсена Шварц особенно ценил. У детей, особенно у советских детей, Шварц уже занял свое место и, пожалуй, вне конкуренции. Шварц несомненно принадлежит к семье выдающихся писателей — таких, как Милн и Коллодн, Тувим и Маршак, Бианки и Родари, Чуковский и Кестнер, Житков и Бжехва, — которые выбрали творчество для детей вовсе не потому, что для детей якобы легче писать и реже контролируется критикой. Как и все вышеназванные, он дает маленьким людям ровно то, что потом оказывается самым нужным людям вообще.

В предисловии к русскому изданию пьесы Шварца "Тень" мы читаем:

"...но Шварц действительно шел к поэзии и нашел ее в искусстве театра. Это счастливая судьба немногих странников, рассчитывающих на долгий путь и неожиданно оказывающихся у цели. Шварц был актером, журналистом, писал для детей, и всё было для него дорогой долгой, изнури-

тельной и не очень благодарной. В одно прекрасное утро он проснулся драматургом и вдруг почувствовал, что ему уже есть ради чего работать над словом, фантазировать, есть к чему применить свой дар живой человеческой интонации, свою способность видеть в людях все их различия и особенности, что всё это не пропадет зазря и останется жить в его трудах и замыслах...".

Но тут речь не о пьесах Шварца для детей, хотя их было много и хотя среди них были попытки создать современную сказку, целиком основанную на мотивах повседневности ("Ундервуд", "Клад"). Эта работа стала для Шварца превосходной подготовкой к сочинению пьес для взрослых. Принцип метафоры с дальним прицелом, замечательно ёмкая форма притчи придали легкость таким его комедиям, как "Приключения Гогенштауфена", неизданный "Дракон" и прежде всего "Тень". На польском "Тень" напечатана несколько лет тому назад в переводе автора этих строк. В 1947 году эта пьеса покорила Берлин, в 1952-м швейцарец Линдтберг поставил ее в знаменитом Камерном театре в Тель-Авиве. Поставленная перед самой войной в театре Акимова, она стала незаурядным и значительным театральным событием. Да только ли театральным? Здесь необходимо отметить, что эта сказка для взрослых — событие прежде всего нравственного и политического порядка. Она свидетельствует, что даже в трудные годы в Советском Союзе раз за разом возникали не шаблонные произведения, выдающиеся, безупречные и вступавшие в борьбу за господство народа и разума. Не все его сказки завоевали популярность, но и самым яростным догматикам доводилось капитулировать перед такими произведениями. Таково и искусство Шварца — поэтическое обоснование благородства, разума, верности делу, дружбы, непреклонности перед всяческой подлостью. В свое время театру "Сирена" не дали поставить эту пьесу, утверждая, что действие ее происходит в сказочной стране, поэтому неизвестно, какие социальные силы она защищает и к каким классам

принадлежат ее герои. С таким же успехом можно требовать выяснения классовой принадлежности гномов и социального происхождения Бабы Яги. Впрочем, происхождение сказочных персонажей установлено раз и навсегда: оно просторечное, простонародное. В народных сказках унижаемая справедливость в конце концов побеждает, простак оказывается умником, а злой король оказывается голым и должен быть наказан. Шварц — современный писатель, но в самом важном, философском аспекте своей пьесы он непоколебимо верен народной традиции.

Аккимов пишет:

"...по-сказочному обобщая основные процессы, происходящие во взаимоотношениях человеческого населения нашей планеты, можно сказать, что современная эпоха идет под знаком борьбы творческого начала с паразитическим, созидающего с гниющим, живого с мертвым, или, как говорит на своем языке Шварц, человека с тенью".

Пьеса Шварца — это не подражание, а полемика с грустной сказкой великого Андерсена о тени, которая предала человека и захотела стать его господином. Больше чем господином — властелином, диктатором, которому не хватает для счастья только одного: чтобы живой человек стал теперь ее тенью. Этот живой человек — ученый, он приехал в сказочную страну для того, чтобы поскорее достичь своей собственной цели: он хочет осчастливить как можно больше людей.

Фриц Эрпенбек, выдающийся немецкий критик, так писал после успеха этой пьесы в Восточном Берлине в 1947 году:

"Эту пьесу меньше всего хочется назвать "пьесой" — она поэтическое создание, полное лирики, юмора и ума. Пример комедии Евгения Шварца свидетельствует в пользу того, о чем мы неоднократно писали, не имея возможности подкрепить это практически: реализм — это вовсе не стиль, это критерий художественной правды, и романтическая сказка может иметь общественный смысл, может быть реалистической. Так обстоит дело и здесь... Гениальныо утон-

ченный, гуманистический смысл этой пьесы таков: жизнь потому и побеждает зло, что зло — это лишь тень жизни, враждебная, но в конечном счете зависимая от всего глубоко человеческого".

В пьесе Шварца ученый не соглашается стать тенью своей тени, не соглашается "разумно ограничить" число людей, предназначенных быть осчастливленными, не хочет отречься от своей любви и от друзей; как все энтузиасты во все времена, он утверждает, что "для того, чтобы победить, надо быть готовым даже пойти на смерть". И что же? — и действительно идет на смерть. Ему рубят голову. Но тут не что иное, как рационалистическая фантастика Шварца, ведет к крутому повороту, столь же логическому, сколь этически верному: в момент смерти ученого теряет голову и его тень. Ведь она обречена повторять все движения своего хозяина. Приходится срочно применять спрятанную от народа живую воду, чтобы оживить ученого: без этого не воскреснет и сам властелин. Он же в конце концов только тень. Советский писатель считает, что тень держится у власти так долго, как долго может опираться на живых людей, честных и благородных. Насилие над ними оборачивается против насильника. Эта мораль обладает чертами широкого и стойкого обобщения, нет смысла искать в ней сиюминутную полуправду. Но она была бы ни к чему, если бы не точность, остроумие и прелесть художественной материи этой пьесы. Психологический аспект этого произведения возникает из превосходных, правдивых наблюдений, а несчастный Доктор — быть может, лучший тип оппортуниста во всей современной комедии. Роль Юлии Джули написана с резкостью карикатуры и шармом эпиграммы. А сам ученый! А, наконец, Аннунциата! Если воспользоваться архаизмом, то это стопроцентно положительные герои, каких днем с огнем не сыщешь в современной драматургии и театре.

Впрочем, я думаю, что взрослым нет нужды разъяснять эту притчу, столь же умную, сколь и понятную. Внимательному зрителю представляется случай пережить редкост-

ное приключение: он может открыть совершенно неизвестного ему до сих пор писателя из разряда тех, кого хотелось бы иметь в числе своих друзей.

"Новая Культура", 1956, № 27.

PS. К сожалению, поздней осенью 1957 года до Польши дошло известие о смерти Евгения Шварца. Он был одним из немногих литературных диссидентов, кто в СССР умерли в своей постели. Русская драматургия потеряла писателя, чье значение в будущем наверняка превзойдет шумный успех сегодняшних однодневных официальных знаменитостей; может быть, пьесы Шварца будут признаны своеобразным алиби для драматургии определенного периода.

Что же касается нас, то мы потеряли умного, веселого и отважного друга. Уверен, что так подумают не только его слушатели из азиатского детдома.

1958

ПОХМЕЛЬЕ И КЛИН

Несколько лет назад Ян Гондович — критик, чьих новых статей я всегда ищу и жду — прочитал книгу вроцлавского литературоведа Тадеуша Климовича "Путеводитель по современной русской литературе и ее окрестностям (1917-1996)" и с подлинной горечью написал следующие слова: "И это все?.. (...) Все, что осталось от невиданной плеяды талантов? (...) Все, что было начато "Двенадцатью" Блока и завершилось "Архипелагом ГУЛАГ" Солженицына, оказалось всего лишь ненужной беллетристикой несуществующего государства?"

"Почти полное собрание сочинений" Венедикта Ерофеева, изданное на польском языке в Кракове, принадлежит к выдающимся явлениям, несколько смягчающим эту горечь.

И таких книг довольно много — хотя следует признать, что большинство из них не умещаются в рамки "беллетристики этого государства", ибо они возникли в СССР наперекор системе предписаний и запретов, обязательных для всех его граждан, а уж тем более — для инженеров их душ. Доказательством может служить длинный мартиролог репрессированных писателей. Однако эта система послужила также отправной точкой и предоставила богатый материал для созданных ими произведений, которые связаны с этой системой окончательно и бесповоротно, и узами более крепкими, чем литература верноподданническая и настоятельно рекомендуемая для массового чтения. Эти книги невозможно отделить от истории советской людской массы — хотя бы потому, что они являются основным свидетельством состояния духа этой массы в течение долгих 70 лет ее истории. На фоне замечательной русской классической литературы, идейное звучание которой не удалось вытравить никакими купюрами и положенными интерпретациями, было легче распознать официальную ложь. Поэтому, а также по другим широко известным причинам литература осталась для жителей России предметом первой необходимости.

В этих условиях цензура становилась злейшим врагом общества, вторгающимся в последнее прибежище воображения, в то потайное место, которое каждому хочется сохранить для своих — пусть уже не мыслей, но хотя бы пристрастий. Именно эта вездесущность цензуры привела к появлению двух феноменов, значение которых выходит далеко за пределы как той сферы, которая обычно именуется политикой, так и за пределы СССР.

Первым из них был "самиздат". Напомним, что он появился в России намного раньше, чем в других странах "социалистического" лагеря, несмотря на то, что там это было сопряжено с гораздо более серьезным риском. Вторым было парадоксальное и доселе невиданное расширение области запретных и дерзких литературных начинаний: они стали затрагивать далекие от политики (и от так называемой порнографии) стороны частной жизни, а также вопросы стиля в каждом смысле этого слова. Последней и самой глубокой линией обороны движения литературного сопротивления оказалось описание таких видов поведения, которые просто-напросто выходили за пределы общепринятых норм.

Книга, о которой здесь идет речь, представляет собой крайний, почти абсурдный пример эффективности такого способа преодоления норм и запретов.

* * *

В польское издание (великолепно составленное Анджеем Дравичем) включены не только два законченных и широко известных ("В 19 странах!" — восклицает автор в письме к сестре) произведения — повесть "Москва — Петушки", названная автором "поэмой", и пьеса "Вальпургиева ночь, или Шаги Командора". Мы находим здесь частные письма, набросок еще одной пьесы, эссе о Розанове, выписки из сочинений и приказов Ленина, а также подборку собственных афоризмов Ерофеева.

Эти последние — как, впрочем, те же выписки и письма — свидетельствуют о широкой начитанности, глубоком

знании истории и музыки, тонком вкусе и прежде всего — огромной проницательности и политической твердости автора.

Записные книжки писателей, как правило, дают больше пищи для размышлений, чем их книги. Особенно в России — по все еще понятным причинам. "Записные книжки" Ильфа интереснее, чем сами литературные шедевры, соавтором которых он был, — "Двенадцати стульев" и "Золотого теленка".

И записки Ерофеева не обманывают ожиданий читателя.

Из Ленина он выписывал pro memoria sua в основном распоряжения о репрессиях и призывы к беспощадности, адресованные товарищам по партии. Немаловажно, что самая длинная цитата посвящена российской интеллигенции. В письме Горькому Ленин поучает своего (тогда еще строптивого) адресата: "Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно". Высказывание известное, но здесь производящее особое впечатление. Его дополняет другое указание: "...будьте образцово беспощадны".

Из собственных "золотых мыслей" автора приведем три:

"И вообще: что значит "последнее слово"? Мы живем в мире, где следует произносить слова так, будто они — последние. Остальные слова — не в счет".

"Видимо, я не вставал просто потому, что другие вставали чрезмерно".

"Я тучен душою. Мне нужны средства для похудания: ничегонеделание, сужение интересов и пр.".

Но для самой важной мысли он позаимствовал цитату из Флобера: "Написать книгу, которая держалась бы исключительно на внутреннем достоинстве стиля".

Венедикт Ерофеев написал такую книгу — и только ее написать и успел. Это "Москва — Петушки". И неважно, что с ней не могут сравниться другие его произведения, как законченные, так и едва начатые. Одной этой книги доста-

точно, чтобы обеспечить автору высочайшее и достойное место в истории современной литературы.

Эта небольшая книжка, "томов премногих тяжелей", в обиходной легенде считается сублимацией пьяного бреда, изобилующей забавными "хохмами" и пополненной убийственно смешными рецептами коктейлей. Конечно же, по стилю она представляет собой "стеб", а по форме — шутовской монолог, в котором бесцеремонная дерзость прикрывается шуткой. Другой Ерофеев (Виктор), романист и критик, говоря о коллеге по перу с восхищением (и его родной сестрой, завистью), утверждает, что это издевательское отношение к жизни ведет свое начало от религиозной традиции юродивых, то есть одержимых, которые в трансе глумились над святыми и царями. Заметим, что привилегией глумиться над сильными мира сего были наделены шуты при всех европейских дворах; к тому же наш автор мнил себя знатоком католической теологии и тем напоминает нам не кого иного, как короля поэтического абсурда и насмешки Константина Ильдефонса Галчиньского (и это не просто ни на чем не основанное упрощение).

Но если стоять на более твердом грунте, то нетрудно отыскать и более близкие и более литературные корни тона и формы необычайной повести Венички Е. о незаконченном и бесцельном стотридцатидевятикилометровом путешествии с Курского вокзала в Москве в недосягаемые Петушки. Я не думаю, что стоит принимать всерьез утверждение автора, что он написал свою поэму "нахрапом", между 19 января и 6 марта 1970 г., на работах по укладке кабеля из Шереметьева в Лобню. Не исключено, впрочем, что он для развлечения действительно читал ее своим товарищам по работе на кабельной трассе.

На самом деле перед нами тщательно отделанная вещь, где каждая деталь имеет свое старательно подобранное место и все ружья, поразвешанные в первых ее фрагментах, успевают выстрелить перед самым концом. Начиная с истории о Кремле, которого рассказчик никогда в жизни не видел, потому что по дороге "неизменно попадал на Курский

вокзал". Но в конце концов он до Кремля доберется — лишь для того, чтобы погибнуть под его стенами от рук четырех убийц, с шилом, вонзенным в самое горло...

Как известно, автор в 80-е годы заболел и мае 1990 г. скончался от рака горла. Но это деталь из его легенды, а не из книги.

* * *

Как многие русские писатели, Венедикт Ерофеев вышел из гоголевской "Шинели" — но не до конца вышел, а лишь выскользнул. Он так и не дошел до того момента, когда автор "Шинели" на исходе своей несчастной жизни написал знаменитую фразу о пользе цензуры. Он опубликовал ее в "Выбранных местах из переписки с друзьями" еще до того, как решился швырнуть в огонь рукопись второго тома "Мертвых душ" — книги, которую назвал "поэмой".

Венедикт Ерофеев взял у него для своей книги не только подзаголовок. Он позаимствовал также гоголевский прием контраста между суетностью и мелочностью (как не хватает нам в польском языке русского слова "пошлость"!) описываемых случаев и встреченных людей — и картиной всей русской жизни, вызывающей восхищение, смешанное с отчаянием. Этот образ в конце захватывает читателя почти с той же мощью, с какой — у Гоголя — мчится тройка разыгравшихся коней, несущая Россию в неизвестность.

* * *

Примерно в то же время, когда Гоголь писал свою поэму, в России зародился слой общества, известный (только в той стране да еще в нашей!) под именем интеллигенции. Одной из задач, которые она перед собой поставила, было предугадывание, куда именно эта тройка несет Россию. Но небольшая часть этого слоя решила применить к коням и людям кнут, чтобы раз и навсегда силой установить маршрут движения экипажа.

Ерофеев на дух не переносил получившийся "локомотив истории" и его машинистов. Он говорил: "Из года в год урожай все выше, стали и проката все больше, производительность труда возросла просто умопомрачительно. Мать моя, когда это все кончится?" Не в силах дождаться этого "конца", он пил от тоски и ощущения бессмысленности такого существования — это правда. Я не верю, что он в такие минуты мог писать: вся его поэма, рассказанная беспробудным пьяницей, являет собой, как свидетельствуют приведенные примеры, образец чистоты стиля и трезвости мысли. Но можно согласиться, что он писал ее в состоянии похмелья. Речь идет о состоянии отвращения к самому себе и к миру, в котором нельзя обойтись без бутылки. Или без крепкой начальнической палки, чтобы на нее опереться.

Интеллигенция — а Ерофеев был ее образцовым представителем — вслед за историческим переломом десятилетней давности попыталась уговорить население России пройти курс лечения от застарелого алкоголизма. При этом она на все лады склоняла иностранные слова, не потрудившись сообщить людям рецепт для приема таких лекарств, как свободный рынок, свобода слова, либерализм и т.п. Хуже того — за лечение взялись доморощенные знахари, "на глазок" определявшие дозировку целебных смесей и заботившиеся только о том, чтобы продать их с выгодой для себя.

Результатом стало похмелье и почти всеобщее отвращение к разрекламированным патентованным средствам. В результате сегодня в России мы наблюдаем давно известное, но сегодня ставшее грозным явление: чтобы избавиться от похмелья, люди по-прежнему хотят найти клин, и как можно крепче. Дай-то Бог, чтобы этим клином был только коктейль "Дух Женевы" (одеколон "Белая сирень", средство от потливости ног, пиво "Жигулевское", лак спиртовой). Но достаточно почитать Ерофеева, чтобы осознать, что каждый клин лишь вгоняет пациента обратно, в ту же застарелую болезнь.

"Жечпосполита", 18. 10. 2000

РОССИЯ КАК ДЕКОРАЦИЯ

Нагромождение событий и отголоски взрывов на Ближнем Востоке не ослабили внимания, с которым мир смотрит на Россию. Пристальность этого внимания и углы зрения могут изменяться, но все — и ученые, и неученые — хотят одного: угадать, куда идет новая, преображенная Россия и насколько необратима ее метаморфоза. Спустя двенадцать лет после перелома ответить на этот вопрос ничуть не легче, чем раньше.

Мавзолей и человеческий фактор

В поисках ответа Запад старается прежде всего наблюдать за процессами, происходящими внутри российской верхушки. Раньше он таким же образом присматривался, в каком порядке стоят на трибуне Мавзолея аппаратчики из свиты генсека. Сегодня внимание Запада приковано к борьбе между новой аристократией родом из КГБ и буржуазной плутократией. Этот традиционный метод, разработанный несколькими поколениями кремлеведов, никогда не позволял им предвидеть важные перемены. Конечно, роль личности вождя в России существеннее, чем где бы то ни было, а личности попадаются непредсказуемые. И все же произошла перемена, последствия которой могут быть все более серьезными: россияне стали избирателями. Власть научится считаться с их мнением, поскольку ей будет все труднее влиять на него: монополии на информацию уже не вернешь. Те попытки, которые то и дело повторяются, будут наталкиваться на сопротивление и техники, и глобализации.

Что касается поляков, то их, похоже, не занимают интриги и рокировки за восточной границей. В российской политике их интересует только одно: не возрождаются ли в России имперские тенденции. Впрочем, для нас главный критерий сопоставления, tertium comparationis, — это сами рус-

ские и их жизненная ситуация. Этот критерий прост, но отнюдь не примитивен. Поляки воочию убедились, сколь важен в политике и истории человеческий фактор, упускаемый из виду в расчетах дипломатов и экономистов. Не экономические механизмы или какой-то дух истории, но толпы плебеев и горстка интеллигентов на наших глазах сокрушили стены и режимы. Полякам этот фактор известен не понаслышке.

Граждане Азиопы

Вечная польская иллюзия заключается в том, что о русских здесь якобы знают всё. Правда, факт остается фактом: ни через одну европейскую страну не прошло и не проходит столько русских, сколько прошло через Польшу. На протяжении трех веков — от Петра I до генерала Дубынина — здесь побывали миллионы людей в мундирах, что делало знакомство несколько односторонним. Но сегодня к их внукам, встречающимся на польских улицах и вокзалах, в университетах и на базарах, мало кто относится с прежней враждой или вынужденной услужливостью. Сквозь толщу предубеждений, обид и страхов постепенно пробивается чувство схожести судеб.

Западные высоколобые считают всех, кто родился к востоку от линии Триест — Гданьск, провинциалами континента, гражданами, как выражался Андрей Козырев, Азиопы. Но нас, людей со столь различными традициями, религией и историей, объединяет вовсе не география. Просто мы видим у своих соседей следы той же заварухи, какой обернулся для большинства процесс непрестанно извращаемых преобразований. Более того, на нас лежит общая печать совковой серости, которая должна была означать равенство, была защитным цветом, а стала симптомом катаракты разума. Только вот поляки, хотя и не все, стараются эту печать смыть, а значительной части русских она кажется естественной чертой, да что там говорить — роком.

Хорошо бы знать, откуда взялось это различие. Разумеется, для этого недостаточно столкнуться с русскими в тол-

пе, недостаточно анкет и статистики. О состоянии духа этих людей и о том, чего можно от них ожидать, гораздо больше скажут литература и театр. Начнем с того, что поближе — с отражения русских черт в зеркале польского театра.

Писательское ремесло

Наблюдения и выводы, предлагаемые нам писателями и артистами, считаются весьма подозрительными и обманчивыми. Говорят, что из-за них множатся национальные предрассудки и предвзятость, — так, словно эти наблюдения и выводы предшествуют войнам, разделам, восстаниям и репрессиям, а не представляют собой их запоздалые следы или реакцию на них. Марксисты не высосали из пальца понятие социального заказа, а лишь приспособили его к своим нуждам. Будем откровенны: когда в 1831 г. Пушкин писал стихотворение "Клеветникам России", он осудил польское восстание так, как того ожидало большинство его соотечественников. А Лев Толстой, защищая поляков в рассказе "За что?", облек в слова то негодование, с которым думающее меньшинство русских смотрело на репрессии после революции 1905 г., начавшейся, между прочим, в Польше. Писатели и артисты не с потолка берут взгляды, позиции и убеждения, которые вкладывают в уста своих героев. Они отличаются от своих читателей и зрителей как раз тем, что умеют четко и ясно назвать явления, которые те всего лишь предчувствуют, о которых начинают догадываться.

Да, иногда в человеческих головах зарождаются чудовища и химеры. Но вот что странно: популярность писателей, отдававших им предпочтение, как правило, бывает очень недолгой. Например, автор "Панургова стада" и "Тамары Бендавид" полонофоб и антисемит Крестовский, чьи книги пользовались успехом в конце XIX века, сегодня при попытках искусственного воскрешения вызывает лишь чувство неловкости. Пристрастность отталкивает даже приверженцев.

Мы, славяне, идиллии любим

Польские писатели обычно предавались восхвалению человеческих добродетелей. Польская поэзия и проза долго слыли царством напыщенного благородства и страдальчества. Обязанность "ободрять сердца" тяготела даже на поздних внуках Сенкевича. Между тем, как считает Чеслав Милош, сосредоточенность на этой задаче способствовала тому, что польская словесность разминулась с темой зла.

Милош во многом прав. Да, в польской литературе нет недостатка в феноменологии зла: в ней можно найти образы насилия, двуличия, предательства, эксплуатации и мелкой подлости. Лучшие страницы самых выдающихся произведений полны их описаний — от убийства Марии у Мальчевского до допроса рабочего Осета в "Розе" Жеромского и далее, вплоть до жестоких рассказов Тадеуша Боровского и Ханны Краль. Сенкевич остается непревзойденным мастером описания пыток — даже Гоголь в "Тарасе Бульбе" не достиг такого дна. Но, хотя феноменология есть, проблематики нет. Нет польского "Преступления и наказания", нет "Мелкого беса". Нет попыток представить — на примере героев и их признаний — причины и оправдания, которые находит человек, совершающий зло, чтобы обосновать свои поступки. Или исправить их. Польские авторы ссылаются, с одной стороны, на историческую необходимость, с другой — на катехизис, однако всё это лишь внешние санкции. А ведь речь-то идет о собственном суждении и собственной совести — только это убеждает. Достоевскому это удалось.

Русофоб?

Пожалуй, Милош был бы прав полностью, если бы не его земляк — Адам Мицкевич. Мицкевич сделал проблематику зла осью своих главных произведений.

Он взял быка за рога — задался вопросом, на каком, собственно, основании мы присваиваем себе право на месть и

предательство, а исключительные личности — право действовать по ту сторону добра и зла. И дал ответ, беспрецедентный в европейской литературе того времени, хотя эта проблема укладывалась в рамки романтизма. Все это есть в "Дзядах" и даже в более раннем "Конраде Валленроде". Немаловажно, что свой материал Мицкевич почерпнул из трагической и хорошо известной польскому обществу действительности. Той болезненной темой, которая прежде не находила достойного отражения в литературе, стало притеснение завоевателем.

Россия, царизм — вот откуда брал примеры Мицкевич. Он называл имена, цитировал подробности преступлений. Его рассказ о военном смотре в "Отрывке" из III части "Дзядов" достоин пера штабиста, описание Петербурга и его предместий — непревзойденно в своем гнетущем настроении. Все, что он писал о России, поражает не столько тяжестью обвинений, сколько поэтической мощью и поразительной меткостью образов.

О кнутах, жестокостях, кибитках, охранке и каторге писали сотни польских литераторов, однако истинное имя этому перечню несправедливостей дал Мицкевич. Не потому что испытывал большую ненависть к палачам, но потому что жалел их.

Как правило, в доказательство того, что Мицкевич не был русофобом, приводят образ честного капитана Рыкова из "Пана Тадеуша", напоминают о двух юношах, споривших о памятнике царю, стоя под одним плащом, и повторяют общие места о дружбе с Пушкиным. В действительности Пушкин и Мицкевич были лояльными, но сознательными оппонентами. "Медный всадник" — явный ответ на "Памятник Петру Великому"; независимо от споров исследователей, это бросается в глаза.

Подлинным примером восхищения, великодушного понимания и сочувствия Мицкевича к своему русскому коллеге и его соотечественникам несомненно стала та лекция польского поэта в Коллеж де Франс, где речь идет о гении

трагедии и мировом значении Пушкина. И все же наиболее красноречивы такие стихи Мицкевича, как последний фрагмент "Военного смотра" и последняя строфа стихотворения "К русским друзьям". Оба они колют глаза имперским патриотам. Я помню времена, когда в СССР стихотворение "К русским друзьям" печатали без этой злополучной строфы. В обоих фрагментах говорится о вине правителей, которые совершили ужасное злодеяние — отняли у своих подданных, соотечественников, не только свободу, но даже право на чужое уважение со стороны других.

Матрица

В "Дзядах" заключена идейная матрица отношения польского общественного мнения к русскому человеку.

Мицкевич был безжалостен к российской безжалостной власти и великодушен к русским. Он первым дал выражение этой дихотомии и первым признал самих русских первыми жертвами империи.

Он не выдумал этого и не внушил своим соотечественникам. Видимо, они и сами начинали обо всем догадываться, коль скоро на знаменах восстания 1830 г. написали "За вашу и нашу свободу" — надо сказать, подлинный шедевр пропаганды.

Другое дело, что пользы от этой пропаганды было немного. Усиление репрессий лишь обострило отношения поляков с Россией. Тем не менее в час испытаний, в 1915 г., жители Варшавы и Лодзи, Калиша и Пшасныша захлопнули двери и окна перед немецкими победителями. В Царстве Польском преобладали пророссийские настроения, и это было не только делом рук партии Дмовского. Множество специалистов, писателей и актеров оказались в Москве и Киеве; на несколько лет там обосновались замечательные польские театры и выдающиеся люди сцены — Ярач и Высоцкая, Драбик и Шифман.

Правда, подобные настроения быстро свели на нет Тухачевский с Буденным, Сталин с Молотовым и генерал

Серов с капитаном Блохиным — тем самым, который в январе 1940-го расстрелял Бабеля и Мейерхольда, чтобы спустя шесть недель приступить в Медном под Тверью к уничтожению 6311 польских военнопленных из Осташкова.

Что видит зритель?

Что перемололи эти дьявольские жернова, что осталось в сите польской памяти? Нет смысла спрашивать об этом политиков. Складывается впечатление, что Россия, да и вся восточная политика просто-напросто исчезли из поля зрения как нашего правительства, так и оппозиции. Говорят, что вопросы эти отданы на откуп спецам от экономики — только вот толка что-то не видать, по крайней мере для стратегических интересов государства. Бессмысленно спрашивать и журналистов. Уже давно на первых страницах газет человек не находит ничего нового о том, что Станислав Бжозовский считал предметом особой заботы, — о наших отношениях с Россией. Но вот на страницах наименее важных — там, где петитом печатается театральный репертуар, — вдруг неожиданность, открытие: куда ни глянь, русские драмы или польские спектакли о России.

Посылая репортера "Экспресса вечорного" в незнакомый город, Рафал Прага, редактор Божией милостью, советовал ему начинать с внимательного изучения трех вещей: мелких объявлений в местной газете, ежедневного списка судебных тяжб и репертуара городского театра. Он ручался за любопытные выводы.

Долгие годы служебная директива предписывала театрам ПНР отводить значительную часть плана премьер под т.н. советский репертуар. В первой половине 50-х это составляло около трети всех спектаклей. Театры были государственными, и было их больше шестидесяти. Результатом политики принуждения было пресыщение, доходившее до рвоты.

Сегодня в Польше только три государственных театра. Остальные бьются с местной администрацией и собственны-

ми кассами. Наличие и даже изобилие российских и связанных с Россией спектаклей на свободном рынке доказывает, что предложение появляется там, где есть спрос. Это свидетельствует о том, что зрители, т.е. граждане, проницательнее политиков и журналистов, которых Россия не интересует.

Присутствие на польских сценах Чехова, Горького, Гоголя или Достоевского вполне естественно: их ставят во всем цивилизованном мире. Эти авторы защищают славу и доброе имя России лучше, чем генералиссимус Суворов и генерал Шаманов вместе взятые.

А вот появление целой серии новых пьес на, условно говоря, русские темы — это уже чисто польский феномен. Обращает на себя внимание факт, что за темы эти берутся первоклассные драматурги. Любопытно, что некоторых из них с Россией не связывают ни творчество, ни биография.

По этой и по нескольким другим причинам возникает предположение, что в сущности речь здесь идет не о самой России. В этом нет ничего удивительного, коль скоро автор решил выразить себя в театре. Позволим себе трюизм: театр по сути своей требует от зрителя согласия на расхождение между тем, что он видит на сцене, и тем, что он считает действительностью. Действительность суетна, хаотична, как правило скучна, и потому в ней трудно разглядеть смысл. Театр благодаря условной системе приемов, намеков, метафор и сокращений упорядочивает ход жизненных событий так, чтобы они казались нам осмысленными. Именно эту отраду мы ищем в театре. Оказывается, в этом особенном месте правдоподобие вовсе не приближает нас к правде. Поэтому театр не проиграл в поединке с кино, а живопись — с фотографией.

Клоны и мутанты

"Русский сезон" открыл в 1993 г. Славомир Мрожек своей пьесой "Любовь в Крыму". По его воле герои должны были выйти из чеховского мира, чтобы затем перенестись в

эпоху большевизма и наконец оказаться в реалиях перестройки. Характеры героев не претерпевают изменений, несмотря на то, что меняются их функции, одежда, семейное положение. Отношение к ним автора нетипично. Обычно Мрожек относится к своим персонажам, как к фигурам на шахматной доске, с железной последовательностью и редкой смелостью доводя каждый конфликт до крайности, а каждую шутку до абсурда. На этот раз он смотрит на них с пониманием и жалостью. В финале дело доходит даже до церковного апофеоза героини.

Пьеса производит впечатление экспортной продукции для нужд тех западных сцен, где русская тема всегда в моде, и где Мрожек пользуется заслуженной славой. Тем не менее из всех драматических произведений, о которых здесь пойдет речь, она самая прямолинейная и сосредоточенная на России. Надо сказать, что "Любовь в Крыму" весьма сурово оценил архирусист Анджей Дравич в статье под беспощадным заголовком "Как лучше всего не понять Россию".

Дравич был не прав, требуя, чтобы сценическое произведение заключало в себе информацию, характерную, скорее, для хроники или репортажа, но в то же время и прав, так как, воссоздавая с маниакальной тщательностью местный колорит и клонируя литературные образцы (т.е. известные большинству зрителей типажи русских), Мрожек создал впечатление, будто он добивается пресловутого правдоподобия и конкретности. В результате в пьесе не осталось места для сценической метафоры, в которой Россия была бы отправной точкой для перехода к другим местам и значениям.

Януш Гловацкий, автор пьесы "Четвертая сестра", позволил себе более свободное отношение к русским архетипам. Три сестры Прозоровы — не призраки старого мира. Они прошли мутацию. Намеки на прошлое, знакомое и зрителю, и действующим лицам по литературе, служат лишь для игры в парадоксы и контрасты. Сильная сторона этой комедии заключается не только в показе гротескного сочета-

ния интеллигентских навыков и совковых инстинктов с нравами пещерного капитализма. Благодаря гибкому языку диалогов и отточенному в Варшаве авторскому чувству юмора поляки узнают в героях "Четвертой сестры" своих людей. Не знаю, получится ли это у Гловацкого там, где он живет теперь. Уже много лет он — житель Нью-Йорка.

"Крик рыбы" Анны Стронской заслуживает внимания даже в беглом обзоре. Автор использует сперва советские, а затем современные реалии, чтобы весьма убедительно показать механизм, обладающий не столько универсальными, сколько заразительными чертами. Два героя доносят друг на друга из страха, что один опередит другого. Та же ситуация повторяется во втором действии, происходящем уже в новые времена. Однако то, что делало русского опасным мутантом — советским человеком, — не является ни его первородным грехом, ни национальной чертой, подчеркивает Стронская. Нельзя с ней не согласиться.

"Булгаков" Мацея Войтышко напоминает нам о том, что мы имеем дело с редким феноменом. Войтышко — первоклассный режиссер. Например, Театр телевидения обязан ему множеством замечательных спектаклей, среди которых, в частности, все пьесы Булгакова. Это он дал Ломницкому незабываемую роль Мольера, написал для детей гениальную "Бромбу", проиллюстрировал свои книги. Но тот, кто смотрел его "Грехи старости" (с Холубеком в роли Россини, спорящего с Вагнером) или "Семирамиду" (спектакль о Екатерине Великой) в постановке Эрвина Аксера, знает, что видел работы истинного мастера, способного достичь совершенства, при этом полного свободы и живой фантазии. Это редкость во времена культа отчаяния в театре. Действие пьесы разворачивается за кулисами МХАТа, в кабинете следователя на Лубянке и в квартире, где умирает Булгаков. Как и в "Последних днях" самого писателя, главный герой не появляется на сцене. Спектакль полон тонких намеков и цитат из произведений Булгакова и сочинений его ровесников. Одна-

ко это не сценический некролог и не исторический материал. Основная суть заключается в борьбе интеллигенции с грубым насилием власти, безжалостной власти дилетантов. Это один из главных конфликтов эпохи. Советская Россия была его крупнейшей, но не единственной и не последней ареной.

Случай Тадеуша Слободзянека во всех отношениях исключителен. Его "Илия-пророк" и "Царь Николай", его работа в поселении сектантов, отколовшихся от православия, и в театре "Вершалин" близ Белостока дали возможность наклеить на него ярлык представителя культуры пограничья, которую ценят, но считают своего рода экзотикой. Между тем Слободзянек делает нечто большее — он изучает духовную жизнь простонародья, провинциалов, исследует Польшу низов, отмечает ее попытки оттолкнуться от дна. Его интересует тот самый человеческий фактор, о котором мы говорили выше.

В "Сне клопа" роль этого массового фактора кажется мне более интересной, чем исходный сюжет о герое "Клопа" Маяковского Присыпкине, которого коммунисты посадили в клетку как образцового мещанина, а перестройка выпустила на свободу. Как известно актерам, короля играет свита. Толпа оборванцев, жертв перемен, видит в бывшем мещанине своего спасителя, но на его жизнь покушается рвущийся к власти бывший функционер со своим личным шпиком. Герой находит единственное убежище в своей старой клетке. Такова схема, которую словацкий режиссер Спишак наполнил в гданьском театре фейерверками, цирковыми номерами, цыганскими романсами и очередями из калашей. Однако не фейерверки и даже не говорящая статуя поэта делают спектакль важным событием. Главное в нем — его мораль, которую в частично минувший период называли направленностью. Слободзянек убедительно показал массовое бегство от свободы. Но не остановился на этом. Он показал, что люди, выросшие при диктатуре, все-таки стремятся к свободе —

свободе от бремени ответственности за свою судьбу. Пусть лучше это бремя несет власть, даже самая суровая. Как в недавние времена.

Это важное предостережение, и не только для соотечественников Присыпкина. Вот что говорит сам Слободзянек: "Конечно, действие происходит в России, но не она — истинная точка отсчета. Она — своего рода фон, декорация, на фоне которой разворачиваются события, близкие всем нам. Не только русским, но и чехам, болгарам, немцам и особенно нам, полякам".

***

Этих слов достаточно, чтобы подытожить наш текст. Его предметом было не столько состояние духа русских, сколько представления поляков об этом состоянии. Мы исходили из предпосылки, что польские писатели знакомы с этой темой немного лучше других и дают этим представлениям адекватное, зачастую новаторское выражение, особенно когда в их распоряжении оказываются театральные средства. Пожалуй, произведения, заполнившие в последнее время польские сцены, свидетельствуют о том, что матрица Мицкевича не пошла насмарку.

"Жечпосполита". 13. 08. 2005

ИСТОРИЯ, СПУЩЕННАЯ С ЦЕПИ

Человек, явившийся в мае 1920 г. в штаб Первой Конной, назвался военным корреспондентом агентства ЮгРОСТА, показал направление одесского губкома, подписанное секретарем Ингуловым, но не возбудил доверия. По документам его звали Кирилл Васильевич Лютов, кандидат гражданского и уголовного права Петербургского университета, т.е., надо думать — по тем временам православный. В конце концов, этому не противоречили ни заурядные черты лица, ни отсутствие какого-либо акцента, разве что говорил он как по писаному, а на впалой переносице носил очки. Сдержанный, внимательный, уступчивый. Словом, интеллигент, очкарик, штафирка каждым вершком, уже этим не свой, непохожий на казаков, из которых осенью 1919 г. Семен Буденный сформировал на Кубани свою армию. На Кубани, т.е. там, где Екатерина Великая поселила запорожцев, знакомых нам по "Трилогии" Сенкевича и выселенных по приказу царицы с Украины, чтобы воевать то ли с черкесами, то ли с чеченцами.

Недоверие несколько уменьшилось, когда оказалось, что Лютов все-таки ездит верхом, хоть и не казацкой иноходью. В первый же день ему пришлось пройти вскачь 80 километров, вероятно, потому что Конармии еще не удалось прорваться в тылы польских войск, уже стоявших на Днепре. Несколькими днями спустя, 5 июня 1920 г., этот маневр удался под Самгородком. Но пока что надо было возвращаться из-под Козятина на Белую Церковь. Лютов не выдержал бы такого испытания, если бы у него за плечами не было службы на румынском фронте в артиллерии, а потом при конях. И его послали в 6-ю кавдивизию под командованием Семена Тимошенко, взяли в редакцию фронтовой газеты "Красный кавалерист", дали кормовые деньги и паек.

На самом деле его звали Исаак Бабель. Он родился в Одессе 13 (1 по ст. ст.) июля 1894 года. Его отец Эммануил

Бабель торговал железом. Дальше мы еще будем говорить о склонности Бабеля к мистификациям, о том, как это ему пригождалось и к чему приводило, о том, что не следует отождествлять автора "Дневника 1920 года" с автором "Конармии", а лирического героя "Конармии" и "Одесских рассказов" — с самим Бабелем. Но уже тут надо подчеркнуть, что отец Бабеля не был, как родитель рассказчика, нищим еврейским лавочником, а был купцом с амбициями. Жил он со своей семьей не в подвале на Молдаванке, как можно было бы заключить из рассказов сына, а на улице Ришелье, 19, угол Жуковского, в самом центре. Его амбиции не находили себе выхода в торговле сельскохозяйственными машинами и сепараторами; вдобавок он любил подремать в кресле перед магазином. Зато он ничего не жалел, чтобы дать способному ребенку наилучшее образование. Исаак Бабель в частном порядке обучался древнееврейскому языку и Талмуду, но уроки игры на скрипке брал не у одесского дрессировщика вундеркиндов Столярского, как это было с героем его рассказа "Пробуждение", Тем не менее он окончил одесскую гимназию им. Николая I, а получив аттестат зрелости — киевское Высшее коммерческое училище, хотя в таких учебных заведениях для евреев существовала процентная норма. В гимназии он уже начинал писать, притом по-французски: учитель французского Вадон, родом из Бретани, подсовывал мальчику нужное чтение. Среди этих книг, наверное, были новеллы Мопассана; впрочем, сам Бабель позднее советовал писателям читать лучше Киплинга.

В лекции для начинающих писателей (1934) писатель вспоминал, как на семнадцатом году жизни он вдруг принялся лихорадочно читать, за год выучил три языка и проглотил множество книг. Вероятно, эта страсть к внешкольному чтению превратила его очкарика, показала, как высоко находится планка, и внушила чувство важного писательского долга: писать так поразительно, чтобы открыть читателю необычайную сторону даже самых обычных событий. Но самих

событий он знал мало и не знал людей вне своего круга, пока в 1915 г. не оказался в прихожей петроградской квартиры Максима Горького на Большой Монетной.

* * *

Сейчас, говоря о Горьком, больше вспоминают его неуместное возвращение из эмиграции в СССР: здесь он оказал услуги сталинскому режиму в период насильственной коллективизации и строительства каналов рабским трудом. Он делал это, пока из его внимательнейшим образом перлюстрируемых писем, из тщательно подслушиваемых разговоров не стало ясно, что он осознал, какую роль играет. Тогда он умер "в своей постели", но с выгодой для советской власти, ибо в этой смерти можно было обвинить врачей-саботажников. Шел год 1936-й.

Но до революции и еще долго после нее Горький был самым знаменитым русским писателем, ее совестью и доказательством того, что в низах общества дремлют силы, подавленные эксплуатацией, сильными мира сего, и этих сильных мира сего — хотя бы поэтому — надо смести с лица земли, Сегодня его прозу мало кто читает, но не следует предать забвению его необычайную способность открывать таланты и опеку, которой он их окружал. Бабель — коронный тому пример. После похорон Горького Бабель шепнул Эренбургу: "Теперь мне конец". Самые первые новеллы Бабеля Горький поместил в своем журнале "Летопись", но их конфисковала цензура. Одновременно Горький дал Бабелю совет пойти в люди и не возвращаться, пока не узнает их.

Биографы Бабеля, как правило, считают доказанным, что юнец из Одессы воспринял этот совет буквально и вернулся к писательству только тогда, когда позволил Горький, т.е. в 1924 г., с появлением в 4-м номере "ЛЕФа" рассказов "Король". "Письмо", "Соль", "Смерть Долгушова", сразу поставивших Бабеля в ранг литературного явления. Они прене-

брегают двумя десятками очерков, которые Бабель опубликовал в 1917-1923 гг. Первая их порция появилась как раз в органе Горького, газете "Новая жизнь", решительно, подчеркнем, оппозиционной по отношению к большевистской практике и закрытой с ведома Ленина 6 июля 1918 г.

Очерки Бабеля — цикл моментальных снимков из жизни до костей оголенной столицы. Они — доказательство наблюдательности автора, реестр беспорядочных происшествий, поразивших глаз внимательный, но напрасно ищущий в них смысла или хотя бы общего знаменателя. Важно отметить, что автор не принимает к сведению официальной, оптимистической версии этого знаменателя. Не из вражды к революции, отнюдь, но из приверженности истине и отвращения к легким решениям. Тем не менее эти достоверные документы производят впечатление суховатого вымысла. Моментальные снимки полны заботы о журналистском беспристрастии и поэтому кажутся безликими, даже серыми. Чтобы все было рассказано как можно более полно, автор не торопится ставить точку и прибавляет к существительным по три прилагательных.

Оказалось, что важно не само познание новых людей и происшествий, но та манера, тот прием, который иа хроники делает литературу, а из случайностей — крупицы вечности.

Спустя годы Бабель сказал Паустовскому: "Стилем-с берем, стилем-с! Я готов написать рассказ о стирке белья, и он, может быть, будет звучать как проза Юлия Цезаря". И речь шла для него не о так называемой форме, но о том, что она — составной элемент или, более того, вектор содержания. Тому же человеку предстояло по прошествии лет сказать скромно, но решительно: "Два прилагательных к одному существительному может позволить себе только гений". И еще: "Никакое железо не входит в сердце с такой леденящей силой, как вовремя поставленная точка". И даже так: "Хорошо придуманной истории незачем походить на действительную жизнь; жизнь изо всех сил старается походить на

хорошо придуманную историю". Но этим тайнам ремесла он обучился позже. Благодаря им его признали недостижимым мастером оба Манна, Мальро, Хемингуэй, Адольф Рудницкий. Пока же он считал "пустым занятием — сочинять хуже, чем это делал Лев Толстой". И это помогло ему в учении: беззаботная текучесть стиля его зрелых рассказов — плод каторжного труда; черновики четырех первых "Одесских рассказов" составляют толстый том.

Не пошел Бабель и протоптанной Горьким тропой "в люди", т.е. в деревню или с босяками на проезжий тракт. Он учился распознавать в течение жизни такие камни, которые способны изменить его русло и искать людей там, где им труднее всего, ибо тогда обнажается их природа как она есть. Начал он с того, что пошел добровольцем — при том, что имел врачебное освобождение, — в артдивизион Шуйского полка 15-й пехотной дивизии. Несмотря на уговоры Керенского, фронт рассыпался. Мужики не хотели погибать за уже демократическое отечество, бежали из окопов, чтобы захватывать землю. Большевики, партия ничтожного меньшинства, взяла верх — более того, на ее стороне скоро оказалось множество народу.

Этого нельзя было объяснить ни заговором, ни способностями вождей, ни железной организацией, ни демагогическими лозунгами. Здесь таился секрет, черное миро целой эпохи.

* * *

Сегодня не всем хочется помнить, что тайной изначального успеха партии Ленина и Троцкого, тайной первоначального привлечения к ней черни не был культ насилия, тоска по кнуту, якобы присущие русским. Да, террор в глазах как подданных, так и исследователей постепенно заслонил остальные черты системы. Но большевистские идеи ширились и до сих пор находят сторонников и там, где для страха не было причин, а карьера не зависела от правоверности.

За этим выбором в 17-м году стояли немаловажные аргументы. "Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма..", — писал Александр Блок о своей России. Произвол и самодурство, использовавшиеся по отношению к завоеванным народам империи, были испытаны и продолжали применяться и к самим русским. Не без причины именно среди русских размножился тип совершенно бескорыстных энтузиастов, которые с несколькими брошюрами за пазухой шли в народ, чтобы наконец склонить его к бунту. Достоевский видел в них бесов или одержимых, Толстой — схизматиков святого дела, Короленко, Андреев, Горький — благородных смертников того же дела. Наш Бжозовский показал, к чему их приводили давление нравственного императива и результаты согласия на какие угодны способы борьбы с неправедностью.

Охватывавшее интеллигентов восхищение чаще всего вытекало из ослепления беспардонной геометрией классовой теории. Вот у них в руках ключ к тайне власти и истории — теперь они могут сами открыть врата в будущее. Но других, огромное большинство, влекла прежде всего возможность разрубить цепь несправедливостей, причиняемых .людям. Этого было достаточно, и очкарикам не требовалось соблззнять их, как думал Ян Вацлав Махайский (и его сегодняшние последователи, которые о нем даже не слышали), Так или этак, но и тем и другим трудно отказать в комплексе свойств, традиционно называемом альтруизмом. То есть самопожертвования, гражданского мужества, стремления к справедливости — мотивов, которые постоянно вступали в конфликт с их же собственным эгоизмом.

Да суть в том, что советская власть делала ставку не на эти свойства, чтобы привлечь нужные ей массы. Она не слишком рассчитывала на брошюры, рассуждения очкариков, гегелевские искушения и стихи. Даже такие чарующие, как "Гренада" Светлова, написанная к тому же много позже.

* * *

Большевики предложили самое прекрасное в истории оправдание самым позорным человеческим импульсам. Оправдание было возвышенным и, главное, каждому доступным. Вот благодаря равенству всех рас и народов, благодаря избавлению от всяческого гнета и эксплуатации дается оправдание зависти, жадности, жестокости, в каждом из нас ждущих удобного случая. Именно оно, оправдание любой несправедливости, учиненной во имя нового порядка, стало важным секретом успехов революции. И не о благе того или иного народа шла речь, но о повороте в истории всего человечества, повороте, наконец-то согласующемся со всеми чаяниями всех угнетенных.

Слабой стороной этого обвинения представляется хорошо известная истина: вся история битв и войн, которые велись ордами, армиями, государствами, коалициями и союзами, доказывает, что сражающиеся стороны всегда прибегали к этому оружию, к этому расчету, к этой ставке на бестию в человеке. Не нужно быть манихейцем, чтобы констатировать постоянное присутствие этой бестии, — достаточно заглянуть в шпаргалку по истории. Или в любую газету.

Верно. Да только никогда еще в истории планы этих кровавых действий не вступали в такое противоречие с принципами, мировоззрением и декларируемой целью стратегов этих битв. Ведь на этот раз речь шла о том, чтобы создать такие условия материальной жизни, которые не давали бы ни одного нового шанса дремлющей в нас бестии. На этот раз ставкой было освобождение человека от пресловутых волчьих законов капитализма или вообще от дарвиновской борьбы за существование. Ради этой святой цели вурдалака выпустили из клетки и сделали это совершенно сознательно.

"Дневник 1920 года" Исаака Бабеля— . неопровержимое доказательство этого предательства. Он хотел дойти до

самых корней и оставить свидетельство. Хотя бы себе на память. 21 августа Бабель записывает в дневнике:

"...наша армия идет зарабатывать, не революция, а восстание дикой вольницы.

Это просто средство, которым не брезгует партия".

* * *

Как известно, в коммунистических странах все верования и предрассудки, диктуемые единственно верным учением, были защищены законом, составляли его ядро и основу репрессий. Из конца в конец большой зоны ни один еретик не выжил без телесной или душевной травмы. Ревизионисты, улучшатели, по— жарная охрана системы, -были признаны поджигателями.

Наконец (и это отнюдь не побочный результат) первопроходцы советского террора, ударники революции, приносимой на штыках, почти все пали жертвой собственной системы. Чистки поглотили почти девять десятых ранних большевистских кадров. Зеленый свет, который они когда-то зажгли бестии, завистливой, подозрительной, не переносящей возражений и собственного мнения, теперь, в свою очередь, отнял у них не только физическую возможность защиты, но и всякие моральные аргументы. Из их посылок извлекали выводы их палачи. И в этом тоже можно искать причины того чудовищного молчания и чудовищных признаний обвиняемых на московских процессах.

Не будем верить тем, кто скажет, что такое поведение издавна было заложено в русских национальных генах, и что этот зеленый свет всегда горел в туннеле российской истории. Народовольцы отнимали жизнь у сатрапов, как правило, отдавая в обмен свою. У сатрапов, подчеркивает Камю; они не признавали коллективной ответственности, не резали ножами прохожих, — укорим их в произволе и фанатизме, но не в подлости. Сазонов после покушения на Плеве ждал

полицию возле разбитой кареты; так же поступил и убийца вел. кн. Сергея Каляев. Да и сама февральская революция вместе со свержением с престола царя прошла в основном без кровопролития, в атмосфере праздника. Как показали дальнейшие события, несколько легкомысленного.

Большевики откровенно вывернули правила игры наизнанку. Ленин черным по белому признал нравственным то и только то, что служило победе революции. Чего ж еще? Он воплотил в жизнь доктрину Сореля, того самого, что написал апологию насилия как "акушерки истории". Конечно, Ленин о Сореле говорил сквозь зубы. Муссолини эту доктрину открыто написал на своих знаменах.

В конечном счете, именно это отступничество ставила Ленину в вину в 1918 г. Роза Люксембург, и об этом предательстве думал Горький, когда писал свои "Несвоевременные мысли". Но результаты их сам испытал лишь тогда, когда времени уже не оставалось,

Бабель увидел их раньше и уже не переставал за ними следить.

* * *

Результаты результатами. Однако само дело и его посылки, пожалуй, не возбуждали у Бабеля сомнений, когда, вернувшись с фронта, он начал работать переводчиком в петроградском учреждении, известном под названием Чрезвычайной комиссии Северных коммун, то есть ЧК. Он быстро разобрался, чем это пахнет. Начальник ЧК Урицкий был застрелен эсером, что дало повод к волне красного террора.

Бабель — обратим внимание! — немедленно перешел в Наркомпрос. Потом он поехал с продовольственной экспедицией на Волгу, чтобы в зажиточных немецких селах выменивать гвозди и шелк на зерно для голодающих советских городов. Наконец он вернулся в родную Одессу и женился на рыжеволосой красавице-киевлянке, дочери оптовика, к кото-

рому когда-то его посылал отец за сельскохозяйственным инвентарем. В Одессе он начал работать в издательстве.

Может, он там бы и остался, если бы не приехал в отпуск с польского фронта его друг, журналист Михаил Кольцов. От него-то Бабель услышал, что судьба страны, а может быть, и всего мира решается не в тылу, среди дезертиров, чекистов и наймитов новой власти. Что не здесь находятся бойцы передового отряда революции, которые не щадят крови — разумеется, не только своей, но при этом веря, что проливают ее за правое дело. И, что важнее всего, только в годину испытания человек сможет сказать, стоит ли погибать за это дело. Этому необходимо дать свидетельство,

Наконец, известно, что любопытство — главная черта Бабеля. Таким его знала вся Одесса: он хочет все знать, все видеть, готов угостить незнакомую женщину роскошным обедом в обмен на право заглянуть в ее сумочку, А более интересных вещей, чем то, что происходит в этот момент на фронте, нет на целом свете,

Бабель не раздумывал долго. Поехал корреспондентом ЮгРосты в Первую Конную Буденного. И увидел историю, спущенную с цепи.

Так назвал Ежи Стемповский главное русло событий XX века. История редко когда смирно сидела на цепи, но в этом столетии ее видели в деле все, ибо никогда раньше ее не записывали фотоаппараты и кинокамеры, не разглашали рупоры и экраны, не говоря уже о перьях. И никогда раньше такое количество гражданских лиц из городов и деревень не становилось целью — умышленно выбранной — смертельных действий средств массового поражения. До сих пор все это происходило как бы мимоходом: гуннам выжженная земля не пригодилась бы даже как пастбище. Войны вели солдаты. На западе Европы такие города, как очаровательный Бамберг, веками стояли как стоят: иногда им достаточно было быть крепостью, иногда — заплатить выкуп. XX век был столетием ковровых бомбардировок, атомной бомбы, лаге-

рей уничтожения, этнических чисток, плановой ликвидации целых классов и наций,

Исаак Бабель раньше, чем кто-либо другой, описал проявления, рост и направление того кровавого нароста, который у него на глазах перестал быть локальным заболеванием. Он был свидетелем первой среди мировых войн и первого наступления мировой революции.

* * *

То, что он увидел, по горячим следам записал в блокноте, Блокнот сохранила в Киеве М.Овруцкая, а Татьяна Стах, приятельница писателя, передала рукопись Антонине Пирожковой в то время, когда та не была уверена, кто она — уже вдова или еще вторая жена арестованного. Блокнот оказался единственной сохранившейся рукописью этого автора: все другие заметки, черновики, начатые произведения были взяты под арест вместе с ним 16 мая 1939 года. После 266 дней чудовищного следствия Бабеля отдали под суд, несмотря на то, что — а может быть, именно потому что — он отказался от всех выбитых из него показаний против других писателей и друзей по Первой Конной. Можно удивиться тому, что в следственном деле и присоединенных к нему доносах почти ничего не говорится ни о претензиях Буденного, ни об обвинениях в клевете на Конармию. В приговоре Бабель признан виновным "всего лишь" в том, что был активным членом контрреволюционной троцкистской организации, вел шпионскую деятельность в пользу французской и австрийской разведок и готовил террористические акты против партийно-правительственного руководства.

26 января 1940 г. в кабинете Берия в Бутырской тюрьме "тройка", т.н. ОСО (председатель — Ульрих, члены суда — Дмитриев и Кандыбин), после процесса, проходившего без защитника и продолжавшегося 20 минут, приговорила Исаака Эммануиловича Бабеля, беспартийного, родившегося в Одес-

се, еврея, литератора, к смертной казни. Его расстреляли на рассвете следующего дня; жену долгие годы терзали неизвестностью о судьбе писателя.

Я считаю, что, будь известно содержание его военного дневника, приговор был бы вынесен раньше.

* * *

Доминанта этих записей — ужас и разочарование. Ужас перед лицом жестокостей войны и ширящегося нравственного растления. Разочарование — в освободительных целях войны. Можно утверждать, что участие в польской кампании произвело на взгляды и предвидения Бабеля такое же влияние, какое оказало на Джорджа Орвелла, Артура Кестлера или Николу Кьяромонте участие в испанской войне. Они пошли защищать революционную демократию — и увидели, как велит им понимать ее Москва. Они вернулись совершенно переменившимися и в своих замечательных книгах выразили те выводы, которые подсказывает тайный дневник Бабеля, писавшийся двадцатью годами раньше.

* * *

В пакете, который хранился в Киеве, были два обычных черновика, исписанных чернильным карандашом. В одном были планы и наброски "Конармии", в другом — дневник. В нем не хватает первых 54 страниц, нет также листов, относящихся к событиям между 6 июня и 11 июля 1920 года. Того, что осталось, от первой сохранившейся записи от 3 июня и до последней — от 15 сентября того же года, вполне достаточно, чтобы составить мнение и о личности автора, и о характере войны — а речь идет о самом горячем ее периоде и решающих моментах.

Отнюдь неудивительны трудности, на которые наталкивалась Антонина Николаевна при неустанных попытках

напечатать этот текст. Эренбургу едва удалось намекнуть на существование сенсационного блокнота на вечере, посвященном 70-летию Бабеля, в ЦДЛ. Ученые-филологи в 1965 г. поместили какие-то обрывки дневника в "Литературном наследстве". Даже во времена "гласности" и "перестройки", в 1989 г., журнал "Дружба народов" осмелился напечатать лишь центральную часть дневника, и то с многочисленными купюрами и отточиями. Первое польское издание дневника в переводе пишущего эти строки (Варшава, "Чительник", 1990) уже шире, но все еще не полно. Только в московском двухтомнике Бабеля, вышедшем в 1991 г., текст как будто полон, без отточий. Однако помещен он как приложение.

Читатель дневника найдет повод ко многим размышлениям. Мы здесь обратим внимание только на те вопросы, которые до сих пор рассматривались фрагментарно, и на те, которые делают эти записи исключительно важным документом.

* * *

Первая Конная армия, в которую прибыл Кирилл Лютов, была создана в ноябре 1919 г. для борьбы с Деникиным, рвавшимся к Туле, в направлении Москвы. Она много содействовала его поражению, налетая с юга на тыльы и пути снабжения, и отлично вооружилась захваченным оружием. Когда наркомвоенмор Троцкий направил ее на Юго-Западный фронт (командующий Егоров, член Реввоенсовета Сталин), армия насчитывала 16 тыс. штыков и лошадей, четыре бронепоезда, три авиаэскадрильи, 84 броневика, около дивизии саперов и обозников. Больше, чем на свою артиллерию, она полагалась на тучи тачанок. Эти двуконные повозки с пристроенным пулеметом Максима были "Вундерваффе" Буденного. Его поддерживали с левого фланга армии Уборевича, с правого — штурмовая группа Ионы Якира "Фасты".

В тот день, когда начинается дневник Бабеля и готовится перелом под Самгородком, против Буденного стоит 3-

я армия Рыдз-Смиглого, в составе которой лишь одна кавалерийская дивизия. Только позже к полякам присоединятся оренбургские казаки, командовать которыми поставят есаула Яковлева.

Якир и Голиков из 12-й армии [которая 7 мая сдала Киев полякам и 6-й украинской дивизии генерала Безручко) своими атаками облегчают маневр Конармии, Взят Житомир, следом за ним — Бердичев. 10 июня польско-украинские войска оставляют Киев и прорываются через окружение на запад. Но Конармия действует быстро. Уже в начале июля она берет Ровно. Тогда переходит в наступление и вся армия Тухачевского. В его приказе от 4 июля прозвучали знаменитые слова: "На Западе решается судьба мировой революции, через труп белой Польши ведет путь к всемирному пожару!"

Об этом и шла речь. Такова была цель этой войны. Невзирая на то, кто первым выстрелил и правы ли были польские национал-демократы, желавшие лишь раздела Украины между Польшей и Россией, или же Пилсудский, стремившийся к федерации с независимой Украиной, чтобы защититься от экспансии, — перед Тухачевским и Буденным, Лениным и Троцким маячила одна ошеломительная перспектива: вооруженный экспорт революции на Запад. Этот план в 1939 г. принял на осуществление Сталин.

13 августа пал Радзымин и началась битва под Варшавой. На севере конный корпус Гай-хана наступает на Плоцк и Влоцлавек, достигает Дзялдова и форсирует Вислу. Однако Сикорский не дает советской 4-й армии следовать за этим прорывом. Варшава отлично обороняется, хотя национал-демократы предлагают перенести правительство в Познань, а дипломатический корпус уже готовится туда переезжать. 16 августа Пилсудский ударяет от Вепша в промежуток между основной массой войск Тухачевского, штурмующих Варшаву, и корпусом Егорова и Сталина — тут переменилась судьба войны.

Дело в том, что этот корпус, в особенности его авангард — Конармия, не подчинился приказу Троцкого и не двинулся на север, чтобы поддержать Тухачевского. Втянувшись в столкновения с 4-й польской армией и сичевыми стрельцами Петлюры, он сражался под Красным, Бу-секом, Ляшками. Когда Тухачевский уже начал отступать из-под Варшавы, Буденный еще шестикратно пытался под Задворьем отрезать Львов.

Когда Тухачевский отдает приказ об отступлении по всему фронту, Буденный все еще под Львовом сражается с кавалерии Руммеля. 8 конце концов он смиряется, но только для того, чтобы двинуться к Замостью и осадить его. Города успешно и отважно обороняет польский X пехотный полк из Красного Става и 6-я украинская дивизия Безручко. В то время как на севере Тухачевский уже отошел за Неман, а кавкорпус Гай-хана укрылся на территории Восточной Пруссии, — Буденный под Комаровой ведет двухдневную битву с дивизией Руммеля и терпит поражение. Окончательный удар ему наносит преследующий его Марко Безручко. Буденный, Тимошенко, Ворошилов и чуть ли не сам Сталин избегают плена, прорвавшись через кольцо польской пехоты. Польский штаб не сумел окружить Конармю: победа обескровила его войска. Самые большие потери понес 9-й уланский полк: все командиры эскадронов погибли в победоносной схватке с 6-й дивизией Апанасенко. Под его командованием теперь служил Бабель.

Все этапы этого наступления, завершившегося поражением, находят отражение в его дневнике — начиная с записи от 3 июня, сделанной в Житомире, через описания переходов, стоянок, столкновений и атак под Бродами, Ляшками, Бусеком, Чесниками и вплоть до поражения под Замостьем и отступления до самой Клевани, где он заканчивает свои записи в среду 15 сентября 1920 года. Я не знаю более правдивого и сурового описания будней войны.

* * *

Пилсудский в своей книге "1920 год" пишет: "Общая характеристика нашей войны 1918-1920 гг. состоит не в кровопролитных боях, подвергающих испытанию героизм в строгом смысле слова, ибо кровавые потери, понесенные нашими войсками в этой войне, были ничтожно малы в сравнении с долей таких потерь в т.н. мировой войне".

Действительно, например, русская армия уже в декабре 1914 г. сохранила в своих рядах едва половину контингента, мобилизованного в августе.

По подсчетам Побуга-Малиновского ("Новейшая политическая история Польши", Лондон, 1967), "с ноября 1918-го до конца 1920 года число погибших польских военнослужащих составило 16 139, умерших от ран и болезней — 29 353, пропавших без вести — 50 700, т.е. общие потери — 96 201, а ранеными — еще 101 200".

Советские потери в абсолютных цифрах были сопоставимыми (при том, что боевые силы армии Тухачевского по численности почти в два раза превосходили польские). Оба его фронта, воевавшие в польскую кампанию, Западный и Юго-Западный, потеряли 18 тысяч убитыми, 17,5 тыс. умершими в лазаретах, 95 тысяч пропавшими без вести и взятыми в плен (см. Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., Воениздат, 1993). Заметим, что Тухачевский, полный текст брошюры которого Пилсудский приложил к своей книге, утверждал, что в решающем августе 1920 г. в его распоряжении были 794 645 человек и 150 572 лошади.

Гораздо большими были потери гражданского населения. Жертвами этой войны были прежде всего беззащитные. Дневник Бабеля подтверждает это чуть не на каждой странице. Тем, что особенно поразило автора, была рубка пленных и вырезание хуторов, колоний, местечек.

Всего за несколько лет до этого, в начале мировой войны, возмущение всего мира и дрожь ужаса в Польше вызвало известие об обстреле немецкой артиллерией спокойного Калиша.

* * *

Вот несколько записей о пленных в дневнике Бабеля:

Белов, 12. VII. — ...вечер, во ржи поймали поляка, как на зверя охотятся...

Хотынь, 27. VII. — Привезли пленных, ОДНОГО, совершенно здорового, ранил двумя выстрелами красноармеец.

Хотынь, 28. VII. — ...польский полк четыре раза клал оружие и защищался вновь, когда его начинали рубить.

Лиски, 17. VIII. — Бои у железной дороги, у Лисок. Рубка пленных.

И так далее.

Особенное впечатление производят записи от 17-го (вышеприведенная) и от 30 августа:

Ездим с военкомом по линии, умоляем не рубить пленных, Апанасенко умывает руки, Шеко обмолвился — рубить; это сыграло ужасную роль. Я не смотрел на лица, прикалывали, пристреливали, трупы покрыты телами, одного раздевают, другого пристреливают, стоны, крики, храпы, атаку произвел наш эскадрон, Апанасенко в стороне, эскадрон оделся как следует...

Именно тогда, после слов: "Выстрел, полячок в кальсонах падает на лицо и дергается, Бабель записывает: — Жить противно, убийцы, невыносимо, подлость и преступление".

Уже эта хроникерская запись со всей очевидностью свидетельствует, как в целом относились к пленным конармейцы и, что в армии самое главное, каково было отношение командования к этому ужасающему делу.

Краткий экскурс в политику здесь неизбежен.

Судьбе военнопленного никогда не позавидуешь. То же самое и с судьбой советских пленных в 1920 году. Прав-

да, все-таки, как пишут польские историки (Збигнев Карпус, Анджей Новак, Мечислав Вжосек и др.), что из этих 60 тысяч (неважно, насколько точна эта цифра) значительная, если не большая часть попросту не желала возвращаться в изголодавшееся опустошенное отечество. Известно, что не только Оренбургский полк в полном боевом вооружении перешел на польскую сторону, но и что тысячи военнопленных рвались в русские подразделения Бориса Савинкова и генерала Перемыкина, белорусские — Булак-Булаховича, прежде же всего — в украинские формирования Павленко, Безручко, Тютюнника. После этого у них были достаточные основания не возвращаться на восток. Согласно польской статистике, в момент прекращения военных действий в Польше были 110 тыс. советских военнопленных (напомню, что Тухачевский говорит только о 95 тысячах без вести пропавших и взятых в плен), Из них умерли в лагерях около 18 тысяч.

Но это в лагерях. Зато признаем, что не прав А.Новак, считающий, будто З.Карпус "убедительно опроверг всяческие утверждения о расстрелах солдат Красной Армии".

Вот свидетельство, которое по некоторым важным причинам стоит запомнить;

"Казаки сдаются в плен охотно. Они хотят, чтобы их отправляли к Врангелю. ...Разложение боевого духа большевицкой армии дезертирством на нашу сторону затруднено в результате остервенелого и безжалостного вырезания пленных нашими солдатами..."

Это, заметим, не из какого-то тайного дневника. Это писал в своем служебном журнале 22 июня 1920 г. Казимеж Свитальский, позднейший премьер-министр, один из ближайших сотрудников Юзефа Пилсудского, главнокомандующего польской армии. И не для себя он хранил эти тревожные известия, но употребил их с пользой, хотя бы для того, чтобы акты варварства не вредили главнейшему для Польши вопросу. Несмотря на то, что Польша считала себя жертвой агрессора и ощущала новую угрозу своему существованию

со стороны вчерашнего оккупанта и палача, — этот командир и влиятельный политик не поддавался эмоциям и требовал не попустительствовать позору самосудов. Его служебный журнал, включая эти рапорты, вышел в крупном варшавском издательстве "Чительник" в 1992 г., когда в московской печати еще не появлялись катыньские документы.

Но хватит считаться. Достаточно привести слова из дневника Бабеля:

16. VIII. Почему у меня непроходящая тоска? Потому, что далек от дома, потому что разрушаем, идем как вихрь, как лава, всеми ненавидимые, разлетается жизнь, я на большой, непрекращающейся панихиде.

2 августа в Белявцах Бабель записывает просто: "Ненавижу войну".

* * *

При чтении дневника Бабеля описания насилий, убийств, погромов, пожаров, грабежей, жертвами которых были беззащитные жители местечек и хуторов Волыни и Подолья, производят впечатление даже на читателя, уже пресыщенного очерками, воспоминаниями, романами об эре лагерей и Катастрофы, об урожае второй войны.

Хотя в дневнике 1920 года мы там и сям читаем о разграблении польских имений и особняков, украинских хуторов, чешских колоний, о грабеже литургических одеяний в костелах и церквях — тем не менее чаще всего речь идет о евреях, о еврейских подрезанных горлах, о еврейских выпущенных кишках, о коллективно насилуемых еврейских девушках.

Константин Паустовский приводит такое высказывание Бабеля:

"Я не выбирал себе национальности... Я еврей, жид. Временами мне кажется, что я могу понять все. Но одного я никогда не пойму — причину той черной подлости, которую так скучно зовут антисемитизмом".

* * *

Однако думаю, что даже если бы Бабель не был евреем из Одессы, он сохранил бы те же пропорции, описывая жертвы разгула, жестокости, хищничества, виденные на пути Конармии. Причина была проста, ее знал каждый, кто наблюдал польские восточные земли и Украину перед войной.

Мещанство на этих огромных пространствах было по преимуществу еврейским. И местечко Белз переходило из рук в руки на всем этом пути, и бедную Ревекку насиловали казаки и солдаты, пешие и конные. Городки, которые захватывала, разоряла, грабила, а потом сдавала Конармия, почти на 90% были населены бедными евреями. Теми самыми, которых по-польски описали Бруно Шульц и Юлиан Стрыйковский, Леопольд Бучковский и Станислав Винценц, на идише — Перец, Бялик, оба Зингера, по-немецки — Иозеф Рот. Там происходит действие "Дибука" Анского, и там играл на крышах каждой Анатевки скрипач из повести Шолом-Алейхема, которого выслал на все киноэкраны мира Норман Джуисон. Запоздало, потому что война и немецкая машина оккупации не оставили и следа от этих реликтов необычайной скрытой культуры, которым удалось пережить примитивные (именно так) погромы 20-го года. Здесь, в местечковой глуши, родился и таился хасидизм, мистическое движение, не имевшее и не искавшее себе подобных в Европе века энциклопедистов и гильотины.

Здесь, в Корце, цадик Пинхас написал — до раздела Польши — свое послание к верующим, призывая их молиться за Речь Посполитую, "а то когда нападут на нее казаки Екатерины, то и на нас погибель придет".

Конармия заняла Корец, об этом есть запись от 5 июня в дневнике Бабеля. А 21 июля, между Пелчем и Боратином, он говорит так: "Население ждет избавителей, евреи свободы — приезжают кубанцы..."

Бабель с ужасом пишет о погромах, о вырезанных до последнего раввинах, о дрожащих от страха еврейских детях, о резне в Комарове, о названных по фамилиям жертвах белых казаков Яковлева, об их смертельных ранах...

Бабель знает также, куда он попал: в Житомире он ищет цадика, в Дубне находит старинную хасидскую синагогу ("Молюсь, то есть почти что молюсь...'1). Он не пренебрегает своими корнями.

И вместе с тем никто не найдет в этом личном дневнике и следа пристрастности: Бабель не дает своим соплеменникам никакого права на особые привилегии, Кажется, что от них он требует больше, чем от других, и не желает быть снисходительным к их порокам. Описание привала у Хастоа в Ровно полно нескрываемого презрения. Портреты "недорезанных украинских жидков-комиссаров" из Житомира выглядят карикатурой.

Но тут же — рассказ о трогательном разговоре с лавочником-философом, а через несколько дней, в Гоще, слова о почтенном Дувиде Ученике, о его страхе и об опеке автора над ним. Становится ясно, что Бабеля с его евреями соединяет прежде всего человеческая солидарность.

Читателю дневника время от времени приходит в голову, что единственным интернационалистом в Конармии был его автор. Сам Бабель так думать не мог, не хотел и долго искал доказательств своим первым надеждам.

Последовательно, но тоже поразительно отношение автора дневника к полякам.В обширной военной мемуаристике вообще трудно найти пример подобной лояльности, сочувствия и беспристрастности по отношении к врагу.

Бабель способен признавать боевые достоинства противника и сочувствовать побежденным ("5,8.20, Хотынь. В болоте завязли 600 коней, несчастные поляки"). Описание поля битвы от 3 августа кончается словами: "...молодые белые нагие тела сверкают на солнце, разбросанные записные книжки, листки, солдатские книжки, евангелия, тела в жите".

Одновременно и с тем же беспристрастием Бабель отмечает примеры жестокости и варварства, в которых отнюдь не было недостатка с польской стороны. Еще 3 июня в Житомире он записывает рассказы очевидцев ("...поляки вошли в город на 3 дня, еврейский погром, резали бороды, это обычно, собрали на рынке 45 евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания..."), не забывая прибавить, что "дворника, на руки которому мать сбросила из окна младенца — прикололи, ксендз приставил к задней стене лестницу, таким способом спасались". Описание мучений, которым польская жандармерия подвергла в Берестечке аптекаря, кончается удивительным замечанием: "...идиотизм. Поляки сошли с ума, они губят себя".

* * *

Во врагах у Бабеля недостатка, не было. Обвинения, которых ему не прощали при жизни в рецензиях, письмах в редакцию, речах и доносах, главным образом сводились — если говорить о его писательстве — к фальсификации истории Конармии, очернения ее незапятнанных героев, замены правды жизни вымыслами. Как известно, направление этой кампании дал сам Семен Буденный.

Если считать "Конармию" документом — обвинение теряет всякую ценность при сравнении "Конармии" с дневником: в дневнике еще резче осуждается то, что Буденный хотел бы видеть предметом панегирика. Вдобавок это документ, который трудно опровергнуть,

Если же считать "Конармию" тем, что она и есть, т.е. циклом рассказов, для которых воспоминания и опыт автора служат лишь трамплином или сырьем, то упрек в фальсификации сводится к отказу литературе в праве на воображение, творчество, вымысел — основные полномочия творчества как такового.

После т.н. реабилитации Бабеля (1954) и чрезвычайно медленной публикации его сочинений обвинения приня-

ли несколько иное направление и масштаб. Недовольство "поэтизацией бандитизма" в "Одесских рассказах" и "наблюдением лишь тылов революции" в "Конармии" уступили место ранее невысказанным претензиям: Бабеля начали обвинять в издевательстве над урожденными русскими вообще, в паразитировании на русском языке, в коварном захвате места в пантеоне русской литературы, которое вообще не положено этнически подозрительным личностям.

Так, Олег Михайлов утверждает, что легенду о мастерстве Бабеля создали размалеванность и невероятность описаний, аффектация, словесные эффекты.

Дмитрий Галковский анализируя рассказ "Иваны" ("Континент" №77), где возница ревтрибунала везет на суд дьякона, симулирующего глухоту, намекает, что Бабель ("мой любимый советский писатель") хладнокровно издевается над глубинными чертами русской души, находящими свое выражение в языке действующих лиц рассказа. Язык этот, со всеми своими чудными (а для нас — чудесными) диалектными расцветками, Бабель-де выставляет напоказ, как гниющую, червивую говяжью ногу, которой кормятся герои. Галковский видит в этом рассказе "издевательство над захлестнувшим Россию варварством большевизма" и "издевательство, но утонченное, над русской культурой и русским народом вообще". По его мнению, в этом проявилась "еврейская слепота" Бабеля, который не в состоянии понять глубокой мудрости, таящейся на самом дне русской души и состоящей в том, что если все у нас погибает, гниет, тонет в дерьме, то очевидцу нельзя оставаться чистеньким, не принимать участия в общей драке, где бьют зеркала бутылками, а мир — в щепки. Нельзя соскочить с повозки ревтрибунала и вернуться, словно пришельцу с Марса, на свою летающую тарелку. "Ничего-то евреи в русской истории не поняли", — заканчивает Галковский.

Этот упрек заслуживает некоторого внимания. Действительно, например, советские бойцы отвечали ошеломлен-

ным чехам в 68-м на вопрос о причинах вторжения: "А чего ж это нам одним должно быть плохо?" Думаю, однако, что тут проявлялась не народная мудрость, таящаяся в глубине русской души, а патологический симптом, признак болезни, которая может возникнуть везде, но только при большевиках наделена патентом на здоровье.

Бабелю никогда не случилось подхватить эту постыдную болезнь, но симптомы ее он хорошо знал. Это не мешало ему относиться к русским так же, как к другим товарищам по оружию и судьбе. Он был безжалостен ко всякой мелкости и подлости, а особенно к немилосердию. С одинаковым отвращением он пишет о дикой жестокости казаков и о трусливом двуличии и хищничестве своих соплеменников из Ровно и Луцка. С равным признанием он оценивает мужество своего первого командира Тимошенко и отвагу перешедшего к белым есаула Яковлева.

В Ляшках-Польских (11 августа) он так начинает длинную запись в дневнике: "У меня в комнате ночуют кубанцы, странно-смирные и воинственные, домовитые и немолодые крестьяне... Они истовы, дружественны, дики, но как-то более привлекательны, домовиты, менее ругатели, спокойнее чем донцы и ставропольчане". Таких описаний в дневнике не меньше, чем рассказов о разбоях и насилиях. Именно в этих местах дневника, где молодой Бабель не скрывает своего восхищения старой гвардией Конармии, видно, как хотелось ему видеть порядочность и новый порядок там, где были только умение и выправка.

И все-таки он не чувствовал себя одним из них, и не в силу еврейской слепоты — скорее по вине интеллигентских очков.

Г.А.Белая, наиболее проницательная среди русских исследователей Бабеля, так резюмирует рассматриваемый вопрос:

"Чувство ужаса при виде жестокости и разрушения — вот что обрекало его на отчуждение от среды... В его отноше-

ниях с революцией, говоря словами Блока, возникла трагическая "нераздельность и неслиянность".

* * *

"Дневник 1920 года" снимает с повестки дня исследований и прочтений предъявлявшиеся Бабелю претензии. Здесь нет смысла полемизировать с искателями блох, регистрирующими ворчание эмигранта Горянского: "Чекист!" — когда Бабель приехал в Париж. Это стоит обвинения в шпионаже в пользу Австрии и Франции (через Андре Мальро), сформулированного следователями Сериковым, Акоповым и Родосом.

Автор "Дневника" был в немилости издавна. У него был даже "свой" стукач — литератор Эльсберг. В 30-е годы Бабель почти не печатался. Но неправда, что причиной его пресловутого молчания было угасание таланта. Он писал, но главным образом "в стол". Так, может быть, лучший его рассказ, "Мой первый гонорар", написанный в 1937 г., был впервые напечатан только в 1963 г., притом на польском, в еженедельнике "Свят" (9 июня), и то лишь благодаря тому, что актер Марк Бернес прочитал его целиком наизусть пишущему эти слова. Другие произведения, в т.ч. проза о чекистах, входили в то, что было забрано при обысках на даче в Переделкине и в квартире в Николо-Воробинском переулке. Было взято, согласно протоколу: разных рукописей — 15 папок, записных книжек — 11 штук, блокнотов с записями — 7 штук.

Не верю, чтобы он не считался с такой возможностью. Но из Парижа вернулся. Не как ночная бабочка на огонь, а как свидетель по призванию. И мы имеем право утверждать, что он не собирался служить режиму свидетелем защиты.

* * *

В 1925 г. он отправляет из Одессы в Брюссель мать и сестру, а в 1926-м — жену в Париж. Там в 1929 г. родилась их дочь Наталья.

Тот год, 1929-й, в "Кратком курсе" назывался "годом великого перелома". Бабель не едет к семье — дочку он увидит только через пять лет. Он спешит в Борисгюльский район на Украине: начинается сплошная принудительная коллективизация, идут первые этапы кулаков в Сибирь, в снежную, обтянутую колючей проволокой пустыню. В 1930 г. Бабель уже а деревне Молоденово — сельским писарем, чтобы видеть вблизи организацию колхоза. Он сразу написал об этом несколько рассказов, которые должны были составить цикл "Большая Старица", По крайней мере одно из них, "Колывушка" — не только шедевр прозы, но, сверх того, первое, по сей день непревзойденное описание той трагедии, какой была коллективизация для всей огромной страны. Никто до Бабеля — да и никто после него — не описал эту трагедию так пронзительно и просто. Ни в какое сравнение с этими несколькими страничками не идут тома "Поднятой целины". Даже Гроссман в повести "Все течет", даже Солженицын в тех главах "Круга первого", где Рубин вспоминает, как вывозили трупы из голодающих сел — не вызывают у читателя такого потрясения, какое испытываешь, читая историю Колывушки, его жеребой кобылы, изгнания его из дома на мытарства. Рассказ был написан без всякой надежды на скорую публикацию — лишь для того, чтобы дать свидетельство истине. Насильственная коллективизация погубила миллионы ни в чем неповинных людей. Такова была истина. Но закон больших чисел в искусстве немного значит. Нужен был Бабель, чтобы в истории одного крестьянина заключить образ всеобщего бедствия.

А мужики из "Колывушки", "Гапы Гужвы", "Сулака", т.е. рассказов, написанных в 30-е годы, — это просто старые знакомые Бабеля по Конармии, только на десять лет старше.

* * *

Благодаря "Дневнику" мы знаем, что автор этих записей обладал даром исторического воображения. Воображение позволяло ему не только быстро понять, к чему устремлены его армия, революция и родина, но и увидеть опасность, подстерегающую его самого. Однако воображение не подавляло в этом человеке смелости, как это часто случается с интеллигентами. Смелость оказалась для Бабеля необходимой, потому что главной чертой его характера и одним из факторов его таланта было любопытство.

Любопытство, а не склонность к садизму (как полагали Полонский и его легковерные польские подражатели) повелевало этому мягкому и остроумному человеку наблюдать места казней и поля после битвы, смотреть, как сгорают в печи крематория останки его друга Эдуарда Багрицкого, внимательно приглядываться к людям в экстремальных ситуациях, на самой границе человеческого: он хотел точно знать, на что способен человек. Ибо он упорно желал, чтобы его наихудшие предчувствия оказались опровергнуты. "Дневник" тому доказательство.

Но какой прок со всего этого накопленного впрок? Что в конце концов дало это любопытство вместе с талантом? Всего лишь этот "Дневник 1920 года", необыкновенный документ? Однако цена даже редкостных документов зависит от ценности и значения руки, что их писала. И дневниковые записи, которым мы посвятили здесь столько место, заслуживают внимания не одних только историков, ибо писала их рука автора "Конармии".

Это мастерское произведение; если говорить о трудном жанре короткого рассказа, то перед нами, наверное, самая замечательная проза нашего века.

Так думают не только литературоведы и литераторы, частично здесь упоминавшиеся, но, что важнее, читатели. И,

может быть, лучшие доказательства дали польские читатели. Книги Бабеля у нас обычно стоят на тех полках, где держишь любимые произведения родной литературы.

Так было с тех пор, как в августе 1958 г. на страницах "Новой культуры" появились переводы нескольких рассказов Бабеля вместе со статьей "Еврей из Одессы"; я писал и переводил, как в счастливой лихорадке. Когда затем издательство "Чительник" решило выпустить том его избранного, я пригласил к участию в нем замечательных переводчиков, дружбой которых мог гордиться. После выхода книги (1961) оказалось, что в язык польской улицы внезапно вошли слова, даже целые фразы героев Бабеля, а Беня Крик был признан за своего.

Если бы чтение было столь же массовым до войны, то, возможно, так обстояли бы дела с первого момента, с издания в варшавском "Рое" тома рассказов "Пещерные люди", куда вместе с новеллами Замятина, Сейфуллиной, Лидина,. А.Толстого, Яковлева и Пильняка входили и произведения Бабеля. Их было десять — больше, чем любого другого автора. Переводил книгу Бином -Мечислав Бирнбаум. Офицер и отличный журналист, он приходился дядей пишущему'эти слова. От него-то я впервые услышал о Бабеле и Одессе, потому что из Одессы он шел с батальоном 4-й дивизии Желиговского на помощь Львову, за что получил орден Virtuti Militari. В кампанию 20-го года он был начальником политотдела польского Генерального штаба и по поручению Пилсудского принимал участие в переговорах в Борисове, Минске и Риге. Поручик Бирнбаум лежит в Катыни.

К книге, которую он перевел, написал вступительную статью знаменитый в те времена польский писатель Юлиуш Каден-Бандровский. В конце статьи есть такие слова:

"Слушайте же там, коллеги: вижу, как вы подставляете чистое зеркало свету своему, как и мы тут своему свету стараемся чистое зеркало показать...

Лучше, счастливее, мудрее будет как сию минуту, так и всегда тот, кто первым увидит Человека по ту, чужую сторону".

* * *

Выходящее наконец-то полное издание "Дневника 1920 года" позволяет видеть шаг за шагом и как на ладони различия между Лютовым и Бабелем и между хроникальным журналом и литературным шедевром.

Секрет этого различия, мне кажется, надо немедленно выяснить.

"Конармия" отнюдь не была написана прямо следом за дневником; к тому же Бабель его затерял. Ее первое издание — 34 рассказа — вышло в мае 1925 года. Более ранние журнальные публикации нескольких новелл, преимущественно из одесского цикла, обратили внимание и усилили надежды читателей; это уже немало. Но только появление всего тома вызвало сенсацию. Г.Белая пишет: "Шок вызывали не темы, а ровный голос автора", — т.е. описание необыкновенных происшествий как элементов повседневности".

Над этим важным стилистическим приемом Бабель, должно быть, поработал. Дневник написан лихорадочно, Он поражает откровенностью, чуткостью восприятия, личной порядочностью автора. Но "Конармия" поднимает описанные случаи и лиц в ранг частиц истории. Она открывает нам, как сказал бы Остад Элахи, "третий глаз" на необычайность и величие того чуда, каковым является жизнь, в том числе и в своем ужасе и безнадежности. Это важное свойство искусства вообще. Поэтому Бабель выбирает экстремальные случаи, более выразительные, подчеркнутые. Отсюда его склонность к красочности, метафорам, неожиданным ассоциациям, неистертым словам. Не украшательство его заботило. Отсюда же его потребность — более того, уверенность в том, что это необходимо, — фантазировать, расходиться не со смыслом своих дневниковых записей, но с их грубой логикой.

Напомним, что мистификации были стихией Бабеля. Корней Чуковский в своем дневнике записал: "О Бабеле.

Всем врал, даже по мелочам. Окружал себя таинственностью. Уезжая в Питер, говорил (даже 10-летней дочери соседей): еду в Калугу".

В "Переправе через Збруч" нет этой переправы, в "Дороге на Броды" нет этой дороги, подчеркивает биограф Бабеля Левин. Прибавим, что Лютов из "Конармии" вообще мало что общего имеет с автором "Дневника 1920 года" — в нем преобладают черты ошеломленного интеллигента. Дневник же писал человек острого ума, урожденный наблюдатель. Правда, их объединяет "неспособность убить человека".

* * *

Не слишком преуспевшие защитники Бабеля утверждали, что "Конармия" — эпос, ибо говорит о героях и воспевает героизм их поступков. "Они бесстрашны и глубоко чувствуют величие своей борьбы", — писал Горький в открытом письме, протестуя против обвинений, которыми осыпал Бабеля Буденный. Горький также прибавил, что "Бабель украсил их изнутри, он украсил их даже лучше, правдивее, чем Гоголь своих запорожцев".

Нет, не украсил. Он лишь перенес их на другой этаж, на уровень сказа, той формы эпоса, которая самим способом повествования облагораживает героев. И начало "Илиады" было бы только историей склоки двух немытых вожаков, схватывающихся врукопашную из-за девки, если бы не серьезность и блеск, которые Гомер своим гекзаметром повелевает нам видеть в этом скандале.

"Конармия" — произведение поэтическое. Это поэзия без тумана и лирической грусть-тоски, зато пользующаяся почти всеми средствами, которые превращают поэзию в повозку значений, куда более вместительную и быструю, чем иные литературные колесницы. Сжатость, о которой так заботился Бабель, достигается здесь благодаря использованию иных носителей смысла, кроме словарной материи. Ка-

денция предложений, поразительные метафоры, окраска авторского голоса, почти слышимая, необычные в прозе определения обычных вещей — все это делает поэзию более прямой, чем другие, дорогой к чувствам и мыслям читателя. Пользуясь жаргоном информатики — авторские сообщения идут по ней путем сокращений.

Бабель использовал эту дорогу, ни в чем не уступив фальши. Он поднял на пьедестал эпики кровавые, грязные, жестокие истории, перед тем описанные в "Дневнике" поспешным, полным ужаса шепотом.События и лица лишь кажутся теми же самыми. Литературный стиль, прием, метод делает их другими. Прямо-таки великими. "Сублимация" действующих лиц, несмотря на все уклонения автора в фантазию, происходит в "Конармии" без смягчения и фальсификации их поступков. Бабелю удалось сконструировать миф без ущерба для истины. Такое удается неимоверно трудно и редко,

Мирча Элиаде утверждает, что уже само присутствие мыслителя в полном смысле слова, т.е. великого поэта, великого писателя, великого философа, крайне тревожит любое полицейское государство, любую диктатуру.

Полемика с Буденным не тем была вызвана, что славный кавалерист не разбирался в поэзии (хоть и верно, не разбирался). Хуже, что он хотел вписать в историю другой миф, другую картину действий, ролей, целей своей дружины и ее политического комиссара. Система, железной рукой одного комиссара упроченная, давала власти, монополию и на мифотворчество. И на описание событий, былых или текущих. Право на такое описание имели лишь таланты-назначенцы. Бабелевский талант был иного, неземного происхождения. Потому он и погиб.

Говорят, историю пишут победители. Куда уж там!

" Культура", Париж 1997, нр 12
"Русская мысль", Март — апрель 1998

ЧАСТЬ 3

АНАТОМИЯ КОШМАРА

Не надо быть переводчиком Солженицына, как автор этих строк, чтобы открыть книгу Энн Эпплбаум, задумавшись, читать с растущим интересом, а закрыть с восхищением. Тому есть нешуточные причины.

Эта книга — монография об институте концлагерей в СССР. В ней есть все, что уже было известно об их генезисе, истории, географии, о жителях ГУЛАГа, их рабском труде и о злополучной роли этого труда в экономике страны. Написана она с очевидной добросовестностью, с установкой на бесстрастное описание, которую, к счастью, не всегда удается соблюсти. Нет в ней того дидактического запашка, сразу позволяющего отличить сочинения пристрастных идеологов, притягивающих факты за волосы к заранее заданному тезису, от трудов добросовестных исследователей. И при всем при этом книга звучит убийственно не только для системы пенитенциарных учреждений, правовых отношений и органов правосудия в Советском Союзе, но и для самой цели, которую преследовал советский строй и которой все эти средства должны были служить. Поразительно, что написала это американка, выросшая в стране, где все время ждали добрых вестей с Волги, получившая образование в университетах, по которым только что прокатилась волна левого бунта, куда более долгая, чем знаменитый парижский май 1968-го. "Помню, — пишет Энн Эпплбаум, — когда я училась в университете, там господствовала такая атмосфера, что о лагерной теме и слыпать не хотели..." В интервью "Новой Польше" она идет еще дальше, говоря: "Мы до сих пор не хотим слышать, что мы закрыли гитлеровские лагеря, но открыли сталинские". Действительно, после Второй мировой войны лагерная система разрослась, достигнув апогея

около 1951 года. В книге Эпплбаум говорится, что "в 1952 г. государственные субсидии ГУЛАГу дошли до 2,3 млрд. рублей, т.е. составили свыше 16% бюджетных расходов СССР". Лагеря заполнила масса людей, ставших подозрительными только за то, что пережили немецкую оккупацию, космополитов (то есть евреев), украинцев из УПА, поляков из Армии Крайовой и других формирований военного и послевоенного подполья, но прежде всего — вчерашних советских военнопленных, которые из немецких лагерей попали прямо за отечественную колючую проволоку. В эту массу входили и уличенные в том, что на войне осознали, как схожи методы по обе стороны фронта, как мало отличается их отношение к правам покоренных народов и правам человека вообще. Одним из них был артиллерийский лейтенант Александр Солженицын, математик, арестованный на фронте во время весеннего наступления 1945 г. и отправленный в лагерь.

Позже он написал свой "Архипелаг ГУЛАГ". Энн Эпплбаум относится к нему лояльно и с искренним уважением, часто цитирует "Архипелаг". Она подчеркивает, что книга Солженицына сыграла переломную роль: изменила сознание тех, кто взял ее в руки. Тем не менее она отнюдь не считает, что своей книгой соперничает с трехтомником Солженицына, — и права. "ГУЛАГ" так отличается от "Архипелага", как могла бы отличаться "Испанская инквизиция" Беннасара от исторического свидетельства одной из жертв Торквемады, если бы кто-то из них сохранил в целости и голову, и талант.

В книге Солженицына тон, запал и стиль — глубоко личные, а вдобавок он черпает материал из исповедей, рассказов и писем 227 бывших зэков. Недаром в подзаголовке "Архипелага" стоит "опыт художественного исследования". Своим сенсационным влиянием книга обязана еще и этому своему характеру страстного свидетельства. Но автор начал писать ее в 1958 г., а действие книги довел только до 1956-го. История лагерей тогда еще отнюдь не закончилась.

В книге нашей американки одна только библиография занимает 24 страницы петитом. Но вашингтонская журналистка не ограничилась чтением и розысками в архивах, хоть и пробилась через множество дверей, запертых на все замки и засовы. Она путешествовала по тайге и тундре, добралась до самых отдаленных островов Архипелага, сопоставила с действительностью свидетельства очевидцев — Густава Герлинга-Грудзинского, самого Солженицына, десятков мемуаристов и тайных летописцев, показания бесчисленного множества обвиняемых. Но прочитала она и доносы из их дел, рапорты начальников лагерей и палачей, приказы и отчеты тех, кто подавлял зэковские бунты, изучила счета и подбивку итогов, донесения об исполнении смертных приговоров, статистику болезней и смертей. Пожалуй, это богатое собрание особенно выделяется тем, что в него входят также документы и объяснения "другой стороны", к которым никто извне доступа не имел.

Она точна в деталях: "С 30 августа по 16 марта 1932 г. на заседаниях политбюро тему геологии и географии Колымы затронули по крайней мере 11 раз".

Она объективна. Отмечает, что Матвей Берман, начальник ГУЛАГа, в декабре 1938 г. был осужден за "создание тепличных условий заключенным" на строительстве Беломорканала. 220 километров канала были пробиты в монолитном граните руками 175 тысяч зэков и насильственных переселенцев — 25 тысяч там и погибли, хотя кормили их действительно несколько лучше. (Михаил Зощенко, который в числе 120 советских писателей побывал на строительстве Беломорканала, на вопрос, как он там себя чувствовал, отвечал: "Как живая лиса на складе мехов".)

Она наблюдательна. Не охотится за экзотикой и злободневными сенсациями, зато в таежном подлеске способна обнаружить трухлявые балки лагерных нар. Посещая город, построенный в полярных джунглях, она упоминает, что у дороги, проложенной некогда зэками через болота, ныне в

бывших бараках помещаются офисы "Лукойла" и ЮКОСа, а в каменных домах живут их менеджеры.

Она проницательна. Убедительно, с примерами и цитатами, объясняет, что мотором всего предприятия не было благотворное стремление к "перековке" преступников и противников строя. Этим мотором очень скоро стал соблазн принудительно использовать миллионы голых, зато бесплатных рук на самых отдаленных окраинах огромной страны. Троцкий еще в 1918 г. предупреждал Ленина, что социализм без принудительного труда не построить. Пятаков еще в 1925 г. направил Дзержинскому проект строительства сети лагерей на пустых местах, расположенных в самой глуши, но изобилующих полезными ископаемыми. И, наконец, Сталин в 1929 г., в год "великого перелома", увидел в лагерях "сердце" советской экономики.

Тут мы приближаемся к самому главному.

Книга Энн Эпплбаум — это не только энциклопедическое описание структуры, истории разрастания и причин инволюции лагерной системы в СССР. Это еще и энциклопедия человеческого страдания. Центральная часть книги — фактографический, очищенный от эмоций перечень средств массового принуждения и методов унижения, применяемых с целью эксплуатировать миллионы зэков и держать их в повиновении.

Множество подобных описаний содержит не только мемуарная литература, но и публицистика. Приводимые там примеры должны пробуждать сострадание к мучимым и убиваемым жертвам, прежде же всего — дискредитировать тех, кто совершает эти жестокости. Но этот расчет нередко подводит. Так, инфляция мартирологических мотивов в послевоенной литературе и кино привела к пресловутой банализации зла, сделала его как бы более доступным, а то и прямо естественным.

Автор "ГУЛАГа" пишет в эпилоге: "Эта книга написана не затем, чтобы "это не повторилось". Я написала ее,

потому что это — почти наверняка — повторится. Тоталитарные идеологии находили и продолжают находить отклик у миллионов людей".

Здесь нам нужно вступить на территорию, которую Энн Эпплбаум постаралась обойти. Еще во вступлении она отмежевалась от политических комментариев. Книга, пишет она, "не описывает историю СССР, чисток и репрессий". Нам же между тем самыми вдохновляющими в книге кажутся те мотивы, которые прямо побуждают к политическим размышлениям.

Дело в том, что заклеймить жестокие методы и средства — этого еще недостаточно, чтобы ожидаемый отклик не повлек уже известных нам последствий. Создатели лагерей и застенков, породившие эти ужасающие последствия, держат в запасе готовый ответ: "Жертвы, пытки? Да, но, может быть, это имело свой смысл? Может быть, это было необходимо ради высшей цели? А цель оправдывает средства. Наша цель стоит пота, слёз и крови всех, кого только принуждением можно заставить трудиться ради священного дела. Случайные жертвы? Лес рубят — щепки летят. Единица — ноль. Нас заботит всеобщее благо".

Согласимся, что у коммунистов, когда они провозглашали этот тезис, было на одно очко больше, чем у других сторонников принуждения. Их идеология была направлена на весь мир и поэтому провозглашала интернационализм. У гитлеровцев, например, цель была частной и малоприемлемой для других: господство своего народа над всеми остальными. Однако мы уже в состоянии присмотреться к этой более высокой цели — и не только потому, что в СССР и его окрестностях к ней подошли уже довольно близко, но и благодаря тому уроку анатомии этого процесса, какой мы можем извлечь из книги Энн Эпплбаум.

Автор пишет: "На практике коммунистическая идеология была опровержением того, что сама провозглашала". В аргументах, это подтверждающих, в книге нет недостатка.

Важно содержащееся в ней указание, что энгельсовский "скачок из царства свободы в царство необходимости" свелся к "скачку" за колючую проволоку, в царство принудительного труда, который — обратим внимание! — оказался вдобавок нерентабельным. Мало того, что он был менее производительным, чем труд вольнонаемных работников (это в расчет принимали), но еще и обнаружилось, что ни один лагерь не смог стать самоокупаемым, и дотации лагерям росли и росли. В принципе это и стало причиной банкротства идеи лагерей как "сердца" советской экономики и привело к сокращению их числа. Более того, идея использовать миллионы голых рук вместо дорогостоящих машин обратилась против развития техники, изобретательства, науки и привела к резкому отставанию СССР даже в области вооружений. Эпплбаум приводит несколько поразительных примеров — вспомним хотя бы дело авиаконструктора Туполева, переведенного с каторги в "шарашку" для ученых.

Но кто-нибудь скажет: "Ну, это мы всё в ГУЛАГе, в ином мире, это была обочина советской жизни, хоть и довольно широкая! Лагерь был средством, притом крайним; цель была за его пределами, целью была перестройка общества!"

Есть в книге "ГУЛАГ" только одна фраза, с которой мне трудно согласиться: "Жизнь в лагерях в известной степени отражала жизнь во всем Советском Союзе".

Думаю, что было как раз наоборот: жизнь в лагере и ее устройство стали платоновской идеей жизненного порядка в СССР.

Организация ГУЛАГа не была крайней, извращенной формой этого порядка — она была его матрицей, удобной и востребованной моделью. Прав был Александр Солженицын, когда писал, что существование Архипелага отражалось на формах бытия всего материка. И дело тут не только в обратной связи. Можно полагать, что намерением Сталина было приспособить всю жизнь в "Стране Советов" к этому идеалу.

Первым фактором такой жизни был приказ, с самого начала управлявший экономикой. Вторым — распространение этого принципа на все области жизни. Условием успеха операции, разумеется, было повиновение оперируемых. В лагере его обеспечивала не только вохра вооруженная охрана, — намного важнее было участие самих зэков, точнее, двух зэковских категорий: придурков и стукачей.

Энн Эпплбаум подробно описывает роль первой из этих категорий, ее внутренние конфликты и битвы за привилегии. О второй, естественно, известно меньше. Между тем "на материке" в процессе укрепления и распространения системы на все области жизни стукач (сексот) играл растущую и даже двойную роль. Его секретная деятельность позволяла большевицкой власти приближаться к идеалу: накапливать исчерпывающее, содержавшееся в папках дел, а затем и в компьютерах знание обо всех деталях жизни и обо всех мыслях всех подданных. Существование этого замысла и армии тех, кто его осуществлял, отнюдь не скрывалось. Наоборот, власти было важно, чтобы повсеместно распространялась уверенность, что каждый — сосед, сослуживец, родственник — может быть доносчиком, секретным сотрудником органов репрессии. Это был один из самых простых принципов дезинформации, кстати обеспечивавший немалую экономию кадров и техники.

Результатом было постоянное присутствие двух мощных факторов в сознании и поведении граждан: страха и подозрительности. Естественным защитным рефлексом советского человека было избегать искренности, и не только в отношениях с властями, но со всяким, потому что всякий мог быть стукачом. Особенно нестерпимым было принуждение лгать, что показала вспышка надежд и чувство облегчения, с какими были приняты в СССР откровения и резолюции XX съезда.

Надежды надолго сменились ощущением бессилия. Триада, состоявшая из страха, подозрительности и лжи, не-

избежно деформировала склад ума не только у зэков, но и у большинства граждан огромной страны.

Если целью большевиков была перестройка общества и оздоровление межчеловеческих отношений, то результат их усилий заслуживает большего осуждения, чем все средства, так выразительно описанные в книге Энн Эпплбаум.
Она прочитала нам лекцию по анатомии кошмара, прямо вынуждающую читателя извлекать политические выводы, хотя сама Энн Эпплбаум их не навязывает. Эти выводы пригодятся не только читателям на Западе, где "ГУЛАГ" уже увенчан премией Пулитцера. Надеюсь, что и у нас кое-кто поймет, что не цель оправдывает средства, а средства в конечном итоге формируют цель.

Сделать выводы из чтения "ГУЛАГа" тем проще, что перевод легко читается. Ошибки в книге немногочисленны и в основном такого типа, как утверждение, что игральные карты в лагере раскрашивали стрептомицином. На самом деле это был не бесцветный антибиотик стрептомицин, а красный стрептоцид, один из первых сульфамидов, который в СССР широко применяли для окраски дамского белья.

"Новое ксёнжки", Апрель 2005
"Новая Польша", Апрель 2005

БЕЗ ОБИНЯКОВ

Интервью, которое Глеб Павловский дал Славомиру Поповскому ("Плюс-минус", 10 апр. 2006) можно смело назвать важным событием для состояния и развития польско-российских отношений, ибо оно срывает с них вуаль двусмысленности. Наконец-то вместо недомолвок, загадочных претензий, откладываемых визитов, бестактных опозданий и тактичных намеков мы дождались заявления ясного и откровенного, содержащего негативные суждения о политике Польши на востоке Европы и беззастенчивые угрозы в наш адрес. Павловский говорит прямо: "Тех, кто ведет подобную политику, мы будем рассматривать в качестве противников". Это скорее провокация, нежели ультиматум, но, так или иначе, на такое уже нельзя отвечать молчанием ягнят.

Мы прочли это интервью с беспокойством, однако обеспокоила нас судьба не столько Польши, сколько России. Павловский считается серым кардиналом Кремля и руководит Фондом эффективной политики — чем-то вроде концептуальной лаборатории путинского штаба. Он — советник президента, к чьим словам тот, вероятно, прислушивается особенно внимательно, коль скоро Павловскому, как он сам признался, удалось два раза уговорить своего шефа посетить Украину в предвыборный период. Как известно, эффект этих визитов был прямо противоположен задуманному, и Янукович, получив поддержку президента России, не стал президентом Украины. Это заставляет меня усомниться в эффективности политики, основанной на советах Глеба Павловского. Такое же впечатление производят на меня и главные тезисы вышеупомянутого интервью. И если это установки российской политики в отношении Польши, то они не сулят России ничего хорошего.

У тезисов Павловского есть одно немаловажное преимущество: мы можем увидеть их продолжение, проекцию

на карту Европы. Этим преимуществом мы постараемся воспользоваться. Однако пока что займемся другой особенностью аргументов нашего гостя: они не выдерживают сопоставления с фактами или попросту игнорируют их.

Интервью озаглавлено "Квасневский нас обидел". Повод для обиды Павловский видит в польском посредничестве в Киеве, благодаря которому удалось избежать кровопролития. Милиции и армии уже были розданы боевые патроны, но верховный главнокомандующий, президент Кучма, не отдал приказ стрелять в многотысячную толпу, кочевавшую и митинговавшую на Майдане Незалежности. Его убедил Квасневский. В конце концов пригодилось даже продолжавшееся годами взаимное похлопывание по плечу. Но Павловский стоит на своем и идет дальше. Он обижается на Польшу за то, что та помогла украинцам добиться честных выборов, кандидату большинства — прийти к власти, а понятию национальной суверенности — сойти с бумаги на землю. Но хуже всего то, что все это дает Украине шанс обрести независимость от России.

Павловский считает зависимость Украины от России чем-то само собой разумеющимся. Не будем его в этом упрекать: вплоть до 6 декабря 1921 г. каждый британец считал зависимость Ирландии от Англии фактом само собой разумеющимся и неизменным. Однако нас интересуют не опасные навыки мышления политика, а его аргументы.

Павловский обвиняет Польшу и ее президента во вмешательстве, причем вмешательстве некомпетентном. Прежде чем мы рассмотрим два аргумента, позволяющих ему считать действия, предпринятые по его совету президентом Путиным, вмешательством правильным и компетентным, зададимся вопросом, видит ли он разницу между целями обеих сторон.

Будем говорить без обиняков. Да, Квасневский вмешался в украинский кризис. Да, он способствовал вынесе-

нию проблемы на международный форум, заинтересовав ею Евросоюз и обеспечив присутствие Хавьера Соланы. Да, он поддержал Ющенко, а тем самым — большинство избирателей.

Какую цель преследовали эти действия? Отобрать у украинцев Львов? Вернуть польским панам былые Кресы? Об этом как-то ничего не слышно. Польские паны вернулись с Майдана в свои гданьские и краковские квартиры. Может быть, они хотели оттяпать Крым, чтобы загорать на пляжах Ялты? Ни в коем случае — ведь к этому городу они относятся со странным предубеждением. А может, они хотели присвоить себе украинские нефте- и газопроводы? Где там, ведь те уже даже не в украинских руках. Тогда, может быть, они зарились на Донбасс с его углем? Нет, у них более чем достаточно своего, не говоря уже о том, что сейчас они как раз создали все условия, чтобы украинский концерн "Донбасс" мог участвовать в конкурсе на приобретение металлургического комбината "Ченстохова" .

Поляки не хотят ни пяди украинской земли, ни одного кирпичика из городов, которые некогда были жемчужинами Речи Посполитой. Абсолютное их большинство думает так не только в надежде на примирение после кровавых боев, не только из приверженности к демократии (которую Глеб Павловский считает системой неэффективной и чреватой разочарованиями). Дело даже не в перспективе прибыли от торговли, хотя она вполне реальна, и не в рабочих местах для польских безработных, ибо это украинцы ездят в Польшу на заработки. Глеб Павловский упустил из виду такую важную причину польской поддержки украинской независимости, которую российский политик не имеет права игнорировать.

На протяжении многих веков важнейшей причиной кровавых конфликтов Польши и России было желание обеих государств покорить народы, живущие между ними, за-

владеть их землями, их природными ресурсами, их жизненным пространством, а прежде всего — Украиной. Именно Украина была главным яблоком раздора. Борьба эта закончилась поражением Речи Посполитой и поглощением Империей спорных земель, что, впрочем, отнюдь не положило конец взаимной вражде. Недаром незабвенной памяти генерал Лебедь говорил, что главной проблемой России на протяжении двух минувших столетий оставался "польский кошмар". Память об этом до сих пор отравляет мысли и чувства как русских, так и поляков.

Достаточно очевидно, что лучший способ прекратить вражду и предотвратить конфликты — это устранить причину столкновений. И если причиной стольких войн, нашествий, разделов, бунтов и восстаний в нашей части Европы было желание господствовать над Украиной, то ее независимость эту причину устраняет. Правда, при условии, что это будет истинная суверенность, не допускающая чьего бы то ни было чрезмерного вмешательства.

Будем говорить без обиняков: из двух соседей Украины только Польша не хочет ее подчинения. Да, поляки пришли к этому довольно поздно, лишь после Второй мировой войны. И не потому, что Сталин уже отдал Вильнюс Литве, Гродно — Белоруссии, а Львов — Украине, но потому, что их убедили Гедройц и Мерошевский. Именно Мерошевский написал полвека тому назад: "Мы должны сами раз и навсегда отказаться от Вильнюса, Львова и от всякого рода политики или планов, направленных на установление (при благоприятном стечении обстоятельств) нашего превосходства на Востоке за счет вышеназванных народов". Благодаря 637 номерам парижской "Культуры" элита польского общества приняла этот совет и воспользовалась им ради всеобщего блага. Доказательство тому — толпы поляков на Майдане и на площадях польских городов. Никакой Сталин их к этому уже не принуждал. А вот что еще узнали поляки от Мерошевского: "Как поляки, так и русские должны понять, что

только у неимпериалистической России и неимпериалистической Польши могут быть шансы на нормализацию и упорядочение их взаимоотношений".

Так вот, причиной польских действий во время украинского кризиса, которую упустил из виду Глеб Павловский, было желание обеспечить Польше и России солидную, небумажную гарантию спокойного и мирного сосуществования: свободную Украину.

Обидевший Павловского bon mot (лучше Россия без Украины, чем Россия с Украиной), который он называет "доктриной Квасневского", означает всего-навсего одну банальную вещь: возвращение России к имперским концепциям автоматически толкает ее на старый путь конфронтации с Западом и гонку вооружений, а куда этот путь привел СССР, все знают. Империя же невозможна без Украины.

Глеб Павловский беспокоится о российском влиянии на Украине, но за этим просматривается еще большее беспокойство: речь идет о центробежном движении других бывших союзных республик, которые по очереди ослабляют свои связи с Москвой.

Наш гость дает понять, что это результат заговора, интриги, иностранных происков на канонической территории России. Он не использует традиционную формулировку и не говорит, что это дело рук агентов ЦРУ, потому что — скажем без обиняков — этим он скомпрометировал бы официальную политику Путина. Здравомыслящий президент знает, что контакты и контракты с американским оптовиком все еще важнее сношений с европейскими розничными торговцами. Между тем опытный политический консультант несомненно обратил бы внимание на достаточно очевидный факт: центробежное движение бывших союзных республик ускоряется по мере того, как в былом московском Центре растет стремление к централизации, единовластию, ограничению местного самоуправления и ужесточению репрессий. Не исключено, что страх перед возвращением советской

структуры власти ускоряет обороты центрифуги. Акции независимости растут независимо от курса доллара.

Глеб Павловский всего этого не видит. Еще более странно, что не видит он и того, что может произойти в странах евро. Защищая свою тактику на Украине, он говорит: "В будущем Россия должна подобным же образом разрешать споры и конфликты, которые будут вспыхивать в постсоветских государствах, а также в Евросоюзе. Почему бы и нет?.."

В будущем? Скажем без обиняков: все это практикуется уже сейчас, а Польше при этом отведена роль не pars pro toto, но территории учений. После артиллерийской подготовки на страницах национал-большевистской прессы в бой вступили наездники, среди которых выделяется наш Глеб Павловский. Он критикует Польшу за то, что та проявила активность на территории СНГ, а, по его мнению, "мы не хотим и не можем лишиться этого пространства как зоны безопасности". Между тем понятие зоны безопасности весьма растяжимо как в пространстве, так и во времени. Стоит напомнить, что еще недавно границей этой зоны был никакой не Буг, а Эльба, на восточном берегу которой стояли 29 отборных дивизий Красной Армии. Их командующие как раз публикуют свои воспоминания в замечательном московском журнале "Власть", и ни один из них не скрывает того, что из сталинского центра они получали отнюдь не оборонительные, а наступательные директивы. Кстати, согласно этим же директивам, Народное Войско Польское должно было напасть на Данию. Мы обо всем этом позабыли, но вот немцы к Эльбе давно привыкли, и не каждый из них знает, что на самом деле у России давно нет ни возможностей, ни нужды туда возвращаться... Тогда им лучше не читать Павловского, а то еще подумают, что болтовня о зонах безопасности (атомной державы!) означает ностальгию по ялтинскому разделу Европы, который не только перекроил Польшу, но и разрезал пополам Германию.

Как видно, советы нашего гостя могут оказаться вредными для интересов России даже на территории ЕС, не-

смотря на усилия нашей родной пятой колонны, которая делает очень многое, чтобы доказать, что Польша — помеха для взаимопонимания и торговли Евросоюза с Россией. Впрочем, политиков других европейских государств, возможно, заставит задуматься выговор, который Павловский делает в своем интервью Польше, члену ЕС: "Ваш президент пытался действовать [на Украине], не консультируясь с Россией".

В конечном итоге, единственное, чего добился Глеб Павловский своими угрозами и выговорами, — это невольная услуга, которую он оказал польскому президенту. Все эти претензии сводились к обвинению в том, что поляк — не вассал. Что он действительно помог Украине. Inde ira. Не думаю, что эта услуга была коварно запланирована: в пылу спора Павловский высказывал взгляды, которые он предпочел бы скрыть, и путался в показаниях: во вмешательстве Квасневского в украинский кризис он усмотрел начало разногласий между Польшей и Россией. Ерунда, мороз крепчает уже давно.

Но все эти комментарии не так уж важны по сравнению с открытием, что самый вроде бы головастый советник лидера огромного государства дает ему рискованные советы, а ввиду отсутствия нового проекта на будущее страны проталкивает допотопные идеи. Такие, как теория, утверждающая, что за национальными и общественными движениями стоит заговор, или стремление к монополии и господству там, где для честной прибыли достаточно товаров получше да идей помасштабнее.

Я сожалею об этом, потому что мне жаль Россию. Там я пережил свои самые бурные годы и дружил с людьми, которые были способны сказать и написать правду о тирании, не надеясь увидеть ее конец.

"Жечпосполита" 07.05.2005

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА КАТЫНИ

Считается, что на протяжении 60 лет, прошедших со времени катыньского массового убийства, постепенно раскрылись все его обстоятельства. Известны даты расстрелов, места захоронений, списки жертв, показания свидетелей, даже фамилии палачей. Они старательно перчислены в приказе наркома внутренних дел СССР №001365 от 26 октября 1940 г. о награждении 44 расстрельщиков премией в размере месячной зарплаты, а 81, чином пониже, — по 800 рублей. Открылись подробности, обычно с трудом поддающиеся раскрытию. Удалось установить, что капитан госбезопасности В.М.Блохин, который на рассвете 27 января 1940 г. в Бутырской тюрьме расстрелял Исаака Бабеля, два месяца спустя уже в чине майора оказался в Калинине (ныне — по-старому Тверь) и лично приступил к расстрелам польских военнопленных из Осташковского лагеря. Известно, что тогда он был уже начальником комендантского, т.е. исполнительного, отдела НКВД, и ему, в частности, подчинялись исполнители катыньской операции. Уничтожены личные дела расстрелянных, но известны списки отправки этапов пленных по железной дороге — из лагерей к месту казни. Сохранились шифровки с сообщениями о ликвидации одной группы за другой. Известно, что существуют запротоколированные и зарегистрированные на видеоленте показания бывшего начальника Управления по делам о военнопленных НКВД СССР П.К.Сопруненко и бывшего начальника УНКВД по Калининской области Д.С.Токарева, подтверждающие факт, характер и ход расстрелов. И, что важнее всего, выплыл из бездны даже документ Политбюро ЦК ВКП(б) с собственноручными подписями его членов, черным по белому предписывающий массовое убийство польских военнопленных. (Впрочем, и военнопленными они не были, а были только интернированными, так как в сентябре 1939 г. СССР и Поль-

ша формально не находились в состоянии войны, а юридической силой обладал договор о ненападении 1932 года.)

В этом ужасающем деле есть два гроша утешения.

Во-первых, слабое чувство облегчения: если даже это в конце концов вышло наружу — значит нет таких секретов, которые можно скрыть навсегда. Даже в России, где наука молчания входит в букварь самозащиты.

Во-вторых, то, что сами русские помогли полякам утвердить такую жгучую для них истину. Помогли, хоть и через силу, хоть преградой этому стояли все традиции былого государственного устройства и его самого могущественного, и по сей день не затронутого никаким переворотом учреждения.

*

Это убийство отнюдь не было ознаменовано самым большим числом жертв — пусть об этом не забывают болельщики излюбленного польского спорта, гонок за первенство по количеству трупов.

Да, были расстреляны (согласно скрупулезному подсчету НКВД и письму председателя КГБ Шелепина от 3 марта 1959 г.) 21 857 польских заключенных и пленных, в том числе 4421 офицер из лагеря в Козельске, 3820 — из лагеря в Старобельске и 6311 (полицейские, пограничники и "враждебный гражданский элемент" — из лагеря в Осташкове). Первые лежат в Катыни под Смоленском, вторые — в Пятихатках под Харьковом, третьи — в Медном под Тверью. Это мы знаем. Но известно и то, что в Пятихатках в общих рвах гниют больше русских и украинцев, чем поляков. В Куропатах под Минском лежат в десять раз больше жителей Белоруссии, да и в каждой области бывшего СССР были свои Куропаты.

Истинная и продолжающая поражать особенность катыньского дела состоит в том, что никакое другое сталинское злодеяние не утаивали и не прикрывали ложью так долго и старательно.

Не поляки, а сами виновники этого массового уничтожения, должно быть, признали его самым компрометирующим их случаем, раз запечатанный конверт с основными доказательствами носил в кремлевском архиве учетный номер 1 и передавался от одного первого секретаря ЦК КПСС к другому, из рук в руки, почти так же, как черный чемоданчик с пресловутой кнопкой. Только 14 октября 1992 г. Рудольф Пихоя, начальник Главного архивного управления Российской Федерации, от имени Бориса Ельцина вручил этот пакет Леху Валенсе. Этому акту предшествовали многолетние тщательные старания советских властей, направленные на то, чтобы сначала замести следы преступления, затем свалить вину за него на немцев, после — отвлечь от него внимание союзников, поляков и уж по крайней мере своих граждан, наконец — ликвидировать свидетелей.

Поверхностно напомним ход всей этой операции, чтобы, возможно, извлечь выводы, небесполезные и сегодня.

Последние письма польских военнопленных к родным относятся к февралю 1940 года, с марта 1940-го никаких известий о них семьи не получали. После 22 июня 1941 года, когда Германия напала на СССР, а из польских заключенных и ссыльных стали собирать союзную армию (вслед за заключением в августе советско-польского договора, т.н. пакта Сикорского-Майского), ее командование вводили в заблуждение сообщениями, что офицерские кадры запаздывают, так как находятся на Земле Франца-Иосифа, в полярных льдах. Когда немцы в 1943 году раскрыли катыньские могилы, советская сторона, от Кремля до последней стенгазеты, принялась утверждать, что поляки из всех трех лагерей внезапно оказались в Катыни, т.е. на западе страны, и там попали в лапы немецко-фашистских захватчиков. Местные жители, указавшие немцам массовые могилы в Козьих Горах, бесследно исчезли. Главный свидетель, Иван Кривозерцев, ушедший из этих мест от советского наступления, погиб 30 октября 1947 года в Англии. Самым главным советским ме-

роприятием стала новая экспертиза катыньских захоронений, проведенная в январе 1944 года под руководством главного хирурга страны академика Николая Бурденко. Целью экспертизы было доказать, что убийство совершено не весной 1940-го, а осенью 1941 года, т.е. уже после того, как немцы захватили Смоленск. Несмотря на то что в комиссии отсутствовали представители Международного Красного Креста и даже Союза польских патриотов, заключению комиссии поверили многие, тем более что поляки, находившиеся тогда в СССР, были отрезаны от любых других источников информации. Пишущий эти слова признаётся, что и он тогда принял советскую версию за чистую монету: размах аналогичных гитлеровских злодеяний бил в глаза. Было еще неизвестно, что польские военнопленные, попавшие в немецкие лагеря, в большинстве своем пережили войну. Однако Нюрнбергский трибунал советским обвинениям не поверил, на немцев вину за Катынь не возложил, а Н.Д.Зоря, помощник советского обвинителя в Нюрнберге Руденко, там же, в Нюрнберге, покончил с собой, став первым из тех отважных русских, кто не желал смириться с ложью. Их было всё больше и больше — достаточно вспомнить писателя Натана Эйдельмана, майора Закирова из Смоленского УКГБ, прокурора Третецкого, публициста Виталия Абаринова, историков Наталью Лебедеву и Валентину Парсаданову, журналиста Геннадия Жаворонкова, Юрия Зорю — сына прокурора, диссидентов, выступавших на страницах "Континента" и "Русской мысли". Наконец, не кто иной, как тверские активисты "Мемориала" установили неопровержимое доказательство советской вины: в сентябре 1989 года в окрестностях Твери, возле Медного, они обнаружили массовые захоронения расстрелянных военнопленных из Осташкова, а до этих мест немцы во время войны, как известно, так и не дошли.

Поляки, разумеется, с самого начала неустанно стремились дойти до истины — от сенсационных публикаций Юзефа Мацкевича до книг Юзефа Чапского, Станислава

Свяневича, Януша Заводного, Ежи Лоека и деятельности парижской "Культуры", лондонских "Вядомостей" и "Белого орла"; от демаршей правительства в изгнании (как правило блокировавшихся западными союзниками, которые заботились о добром имени своего восточного союзника) вплоть до тихих попыток и в конце концов громких требований властей ПНР. Эти последние со временем пришли к выводу, что если не вырвут у Москвы правды о Катыни, то не может быть и речи ни о перемене отношения польского общества к СССР, ни об их собственном алиби. Эти надежды остались напрасными — правда получила полные права только после распада СССР.

В конечном счете, благодаря усилиям Александра Гейштора и Александра Яковлева, хоть и бывшего члена Политбюро ЦК КПСС, но человека, заботившегося о добром имени России, в 1999 году в Москве и Варшаве вышел совместный труд польских и российскх историков "Катынь. Пленники необъявленной войны". Он содержит все секретные документы, которые были запечатаны в пакете №1.

Читая содержимое этого пакета, испытываешь желание задать несколько элементарных, но отнюдь не риторическх вопросов. Особенно вызывает их важнейший документ — докладная записка наркома внутренних дел Берия Сталину от 5 марта 1940 года, где предлагается без суда расстрелять 14 700 польских военнопленных из трех лагерей и 11 тыс. заключенных из тюрем в западных областях Украины и Белоруссии. Предложение Берия утверждено подписями Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна, на полях указано, что с этим согласны также Калинин и Каганович. Хотя на практике число рсстрелянных оказалось несколько меньше (здесь мы не будем уточнять причин), решение Политбюро следует считать целиком исполненным.

Первый вопрос, требующий ответа sine ira: почему было принято именно такое решение? Вопрос звучит наивно, но не менее наивны обычно напрашивающиеся ответы.

Речь не шла о племенной ненависти: среди 125 тыс. поляков, взятых в плен, большинство составляли рядовые, и подавляющая их часть так или иначе выжила. Не объясняет катыньского дела и жажда мести за поражение в 1920 году. Уцелели же финские военнопленные, несмотря на то, что Красная Армия только что выставила себе отрицательную оценку, долго воюя с численно крохотной армией Маннергейма.

Похоже, речь шла о замысле, полном сталинской простоты и размаха: ликвидировать ведущие кадры интеллигенции крупного европейского народа. Не только военные кадры, командиров потенциального вооруженного сопротивления. Свыше половины убитых составляли офицеры запаса. Они вытащили из сундуков старые полевые мундиры и пошли защищать свою страну, покинув врачебные кабинеты, редакции, мольберты, лаборатории, письменные столы и преподавательские кафедры. Депортация населения с былых восточных окраин Речи Посполитой на север и за Урал, проходившая в то же самое время, охватила в первую очередь ту же категорию людей.

Полная ликвидация всего этого слоя была бы равнозначна гильотинированию польского общества. Это не был план геноцида, но он принес бы аналогичные результаты, вдобавок обеспечив победителю значительную экономическую выгоду при несравненно меньших затратах. Сталин был одержим мыслью справиться с техническим отставанием самым простым манером — повышая количество голых, но даровых рук. Эта одержимость и давала стимул дальнейшему расширению ГУЛАГа.

В пользу этой гипотезы говорят прецеденты. В 1930-е была буквально полностью уничтожена интеллигенция таких приволжских народов, как чуваши. Украина в то же самое время потеряла большинство своих писателей, деятелей искусства, ученых-гуманитариев — почти всех, кто культивировал украинский язык и традиции. Ни один из русских городов не подвергся такому количеству чисток, как Ленин-

град, слывший оплотом интеллигенции. Сталин внес весьма существенный рационализаторский вклад в технику колонизации и построения империй.

Такой замысел был аналогичен немецкому плану превращения Польши в резервуар неквалифицированной рабочей силы для исполнения черной работы. Сталин мог рассчитывать, что немецкий союзник на захваченной им территории не преминет исполнить свою половину задачи. Нацисты, захватив Краков первым делом послали в лагер Заксенхаузен почти всех професоров Ягеллонского университета. Дело отчасти провалилось, так как два союзника вступили в вооруженный конфликт друг с другом.

Бросив взгляд только на один аспект этго конфликта, мы сможем ответить на второй вопрос: почему виновники катыньского злодеяния скрыли его?

Ответ и здесь кажется очевидным, хотя стал таковым не сразу.

Не исключено, что ликвидацию польских офицеров Сталин не только не скрывал бы, но и жаждал бы этим прославиться, если бы его союз с Гитлером схранился и принес плоды в виде раздела всей Европы. Их сблизили бы не только геополитические интересы. И неважно, что идеологии, которые они исповедовали, выглядели противоречащими друг другу. Прагматизм Сталина привел к тому, что разрыв между интернационалистическим коммунизмом и национал-социализмом всё уменьшался. Но больше всего их объединяло убеждение, что насилие — акушерка истории и что стыдиться этого не нужно. Это убеждение они заимствовали у Жоржа Сореля, автора "Размышлений о насилии". Ленин еще пытался опровергнуть это родство, однако, открыто провозгласив крсный террор в августе 1918 года, большевики прямо применили указания французского мыслителя. Сталин такой открытостью не отличался, тем не менее существуют доказательства, что актов насилия и жестокости позорными не считал.

Выдающийся русский театральный критик Иосиф Юзовский рассказывал автору этих строк, что однажды застал Сергея Эйзенштейна в состоянии глубочайшей депрессии после просмотра первой серии кинофильма "Иван Грозный". Оказалось, что Сталин вышел из кремлевского зала, где обычно смотрел новые кинокартины, в мрачном молчании. Юзовский просмотрел тогдашний вариант фильма и сказал другу: "Всё ясно. Ты заставил своего Грозного убивать врагов с жалостью и каяться в этом грехе. Это ошибка. Наш Грозный гордится своей решимостью в той же области и даже не думает каяться". В этом духе Эйзенштейн исправил картину. Во второй серии политические убийства представлены как необходимось, по крайней мере не печальная. Эйзенштейн получил Сталинскую премию.

Печальной необходимостью оказалась для Сталина полная перестройка союзов. Вступление в союз с западными страами, придерживающимися канительных принципов демократии, заставило его лицемерить не только в вопросе этих принципов. Надо было вдобавок не ухудшать своих позиций в переговорах по польскому вопросу, раз надо было склонить западных союзников к тому, чтобы они признали Польшу частью советской сферы влияния.

Если уж мы занялись предположениями, то можно выразить уверенность в том, что Сталин сожалел о том удовлетворении, которое принесло бы ему соперничество с Гитлером в откровенном провозглашении целей, способных ужаснуть остальной мир. Национал-социализм своих целей не скрывал. Коммунизм был поражен лицемерием, был осужден лицемерить. Катыньское дело — яркое тому доказательство.

Самым трудным выглядит ответ на третий вопрос: почему пакет №1 не был уничтожен? Почему сохранились такие компрометирующие документы?

Недостаточно счесть это проявлением бюрократической мании или внушать себе, что самые главные решения

принимались без слов и не протоколировались. Объяснение требует знакомство с русским понятием "круговая порука". Документ, как можно предположить, сохранился, потому что его подписали несколько человек. Во-первых, это было залогом секретности: тот, кто подписал, наверняка будет молчать. Во-вторых, для посвященного подпись была гарантией собственной (относительной) безопасности, раз уж он включен в этот круг. В-третьих, подписи обеспечивали безопасность Главного, защищая его от интриг любого из подписавших. В случае чего Сталин мог обойтись без Политбюро, без советов этого собрания серостей — нужны они ему были, пожалуй, как раз для таких подписей и гарантий. Примитивный расчет на компромат, посадку на крючок, какая у нас по-прежнему в ходу в политической борьбе, Сталин заменил куда более совершенным крюком самообслуживания. Роковая сила метода пережила его творца — каждый наследник Главного, принимая пресловутый пакет, становился участником преступного сговора.

Однако содержимое пакета обладает одной неоценимой чертой: катыньское дело оказывается ключом к шифру, как приложенный к секретному тексту трафарет, который закрывает украшения и оставляет в поле зрения лишь голую суть советской системы.

"Политика", 2000, 8 апреля

ЭТОТ ДЕНЬ

День 65-й годовщины преступления, обобщенно именуемого катыньским, стал одним из важнейших дней во всей истории отношений между поляками и русскими.

Во времена ПНР в этот день на кладбищах появлялись одинокие женщины, клавшие цветы на пустую символическую могилу или под деревянным крестом с наскоро вырезанной датой — 1940. Кресты выкорчевывала милиция, на следующий день их уже не было, но из года в год на кладбища приходило все больше народа. Позднее, когда Михаил Горбачев публично признал, что убийство было делом рук НКВД, а Рудольф Пихоя от имени Бориса Ельцина передал Леху Валенсе постановление Политбюро ВКП(б) от 5 марта 1940 г., предписывавшее уничтожить интернированных польских офицеров, годовщину уже можно было отмечать явно. И, возможно, это стало бы рутиной, если бы не растущее официальное сопротивление российской стороны, не желающей выявлять всю правду и называть ее по имени. Это сопротивление сопровождалось целым хором клеветнических высказываний, уже известных читателям "Новой Польши". Целью их авторов было отрицать советскую вину или снять с нее печать геноцида, хотя планомерное истребление интеллектуальной элиты общества заслуживает такого определения — ведь в Катыни, Медном, Пятихатках (и Бог ведает где еще) лежат преимущественно запасники, интеллигенты, которые в сентябре 1939 г. надели старые мундиры, чтобы защищать родину от нашествия гитлеровских войск, а попали в руки Сталина. Малодушная ложь не только разочаровала поляков, но и нанесла удар по прекрасной русской традиции правдоискательства, которую каждый читатель Толстого или Солженицына считает характерной чертой русских.

И вот 16 апреля 2005 года мы оказались на улице Краковское предместье, во дворце, где некогда жил царский наместник завоеванной страны, в том самом зале, где теперь проходят шумные приемы, дипломатические аудиенции и назначения министров. Наш журнал не пишет о них, ибо не желает быть ничьим официальным бюллетенем — лишь местом диалога. На этот раз вдоль одной стены расселись польское правительство в полном составе, а также дипломаты, в том числе послы Российской Федерации, Литвы и Украины; напротив, на нескольких рядах стульев, расположились полсотни немолодых, чрезвычайно скромно одетых людей. Там были поляки из Федерации катыньских семей, украинцы и русские из "Мемориала", историки и рабочие, бывшие зэки и бывшие студенты. Сбоку затаились операторы с телевидения, журналисты и самые прыткие корреспонденты заграничных газет.

Когда через минуту в зал вошел президент Речи Посполитой, все мы встали, как велит обычай. Однако президент не пригласил нас усесться поудобнее и выслушать набор округлых фраз. Да никто бы этого и не сделал. Мы почувствовали, что перед нами — нет, среди нас! — находятся защитники памяти, борцы за правду. Так мы и стояли по стойке смирно, слушая, как произносятся имена людей, награжденных высшими орденами Речи Посполитой, — имена, знакомые нам либо по передававшимся шепотом легендам, либо по сухим сообщениям о приговорах. Огромное волнение вызвали имена российских граждан: они опровергали мнение, что на берегах Волги и Невы живут лишь клеветники и враги, зарящиеся на нашу вымоленную у судьбы независимость.

Окружая почетом и признательностью наших русских друзей, мы подтвердили, что поляки умеют отличать Россию официальную от России реальной. Мы обвиняем не русский народ, а палачей, запятнавших историю России кровью, а наши взаимоотношения — еще и ложью. Мы умеем

также оценить подвиг тех, кто стоял на стороне справедливости, зная, чем они рискуют. Это они доказали, что катыньское преступление действительно было совершено в 1940 году и, следовательно, было делом рук НКВД, что захоронения есть даже там, докуда немцы вообще не дошли (хотя бы в Медном).

Они приехали сюда не за почестями и привилегиями. Приступая к сбору документальных и вещественных доказательств, они не рассчитывали ни на какую выгоду. И польские ордена были ничем иным, как ничтожным доводом нашей признательности за то, что не поддается измерению: за жертвенность ради правды. Они хотели жить не по лжи, как учил их великий соотечественник.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Среди награжденных:

о командорским крестом ордена Заслуги Польской Республики — Олег Демин, Наталья Лебедева, Михаил Пилипчук, Александр Яковлев;

о офицерским крестом ордена Возрождения Польши — Данута Малон, Болеслав Пророк;

о офицерским крестом ордена Заслуги Польской Республики — Наталья Дементьева, Татьяна Кудрявцева, Рудольф Пихоя, Владимир Подъячев, Леонид Стасевский, посмертно Степан Радевич (орден вручен Раисе Радевич);

о кавалерским крестом ордена Возрождения Польши — Геральдина Бучинская, Олег Закиров, свящ. Яцек Кучмик, Анна Лехович, Зофья Рутковская, Богна Шклярчик, Ежи Шлетинский, Богдан Тачак, Станислав Янковский;

о кавалерским крестом ордена Заслуги Польской Республики — Андрей Блинушов, Сергей Глушков, Александр Гурьянов, Геннадий Жаворонков, Алексей Памятных, Валентина Парсаданова, Никита Петров, Михаил Рогачев, Арсений Рогинский, Валентина Суворова, Евгения Хайдарова, посмертно — Анна Гришина (орден вручен Лоре Харлап), Юрий Зоря (орден вручен Милице Зоре) и Виктор Лозинский (орден вручен Андрею Блинушову);

о золотым крестом Заслуги — Михаил Гнедовский, Тереса Душинская, Кристина Затонь, Габриэла Зых, Александр Конов, Сергей Кривенко, Эмилия Мачковяк, Эва Рослан, Юрий Шарков.

Президент сообщил также о награждении не прибывших на церемонию вручения: Анатолий Яблоков удостоился офицерского креста ордена Заслуги Польской Республики, Янина Александрович — кавалерского креста ордена Возрождения Польши, Светлана Филонова — кавалерского кре-

ста ордена Заслуги Польской Республики, а Эдвард Грудзинский — золотого креста Заслуги.

Речь президента Александра Квасневского:

Господа маршалы [Сейма и Сената], господин премьер-министр, господа министры, ваши превосходительства послы, ваши преосвященства, а прежде всего уважаемые представители "Катыньских семей", уважаемые награжденные, уважаемые гости из России и Украины, дамы и господа!

Катыньское преступление стало символом польского мученичества, одной из самых горьких страниц нашей истории. Мы до сих пор потрясены масштабами этой трагедии, цинизмом и жестокостью этого убийства.

65 лет назад по приказу Сталина и других представителей советского руководства были уничтожены 22 тысячи беззащитных польских военнопленных — главным образом офицеров Войска Польского, работников полиции, погранохраны, тюремного ведомства и администрации. Все они оказались за колючей проволокой лагерей в Старобельске, Козельске и Осташкове, а также в советских тюрьмах, после того как 17 сентября 1939 г. Красная Армия неожиданно вторглась на территорию польского государства, отражавшего тогда агрессию гитлеровской Германии. Через полгода их судьбы окутала зловещая тишина. Страшную правду о случившемся скрыли братские могилы в Катыни, Медном и Харькове. Палачи хотели, чтобы эти безымянные, поросшие лесом могилы были навсегда вычеркнуты из человеческой памяти. На целые полвека их окружили завесой молчания, засыпали ложью. Все, кто упрямо и непреклонно помнил, кто искал правду о катыньском преступлении, подвергались по эту сторону "железного занавеса" суровым репрессиям и преследованиям. Горько было и то, что демократический мир, получавший информацию и догадывавшийся о правде, чаще всего тоже участвовал в заговоре молчания, который был организован тоталитаризмом.

Сегодня мы собрались здесь уже в новые времена и при других обстоятельствах. Правда победила! При воспоминании о случившейся 65 лет назад трагедии наши сердца все еще пронизывает боль и скорбь, однако катыньский крест утвердился в нашем сознании как знак не только страдания, но и надежды. Мы воздаем дань памяти убитых, будучи убеждены, что независимая Польша выполняет свой великий долг перед ними, что она сумела услышать их немой крик и ответить на него.

Завеса лжи сорвана. Сегодня имена главных виновников катыньского преступления, принимавших смертоносные решения, уже известны. Их вина бесспорна. Их подписи под документами, равнозначными смертному приговору, представлены общественности.

Пять лет назад, в 60-ю годовщину катыньского преступления, мы смогли торжественно открыть и освятить кладбища в Харькове, Катыни и Медном. Прах расстрелянных наконец обрел достойное место погребения. Исполнилось задушевное желание многих из присутствующих здесь: встать и помолиться над могилами близких, над могилами жертв, которым вернули имена и должную память.

Думаю, что и здесь, в Варшаве, мы должны подумать, каким образом увековечить мученичество и в то же время победу правды, символом которой стала Катынь. Надо изыскать способ, чтобы документация и все сохранившиеся вещи, связанные с памятью об этом событии, были доступны, особенно молодежи. Это также наш долг перед жертвами, перед нынешними и будущими поколениями.

Уважаемые дамы и господа!

Только что я имел честь вручить высокие награды людям, которые внесли выдающийся вклад в раскрытие и документирование правды о катыньском преступлении. От имени Речи Посполитой я склоняю перед вами голову в знак великого восхищения и уважения. Мне бы хотелось низко поклониться всем награжденным, представляющим "Катыньские семьи". В вашем лице я воздаю должное всем вашим семьям — тем, кто на протяжении десятилетий, невзирая на лживую пропаганду и травлю, требовал правды, верно хранил память о близких и о трагической странице польских судеб.

Позвольте мне обратиться к человеку, которого здесь сегодня нет, но которому я хочу выразить наше особое уважение, — к священнику Здиславу Пешковскому, капеллану "Катыньских семей" и "Убитых на Востоке", бойцу сентябрьской кампании и свидетелю трагических событий того периода. От имени Речи Посполитой я хочу выразить вам огромную признательность и благодарность за то, что на протяжении всех этих лет вы были наперсником боли и страданий стольких польских семей, что в трудные минуты вы несли им утешение, надежду и доброе слово.

Благодарю всех поляков в стране и в эмиграции, которые не позволили задушить и забыть правду о Катыни. Выражаю благодарность всем моим соотечественникам, содействовавшим достойному увековечению памяти жертв и созданию кладбищ. Слова благодарности обращаю я к Совету по охране памяти борьбы и мученичества. Хочу поблагодарить также тех, кто сегодня — в частности, на форуме объединяющейся Европы, Европейского парламента — прилагает усилия, чтобы катыньская трагедия воспринималась как универсальное предостережение всему нашеиу континенту, чтобы таким образом преодолеть негативное про-

шлое. Признателен я и Институту национальной памяти за его действия, направленные на полное выяснение обстоятельств катыньского преступления и выявление всех его виновников.

С особым почтением я обращаюсь к награжденным из России и Украины. Вы — люди чуткого сердца и совести. Мы знаем, что преступная сталинская система поглотила миллионы человеческих жизней из многих народов. Русская, украинская, белорусская, казахская земля и другие регионы бывшего СССР пропитаны кровью жертв этого тоталитарного режима. Земля помнит также жестокость многочисленных гонений. Эта система была жестока не только к чужим, но и к своим собственным гражданам.

Катыньское убийство — одно из многочисленных преступлений, совершенных сталинскими палачами. Поэтому нас так трогают свидетельства великодушия, справедливости и солидарности всех, кто сумел понять нашу боль, кто увидел в катыньском преступлении и лжи о нем кровоточащую рану нашей общей истории. Мы склоняем голову перед благородством и величием Андрея Сахарова и Александра Солженицына, перед членами "Мемориала" и всеми, кто ощущает братство страдания и долг общей памяти.

Люди, о которых я говорю, — это вы, уважаемые дамы и господа! Врученные вам сегодня награды — лишь скромный знак того огромного чувства признательности, которое испытывает к вам Польша. Спасибо всем, кто помогал и помогает нам раскрывать правду, следить за местами погребения, укреплять и делать общедоступной память. Вы проявили по отношению к нам глубокую человечность и солидарность. От всего сердца благодарим за это всех наших восточных друзей!

Дамы и господа!

Память о катынском преступлении занимает особое место в отношениях между Польшей и Россией. Мы помним, что Михаил Горбачев и особенно президент России Борис Ельцин нашли в себе мужество и силу отвалить этот тяготевший над нами камень лжи и молчания. Это было историческое достижение, которое сблизило наши народы и принесло надежду на прочное примирение. Нельзя останавливаться, нельзя сходить с этого пути!

Множество положительных событий позволило нам надеяться, что катыньская рана может зарубцеваться. Мы хотим, чтобы трагическому прошлому был подведен итог и чтобы оно уже не бросало тень на будущее. Но путем к примирению должна быть прежде всего правда. Поэтому в деле о катыньском преступлении нужно выяснить до конца все, что еще требует выяснения.

Должны быть расследованы и выявлены все обстоятельства этого преступления. Дело первостепенной важности — выяснить судьбу и установить места погребения тех семи тысяч убитых, могилы которых до сих пор не найдены. Мы ожидаем от властей Российской Федерации окончательного признания того, что катыньское преступление было актом геноцида — как это определили на Нюрнбергском процессе, когда Советский Союз считал его виновницей гитлеровскую Германию. Необходимо назвать имена не только политических заказчиков убийства, но и всех непосредственных исполнителей. Мы хотим, чтобы Польше были переданы все архивные документы, касающиеся этого преступления.

Уважаемые дамы и господа!

Хотя поляки отмечены печатью страданий и мученичества, они не одержимы исторической манией. Мы хотим смотреть в будущее. Мы хотим вместе с Россией принимать вызовы нового времени в открытой, объединяющейся Европе.

Однако у нас есть моральное право и долг называть зло злом. Мы должны сделать все, чтобы правда о трагическом прошлом польско-российских отношений, особенно о катыньском преступлении, была выявлена и совместно анализирована. Трудно найти другой способ, который мог бы лучше засвидетельствовать общечеловеческие ценности, которые мы вместе исповедуем. Так смотрят на это и многие русские. Их позицию, разделяющую польские требования окончательно выяснить катыньское преступление, мы восприняли с волнением и надеждой.

Приближается годовщина великого исторического события, которое никого не может оставить равнодушным. 60 лет назад на нашем континенте завершились кровавые бои Второй мировой войны. Была одержана великая победа над фашизмом. Однако Европа и мир должны помнить, что плоды победы были разделены неправедно. Не всем народам освобождение от оккупации принесло свободу и право на самоопределение. Не везде за героизм и патриотизм платили признанием и наградами. Порой несправедливость дожидалась исправления долгие годы.

Сегодня в объединяющейся Европе пришло время закрыть горькие страницы истории — прежде всего вписав на них правду и почтив память жертв, а также сделав соответствующие выводы. Поэтому с этого места и в этот особенный день я призываю поляков и русских: давайте вместе искать пути, которые приведут нас к правде, взаимопониманию и примирению во имя будущего! Это зависит от нас. Таков наш долг перед жертвами Катыни!

Александр Яковлев:

Ваши превосходительства, уважаемые дамы и господа! Я испытываю огромное волнение от нашей встречи в годовщину трагических событий. Прежде всего позвольте мне воспользоваться случаем, чтобы выразить глубокие соболезнования польскому народу в связи с кончиной великого человека, которого породила Польша [Папы Иоанна Павла II]; поляка, который стал гражданином мира и останется в памяти всех людей независимо от их национальности, вероисповедания и т.п.; человека, который поставил перед собой цель объединять мир, а не разделять его, и делал для этого все.

Господин президент, позвольте мне выразить вам глубокую благодарность за награды, которые вы сочли уместным вручить моим согражданам, моим соотечественникам, гражданам Российской Федерации. Надеюсь, что все эти награды были вручены не напрасно, что мы заслужили их. История взаимоотношений России и Польши — давняя и странная история. В ней всегда были неурядицы, войны, конфликты, кровь и предательство. Последним из этих предательств был раздел Польши между империалистическими державами — Советским Союзом и Германией, — когда в секретном протоколе было решено ликвидировать Польшу. Предательство повлекло за собой дальнейшие события. Фактически и Катынь, которую мы сегодня вспоминаем, — плод этого предательства, как и уничтожение многих-многих миллионов людей во время прошлой войны. Нет уже в живых убийц, которые могли бы понести наказание за преступления, совершенные в Катыни и других местах. Означает ли это, что мы имеем моральное право освободиться от ответственности хотя бы за то, что мы так неуступчиво, долго, лишь отчасти и медленно признаём факты, которые несомненно таковыми являются? Ведь это исторические факты. Почему мы так хорошо помним и даже приукрашиваем наш героизм, но память отказывает нам, когда мы не хотим признаваться в преступлениях и предательстве? Я убежден, что

правда — единственный путь к взаимопониманию между людьми независимо от того, насколько этот путь будет трудным. Даже если он будет неудобным или страшным — все равно это правда. Ведь самую страшную правду легче принять и простить, чем ложь. Несмотря ни на что я уверен: независимо от чередующихся периодов охлаждения и потепления, единственный стержень, хребет, который приведет наши страны к хорошим взаимоотношениям, — это говорить друг другу правду и никогда больше не предавать друг друга, как это случалось в прошлом. Спасибо.

Председатель Федерации катыньских семей Станислав Янковский:

От имени Федерации катыньских семей, от имени всех, кому дорого слово "Катынь", — спасибо. Спасибо за оказание нам высокой чести, хотя мы — всего лишь небольшая группа людей, которые уже несколько десятков лет говорят об этом преступлении, добиваются правды и выступают против подлога. Так было 62 года тому назад, когда поляки впервые узнали о катыньском преступлении и сразу же начали протестовать. Здесь, в этом зале, я напомню великие имена (польских писателей, первых свидетелей вскрытия катынских могил) Юзефа Мацкевича и Фердинанда Гётля — людей, протестовавших всю свою жизнь: в публикациях, речах, показаниях, которые они давали, например, комиссиям в США.

Я напомню также факт, о котором до сих пор никто не вспоминал. 15 лет назад, в апреле, я открывал в Москве первую выставку фотографий, посвященных катыньскому преступлению. Это было через несколько дней после того, как информационные агентства сообщили, что ответственность за преступление несет НКВД. 15 лет назад я волновался больше, чем сегодня, — потому что Москва, потому что в километре от Кремля я говорил о Катыни, а на выставке висели фотографии, подготовленные в Кракове "Катыньскими семьями". Тогда вся польская делегация очень гордилась

тем, что мы можем представить эти фотографии. Чтобы не навлечь на нас неприятности, когда мы ехали в Советский Союз, фотографии эти провез через границу Александр Гурьянов. Все мы очень гордимся тем, что можем принять награды в присутствии наших друзей из России и Украины, благодаря которым мир будет помнить об этом преступлении, а не только о наших словах.

"Новая Польша", 5/2005

ЕСТЬ У НАС ДРУЗЯ И СЕГОДНЯ

Под утешительным заглавием "Табу больше нет" поместила "Газета выборча" (2003, 3 окт.) беседу русских и польских историков. В ней говорится о все большем сближении и нарастающем взаимопонимании русских и поляков. Скажем, ничего не смягчая: эта беседа — одно из немногих реальных доказательств того, что это правда. Из смягчений торчат острые кости, и приглаживанием их не уберешь.

Профессор Дурачинский признал: "...наступило ближение, но остаются и разногласия, и, честно говоря, я не знаю, что преобладает". Участники дискуссии напомнили, что не сделано самое главное: до сих пор нет совместной польско-российской комиссии историков. Ничего неизвестно о том, идет ли общая работа над новыми учебниками истории для школ и вузов. А без этого нельзя и помыслить об уменьшении пространства невежества, этой плодородной почвы для предрассудков и взаимной неприязни.

Профессор Волков из Российской Академии наук сказал: "...общества по-прежнему дают оценки в соответствии со стереотипами, — и он, несомненно прав, но тут же добавляет: — Их (стереотипов) сегодня в Польше больше, чем в России. В Польше заметны антирусские настроения, а в России антипольских настроений я не вижу". Дай Бог, чтобы так оно и было. В ответ из уст профессора Пачковского раздались поразительные слова: "...интерес к России — для нас одна из главных тем, в то время как для России Польша — второстепенная страна. У большинства россиян нет никакого мнения о Польше, потому-то в России не замечают антипольских стереотипов".

Да, отдельным россиянам Польша довольно безразлична, ибо малоизвестна: она уже перестала быть замочной скважиной в двери на Запад, ныне широко открытой.

Участники дискуссии согласились, однако, в одном важном вопросе. Проф. Лебедева считает, что "правда о Катыни стала мостом, соединяющим, а не разделяющим наши народы", а подпиливать этот мост могут только крайние националисты, такие, как Юрий Мухин. Думаю все-таки, что и здесь нужно посмотреть внимательнее. Во-первых, потому что катыньское дело для поляков особенно болезненно. Во-вторых, потому что именно здесь выяснилось, что у нас в России есть самоотверженные и отважные друзья, которые не хотят, чтобы честь их страны была запятнана. В-третьих, потому что не только Мухин считает "черным пятном" для России то, что мы считаем "белым пятном", ждущим всей правды.

Лет десять назад Юрий Мухин напечатал в Москве книгу "Катыньский детектив". Недавно столичное издательство "Крымский мост 9-Д" переиздало ее в расширенном (до 800 стр.) виде и под новым заглавием — "Антироссийская подлость". Заглавие говорит само за себя. Содержание же книги и ее цель остались прежними: восстановить в правах советскую версию катыньского преступления и опровергнуть доказательства того, что польских военнопленных и арестантов уничтожили не по приказу Гитлера, а по приказу Сталина и не осенью 1941-го, а весной 1940 года.

Припомним некоторые детали

Доказательства эти известны — они неопровержимы и даже банальны, притом, разумеется, не только для поляков. Еще Нюрнбергский трибунал не согласился включить Катынь в список злодеяний, за которые осудили вождей третьего рейха. Затем вину советских властей признали все, в том числе и те, кто помалкивал во время войны, не желая ставить союзника к позорному столбу. Помалкивал Черчилль, который знал правду чуть не с первого момента, однако действия таких борцов за справедливость, как Оуэн О'Малли и сэр Бернард Брейн, в конце концов заставили парламент и правительство Великобритании признать истину. То же произошло

и в США благодаря комиссии Мэддена. Но еще красноречивее свидетельства, предоставленные той стороной, которая больше всего противилась раскрытию истины.

Давайте отвлечемся от главных документов — даже от оригинала постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., предписывающего расстрелять интернированных поляков. 14 октября 1992 г. специальный уполномоченный Бориса Ельцина, начальник российского архивного комитета Рудольф Пихоя в присутствии Чеслава Милоша вручил в Бельведере этот секретнейший пакет из архива Сталина — "пакет №1" — Леху Валенсе. В вопросах, о которых пойдет речь, не менее важными могут оказаться события, которые произошли позже и, можно сказать, на полях важных бумаг. Они дали обвинению неопровержимые доказательства. Вот хотя бы некоторые из них.

Как авторство преступления, так и число убитых — 21 857 — детально определяет записка председателя КГБ Александра Шелепина (1918-1994), поданная 3 марта 1959 г. Хрущеву и — внимание! — лично им подтвержденная в 1992 году.

В 90-е годы академик А.Н.Яковлев, недавний член Политбюро ЦК КПСС, добивался осуществления договора, подписанного с Польской Академией наук. На его основе уже вышел на польском толстый том документов о катыньском деле под редакцией Александра Гейштора. Аналогичный том на русском никак не мог выйти в свет, хотя на дворе уже стоял 1995 год. Оказалось, что книгу решили подвергнуть анализу самых независимых экспертов и послали, ясное дело, в московскую Военную академию. Секретная экспертиза констатировала: хотя книга носит явно антинациональный характер, включенные в нее документы не оставляют никаких сомнений с точки зрения исторической достоверности.

Яковлев в конце концов своего добился, и в июне 1999 г. эта книга вышла тиражом 2 тыс. экземпляров как первая часть задуманного фондом "Демократия" четырехтомно-

го сборника. В публикацию прозорливо включили копии документов, которые должны были войти во второй том — до сих пор не изданный.

Затмение ума

Ни этих доказательств и свидетельских показаний, ни исследований десятков ученых, в том числе и российских, Мухин во внимание не принимает. Истиной он считает исключительно версию, официально принятую в СССР в согласии с заключением комиссии во главе с академиком Бурденко; ее конечный вывод гласил: "Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается: а) время расстрела — осень 1941 г.", т.е. время, когда Катынь и окрестности уже были оккупированы немцами. Комиссия работала в Катыни 16-23 января 1944 г., т.е. неделю.

Мухин не придает никакого значения ключевому факту, установленному Главной военной прокуратурой СССР в октябре 1990 г.: до прибытия комиссии Бурденко, сразу после того, как Красная Армия освободила Смоленск, с 5 октября 1943-го по 10 января 1944 г., в Катыни и Смоленске работала секретная группа офицеров и служащих НКВД. Во вскрытие тел они не вложили особого труда: мороз сковал землю и затруднял массовую эксгумацию. Датированные задним числом поддельные письма (якобы 1941 г.) были сунуты в карманы всего девяти убитым. Главная работа шла со свидетелями, особенно с теми, которые уже дали показания немецкой комиссии. Все они отказались от тех показаний либо бесследно исчезли. Только один, Иван Кривозерцев, вовремя ушел на Запад и все, что видел в 1940-м своими глазами, сумел рассказать полякам и западным союзникам. Он, Кривозерцев, 18 февраля 1943 г. указал немцам место, где лежали зарытые трупы поляков. 30 октября 1947 г. он был найден повешенным на дереве во Флакс-Бауроне, в английском графстве Сомерсет.

Мухин продолжает игнорировать даже главное, совершенно неопровержимое доказательство. В сентябре 1989 г.

несколько членов тверского "Мемориала" нашли в Медном под Калининым (как тогда называлась Тверь), на территории бывшего дома отдыха сотрудников калининского УНКВД, погребение 6311 польских военнопленных из лагеря в Осташкове. До Медного немцы, как известно, не дошли. Более того, существуют добровольные показания Д.С.Токарева, генерал-майора в отставке, а в 1940-м — начальника УНКВД по Калининской области, данные перед кинокамерой в присутствии военного прокурора. Токарев описал как прибытие "тройки" из Москвы (Блохин, Кривенко, Синегубов), так и массовые расстрелы, которыми они руководили.

Дьявол живет в подробностях

Особенное впечатление в этих показаниях производит описание снаряжения начальника комендатуры (т.е. исполнительного отдела) НКВД В.М.Блохина. Он привез два сундука: из меньшего вынул одежду палача — кожаный фартук, кожаную шапку и рукавицы до локтей; больший был наполнен "вальтерами" калибра 7,65 — надежными немецкими пистолетами. Эта последняя деталь имеет значение. Тот факт, что в черепах убитых поляков из всех трех лагерей остались пули этого калибра, представляет собой последний, а значит тем более излюбленный аргумент Мухина и его черносотенных соратников. Неважно, что служебным оружием немцев был пистолет "люгер", а у старших офицеров — "вальтер-П38", оба — внимание! — калибра 9 (т.н. парабеллум); неважно, что при массовых расстрелах немцы использовали ручной пулемет "шмейсер"; неважно, что поляки (а среди них и евреи), попавшие в немецкие лагеря военнопленных так или иначе войну пережили. Достаточно напомнить, что НКВД, как правило, пользовался тогда импортированными из Германии "вальтерами" — особенно при расстрелах. Кто любит эффектные доказательства, пусть заглянет в биографию Ежова: в его сейфе в НКВД нашли коллекцию конвертов, и в каждом лежала пуля от "вальтера" калибра 7,65. На каждом конверте была написана фамилия — Бухарин, Каменев, Рыков...

Мухин с этим доказательством справляется, высказав предположение, что тысячи тел кто-то мог привезти в Медное. Кто? Может, поляки. Или "изменники родины". Документы из "пакета №1", по его мнению, подготовил сам КГБ, чтобы втереться в доверие новой власти, той, что погубила и распустила Страну Советов. Но дело обстоит так, что как раз эта успешная организация отнюдь не впала в немилость, не подверглась ни сокращению, ни "перестройке", не перестала быть властью — центром и символом власти в своем лице. Тут Мухину кланяется унтер-офицерская вдова из "Ревизора".

Может показаться, что мы имеем дело воистину с чудачеством, не заслуживающим спора, с таким крайним случаем затмения ума, что его можно считать явлением "малой общественной вредности", как любят говорить некоторые наши органы. Проф. Лебедева считает, что "таких фанатиков никогда не удастся переубедить" и что "по обе стороны есть люди подобных взглядов". Конечно, у нас тоже есть случаи полной глухоты к чужим аргументам и к тому, что говорят факты. Правда, они выступают не в виде толстых книг, а скорее в форме лаконичных лозунгов ("Долой Бальцеровича", "Москаля ничем не переменишь"). Но отрицание действительности у Мухина имеет некоторую локальную причину.

Чтобы такое сочинение, как "Антироссийская подлость", вообще могло появиться, недостаточно общечеловеческой склонности считать свои доводы справедливее всех прочих. Необходимы еще два условия. Надо быть убежденным, что информационную монополию захватить можно. Надо иметь уверенность, что такое убеждение одобрит пассивное большинство соотечественников.

Эти убеждения — основополагающие компоненты советского мировоззрения. Сталин встроил их не в фасад этого мировоззрения, а в его фундамент. За семь долгих десятилетий они упрочились. И продолжают приносить плоды благодаря силе привычки и попыткам гальванизировать их, хотя первое из существующих условий стало невыполнимым.

Даже при таком положении дел книга Мухина не вызывала бы озабоченности, если бы не мелочь: как утверждает проф. Борейша в выше цитированной беседе, "почти 45% участников опросов в России оценивают его (Сталина) в конечном счете положительно". Можно считать, что из остальных 55% некоторые воспользуются случаем, который предоставил Мухин, чтобы вспомнить, чем пахнет то, что Солженицын назвал согласием "жить по лжи".

Список отсутствующих

Юзеф Чапский закончил свою статью "Катынь и оттепель", напечатанную в парижской "Культуре" в апреле 1956 г., словами: "...может быть, и мы, как некогда Мицкевич, на просторах России найдем русских друзей и с их стороны — понимание этих вопросов".

Друзья нашлись скоро. О них уже упоминалось в этом тексте. Они названы в обоих изданиях (русском и польском) сборника документов о катыньском деле. О них писали Ян Новак-Езёранский, Кристина Курчаб, Петр Мицнер, Славомир Поповский, Ян Ружджинский, Михал Журавский, а также автор этой статьи — в "Политике", "Газете выборчей" и "Новой Польше".

Я считаю, что нет смысла заводить перепалку с Мухиным, Куняевым и всеми, кто компрометирует Россию ложью, клеветой и страхом перед правдой; сильный обычно правды не боится. Вместо споров с ними следует вспомнить и достойно почтить тех, кто защищал горькую истину.

Среди них — те смельчаки из тверского "Мемориала", которые подкопались под дачу энкавэдистов в Медном: Сергей Владимирович Глушков, Юрий Алексеевич Шарков, Марен Михайлович Фрейденберг. Есть Алексей Памятных, который первым начал кампанию в советской печати за раскрытие правды о катыньском деле. Есть Никита Петров, который собрал документы для московского "Мемориала". Есть Инесса Яжборовская, которая посвятила научную работу истории фальсификации доказательств вины в катынь-

ском преступлении. Есть Анна Гришина, многие годы пишущая об истории этого массового уничтожения. Есть два необычных военных юриста — Александр Третецкий и Степан Родзевич из Главной военной прокуратуры: они наконец-то провели добросовестное следствие по этому важному делу. Был Юрий Зоря, эксперт этой прокуратуры, который пустил в ход все следствие. Есть Олег Закиров, майор УКГБ по Смоленской области, который обнародовал катыньские секреты и должен был искать убежища в Польше. Есть Валентина Парсаданова, Владимир Филатов — публицисты, которые первыми написали правду в научной работе, нарушая цензурный запрет. Есть Владимир Абаринов, замечательный журналист, который сделал катыньское дело громким. Есть ученые, исследующие катыньское дело, такие, как Наталья Лебедева, Татьяна Кудрявцева. Есть Александр Николаевич Яковлев, без которого ужасающие документы не увидели бы света.

Новак-Езёранский писал в августе 2001 г.: "...я тщетно добиваюсь, чтобы этим людям были вручены высокие (польские) государственные награды в соответствующей, как можно более торжественной обстановке. Это нужно не им: они не рассчитывали ни на какую награду, — а нам самим, чтобы мы увидели это другое лицо России, внушающее надежду на лучшее будущее..."

Эхо этого призыва так и блуждает по лабиринту бюрократии — хотя известно, что свою поддержку в этом вопросе выразил президент Квасневский. Родзевича, Зори уже нет в живых. Олег Закиров три года ищет в Лодзи работу.

Постскриптум

Польский оригинал этой статьи в сокращенном варианте был напечатан в "Газете выборчей" 12 ноября 2003 года. В ответ редакция "Новой Польши" получила:

— от председателя Совета охраны памяти борьбы и мученичества, министра Анджея Пшевозника, — заверение, что вопрос того, как наиболее достойно почтить наших рус-

ских друзей, находится в последней стадии окончательного рассмотрения, которое уже ускорено;

— от Олега Закирова — письмо, которое мы публикуем в этом номере "Новой Польши;

— от Юрия Мухина — ответ в виде статьи, опубликованной в журнале "Дуэль" (№50). Статья состоит из двух элементов. Первый — это чрезвычайно богатый набор бранных слов, а также прямых угроз в адрес Польши, поляков и тех честных россиян, о которых мы пишем. Второй элемент сводится к монотонному повторению одного и того же утверждения: все без исключения документы, признающие виновниками катынбского преступления сталинских головорезов — это фальшивки. На этой тоненькой ниточке предубежденности держится все умозаключение автора. Не хватает только третьего элемента — хотя бы одного серьезного доказательства, которое могло бы опровергнуть наши вышеизложенные аргументы. При таких обстоятельствах ни о какой полемике не может быть и речи.

Пер. НГ

"Газета выборча", 12. 11. 2003

К ИСТОРИИ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Вопрос о судьбе красноармейцев, взятых в плен польской армией в 1920 г., стал устойчивым элементом кампании, направленной на возбуждение у русских ненависти к Польше и полякам. Стоит напомнить, что эта кампания развернута в ответ вовсе не на какую-то ложь и оскорбления с польской стороны, это реакция на простое требование извлечь гласные правовые выводы из памятного акта высших российских властей.

Президент Российской Федерации Борис Ельцин вручил достоверные исторические документы — в том числе постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года — президенту Польши Леху Валенсе, торжественно подтвердив, что польские офицеры, интернированные в Старобельске, Козельске, Осташкове, были казнены весной 1940 г. по решению Сталина. Потому тот, кто пытается это опровергнуть, обвиняет в подвохе российское руководство, российское право, российскую историю.

В том же духе действуют и авторы, утверждающие, что Катынь была лишь отместкой полякам за истребление советских военнопленных в 1920 году. Некоторые из них говорят о 80 тысячах уничтоженных в плену красноармейцев, что почти равняется общему числу попавших в польский плен, которое (с небольшой разницей) приводили оба главнокомандующих — и Пилсудский, и Тухачевский.

Такие высказывания мы с горечью вынуждены признать частью кампании дезинформации, имеющей целью изгладить из памяти русских катыньское преступление. К сожалению, эта операция продолжается.

Ни в коем случае не отрицая мук и унижений пленных красноармейцев в польском плену, мы констатируем, что одно не подлежит сомнению: в 1920 г. в Польше их не хотели истребить, не убивали их по плану. Здесь не может быть никакого

сравнения с плановым истреблением, предпринятым по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1940 г. по отношению к интернированным польским офицерам, по преимуществу призванным в армию из запаса и принадлежавшим к трудящейся интеллигенции. Тот же план гильотинирования народов Сталин применял к своим собственным подданным — украинцам чувашам, наконец, самим русским.

Здесь не требуется никаких споров о цифрах, даже о такой, как приведенное проф. Анджеем Новаком число 65 797 пленных красноармейцев, вернувшихся из польского плена в результате послевоенного обмена.

Вот красноречивый случай, приведенный в дневнике выдающегося польского писателя и историка Павла Ясеницы:

"Сейчас я внимательно читаю печатающиеся в "Войсковом пшеглёнде хисторичном" воспоминания генерала Ежи (Георгия) Бордзиловского. В 1920 году он служил в Красной Армии. Попал в польский плен. Колонна военнопленных оказалась в серьезной опасности, когда ее заметили какие-то казаки, которые перед тем перешли на сторону войск Пилсудского. Они уже собирались атаковать и рубить, когда по приказу унтер-офицера, командовавшего конвоем, познанские пехотинцы-конвоиры взяли оружие наизготовку, чтобы в случае необходимости дать залп в толпу союзников, и это — защищая безбожных коммунистов, красных большевиков, военнопленных, охраняемых законом.

Этот отрывок из генеральских мемуаров хорошо совпадает с моими собственными воспоминаниями.

Каждый волен так или иначе оценивать киевский поход Юзефа Пилсудского. На мой взгляд, это была тоже попытка вернуть Европу в истерзанные края".

Ежи Бордзиловский вернулся из польского плена в советскую Россию. Стал офицером Красной Армии, а в 1944 г. уже в чине генерала был делегирован в Людовое Войско Польское (польская прокоммунистическая армия, создававшаяся на территории СССР в 1943-1944 гг.), где занимал всё

более высокие посты вплоть до начальника Генерального штаба (1954-1965). Он оставался последним советским офицером польской армии до 1968 г., когда вернулся на свою советскую родину.

Добавим, что, как нетрудно заметить, он избежал печальной судьбы многих других красноармейцев, вернувшихся в 1920 г. из польского плена. Значительная их часть погибла в 1937-1938 гг., осужденная пресловутыми "тройками" (ОСО) как раз за то, что им удалось без ущерба вернуться из польских лагерей; этих коренных русских обвиняли в принадлежности к... тайной польской организации ПОВ, якобы действовавшей тогда в СССР. Доказательством могут служить хотя бы документы, обнаруженные майором КГБ Олегом Закировым в архивах смоленского УКГБ (см. публикацию его воспоминаний в №№9 и 12 "Новой Польши" за 2005 год и в №4 этого года).

Чтобы окончательно выполоть на нашем общем поле сорняки дезинформации, намеренно затемняющей смысл этой горестной истории, приведем один яркий пример.

В №11 нашего журнала за 2001 год мы напечатали воспоминания одной из таких жертв "большой чистки" — комиссара РККА Подольского (Н.А.Валдена), присланные нам его дочерью Натальей Подольской, заслуженной переводчицей и писательницей. Текст воспоминаний изобиловал жуткими описаниями мук и страданий пленных красноармейцев в польском плену в 1920 г, но в то же время явно показывал, что поляки не совершили и не планировали их массового истребления. В журнале "Наш современник" (2002, №5) его главный редактор Станислав Куняев обвинил "Новую Польшу" в манипуляции и сознательном искажении опубликованного текста. Наталья Подольская решительно опровергла это обвинение ("Новая Польша", 2004, №3), доказывая, что наша редакция не изменила ни слова в тексте, который она нам прислала по своей инициативе. Дочь автора лишь сократила для нашего тонкого ежемесячника боль-

шое повествование (помещенное в 1931 г. в "Новом мире" и в Польше практически недоступное), ни на йоту не изменив ни оценки описанных событий, ни политического звучания отцовских воспоминаний. Обвинять наш журнал в том, что мы поместили эти горькие, неприятные для польского самомнения и поразительно правдивые отрывки из воспоминаний военнопленного, а не весь текст целиком, — оскорбительная нелепость. В своей статье Н.Подольская привела ряд выдержек из воспоминаний отца, свидетельствующих о нередких проявлениях сострадания польского окружения к советским пленным. Она с возмущением оценила обвинения "Нашего современника" как не только ни на чем не основанные инсинуации, но и сознательную дезинформацию, натравливающую русского читателя на Польшу и поляков.

Мы считали, что тем дело и кончится и что сочиненьице Куняева "Шляхта и мы" — всего лишь выпад патологического клеветника. Однако, к нашему изумлению, то же самое, уже опровергнутое обвинение в манипуляции воспоминаниями Подольского появилось — притом как главный довод — в статье известного историка Геннадия Матвеева, напечатанной в московском журнале "Родина" (2004, №7). Автор приводит примеры мнимых искажений текста... редакцией "Новой Польши" (приводя, как правило, только отточия, т.е. доказательство сокращений) и совершенно не принимает во внимание свидетельства Натальи Подольской. При этом, подчеркнем, сам он пишет, что "Новую Польшу" продолжает получать. Разочаровался же он в журнале лишь после описанного случая (т.е. после публикации трехлетней давности, которую почему-то вспомнил теперь); в остальном он, видно, не нашел доказательств нашей русофобии. Выбирая одно из двух предположений: или господин Матвеев повторяет инсинуации Куняева с той же клеветнической целью, или он стал жертвой незнания и небрежности, — мы предпочитаем склониться ко второму из них, хотя историку такие методы работы и не к лицу.

Мы ждем, что профессор Матвеев исправит свою ошибку на страницах того же журнала, в котором он выдвинул ни на чем не основанные обвинения против "Новой Польши".

"Новая Польша" 5/2005

*

Однако все вышесказанное нуждается в дополнении из-за нашего неумения подбирать себе оппонентов.

Намного легче оказалось найти друзей. В них "Новая Польша" не испытывает недостатка — в этом нас убеждают приходящие к нам письма, а также доброжелательные отзывы таких людей, как В.П.Мастеров ("Московские новости"), проф. А.В.Липатов ("Вопросы философии, 2006, №7) или А.Н.Ермонский, опубликовавший свое мнение о нас в весьма требовательной "Иностранной литературе" (2006, №8). Приведу лишь одно предложение из статьи последнего: "Журнал этот не имеет ничего общего с печальной памяти "экспортными" изданиями, советскими и польскими, в которых крохи правды тонули в море пропагандистской лжи и пустословия".

Но вот с оппонентом нам не повезло. Вообще подобрать его — дело очень сложное. Каждому спортсмену хорошо известно, как важно найти противника, который знает английское выражение fair play и не наносит ударов ниже пояса. Он вовсе необязательно должен быть рыцарем — достаточно, чтобы он просто не жульничал. Нам, к сожалению, не досталось и такого. Когда имеешь дело с нечестным игроком, нельзя рассчитывать на успешный исход матча. Можно только надеяться, что твой противник забьет гол в свои ворота — причем на глазах у собственных болельщиков. На этот раз произошел именно такой редкий случай.

Мы вступили в полемику, связанную с т.н. "катыньским делом". Следует подчеркнуть, что речь идет о преступлении сталинской эпохи, совершенном по приказу Сталина и утвержденном сталинским Политбюро. Требования поляков выяснить все его обстоятельства никак не могут коснуться современных россиян — кроме разве что тех, кто считает русофобом каждого напоминающего им, что в результате сталинских репрессий погибло больше русских, чем во всех польско-российских войнах вместе взятых. Следует учесть и то, что в "Новой Польше" (которую я редактирую) политические полемики составляют лишь ничтожный процент текстов. Однако такие вопросы подобны сорнякам, которыми зарастает поле, разделяющее русских и поляков. Это должно быть поле взаимных контактов, обмена мнениями, встреч ради примирения, но, если не уничтожить эти сорняки, оно может навсегда остаться минным полем.

Итак, мы уже давно начали расследовать факты о Катыни и анти-Катыни в хорошей компании неоднократно упоминавшихся в этой книге благородных россиян. После выхода нескольких статей — таких, как вышеупомянутые воспоминания Вальдена-Подольского ("Новая Польша", 2001, №11 — прошу обращать внимание на даты!) или "Последняя загадка Катыни" моего авторства ("Политика", 08.04.2001) — главный редактор "Нашего современника" Станислав Куняев ответил нам на страницах своего журнала опусом под названием "Шляхта и мы". Сочинение это представляло собой чудовищный комикс обо всей истории Польши, написанный пером хмельного Козьмы Пруткова. Несмотря на то, что наши российские читатели и знатоки литературной жизни предостерегали нас от подобного легкомыслия, мы ответили, не подражая стилю оппонента и соблюдая умеренность. Так поступили как автор этих строк ("Как нам ужиться с Россией?", "Новая Польша", 2002, №9), так и проф. Анджей Новак ("Унтер-офицерская вдова", "Новая

Польша", 2002, №12). Наш оберполемист ответил очерком "Братец кролик в европейском и мировом зверинце"; уже один его заголовок растрогал нас классической смесью великодержавности с тем, что Ленин называл "комчванством". Очерк этот был напечатан в № 10 "Нашего современника" за 2003 год; чуть позже я объясню, почему эта дата столь знаменательна.

Впоследствии "Новая Польша" еще несколько раз писала о катыньском вопросе и судьбе советских военнопленных, однако мы старались предоставить слово российским авторам — таким, как Николай Гладких, Наталья Горбаневская, Олег Закиров, Юрий Красильников, Алексей Памятных, Владимир Сиротин, Александр Черкасов. Из польских полемистов высказался только профессор Новак, публикуя в №4 за 2005 г. "Десять вопросов" к российским историкам войны 1920 года; к сожалению, он до сих пор не получил ответа от специалистов в этой области.

Вместо них вновь отозвался Куняев. В его статье "Вы мне надоели" ("Наш современник", 2005, №10) я прочел, в частности, такие строки:

"Однако, почему с такой страстной неутомимостью злобствуют Помяновский и его журнал "Новая Польша", когда заходит речь о "Нашем современнике" и его главном редакторе? (...) Полемическая страсть Ежи, по моей догадке, есть некий его личный фрейдистский ответ на документальную повесть актрисы Маргариты Волиной, которую мы напечатали в десятом номере журнала за 2003 год. Волиной сейчас более 90 лет. Она до сих пор живет в Москве".

Единственная правдивая деталь в приведенном высказывании — это факт публикации в журнале Куняева избранных фрагментов текста, который редактор называет документальной повестью.

Действие ее происходит в конце минувшей мировой войны. В числе прочих действующих лиц там появляется отталкивающий молодой поклонник актрисы, который оказы-

вается не только вероломным лжецом, но и польским националистом, что доказывают, например, такие его измышления: "Сталин и Гитлер разорвали Польшу... С общего согласия... А через два года Гитлер и вашу половину схапал..." Этот субъект так морально и физически отвратителен, что читатель не может понять, что заставляло героиню на протяжении нескольких лет общаться с ним без всякого принуждения. Зовут его Ежи Поляновский.

С автором этой повести я действительно был знаком больше 60 лет тому назад. Могу лишь сказать, что весть о ее недавней смерти я воспринял с глубоким сожалением.

Сейчас не имеет значения, сколько в ее повести женского разочарования, а сколько редакторской манипуляции. Важны только два несомненных факта.

Во-первых, прибегать в политической дискуссии к аргументам ad personam просто-напросто непорядочно и неприлично. Прозрачный камуфляж фамилии противника для его диффамации — деяние наказуемое. А уж использование интимных признаний дамы преклонных лет с подобной целью дает основания утверждать, что наш бывший оппонент, как говорят нынче в России, — человек нерукопожатный.

Во-вторых (и это более важно) — Куняев лжет, причем делает это открыто, перед лицом всех читателей своего журнала. Он утверждает, что причина спора с ним, причина, по которой так "злобствуют Помяновский и его журнал", — это желание отомстить за публикацию повести М.Г.Волиной. Повесть была напечатана в №10 "Нашего современника" за 2003 год. Между тем сочинение Куняева "Шляхта и мы", давшее нам повод для обострения полемики, было опубликовано в майском номере его же журнала за 2002 год. Явная ложь не изменит дат и фактов. Хронология нашей полемики изложена в этом очерке черным по белому.

В полемике этой мы не только защищали вопрос Катыни от забвения, а историю Польши от злонамеренной ин-

терпретации. Мы защищали также доброе имя российской публицистики, которое подмастерья дезинформации пятнают и содержанием своей клеветы, и даже тем, как неумело они ее фабрикуют.

Куняев увенчал свои рассуждения упреком собственному правительству в том, что оно позволяет распространять "Новую Польшу" на территории Российской Федерации. В подтверждение своих слов он привел множество вырванных из контекста и искаженных им цитат, приписывая нашей редакции чужие взгляды. Приведенные Куняевым примеры наших злодеяний имеют ту же ценность, что и брехня о причине нашего спора. Их цель — натравить русских на Польшу — по всей видимости тоже окажется недостижимой. Россия — страна, богатая не только всеми элементами таблицы Менделеева, но и равными ему талантами. Если она будет считаться с их компетентным мнением, ей будут обеспечены и новые таблицы, и новое уважение в мире, начиная с ближайших соседей. В заключение позволю себе привести отрывок из очерка профессора Липатова, свидетельствующий о том, что думают о некоторых из этих соседей наделенные воображением россияне:

"Помяновский терпеливо и последовательно предлагает полякам и русским совместный путь установления взаимопонимания, что резко отличает его от надрывных взываний по ту и другую сторону границы к очередному утверждению идеологической "правоты" и твердокаменной "незыблемости" очередных "национальных идей", творимых очередными — как их некогда нарек Аксаков — квасными патриотами".

"Новая Польша" 5/2005

ЧАСТЬ 4

У ПОРОГА

Биолог Алексей Дмитриевич Сперанский, опальный ученик и истинный последователь академика И.П.Павлова, предупреждал своих студентов, чтоб они не тратили времени на мечты о прекрасных перспективах исследований, а принимали во внимание только возможные препятствия и опасности. Успех придет, если не терять смелости. Хоть я и недолго был в числе его слушателей, а предостережения эти запомнил. Поэтому прошу прощения за то, что посвящу эти заметки не светлому будущему, а теням века сего, тянущимся за нами, как мародеры за армией, и что прибегну при этом к определениям, взятым из языка медицины — моей первой, честной профессии.

Речь идет о последствиях — хронических осложнениях и метастазах — некоторых идеологий, ставших сущей чумой этого столетия. Нельзя, чтобы они затянулись на следующий век — хватит того вреда, свидетелями которого мы были. Были и в Польше, хотя не тут началась эпидемия. Но Польша обладает той печальной привилегией, что болезни нашего континента отражаются на ней сильнее всего. Она стала как бы locus minoris resistentiae Европы, что в данном случае означает не точку наименьшего сопротивления, а наиболее травмированное место. Словно старая рана, отзывающаяся болью при каждом новом недомогании. Через Польшу прокатились почти все войны, и в ее земле покоится больше всего жертв.

В лексиконе Наполеона не было клейма страшнее, чем "идеолог". И его можно понять. Он был свидетелем эксцессов и результатов идеологии того самого переворота, о котором его соотечественник Токвиль так писал в 1858 г.: "В болезни, именуемой "Французская революция", я ощущаю

присутствие чего-то особенного... какого-то неизвестного возбудителя совершенно нового вида. Внезапные революции случались в мире и раньше. Однако в общественных движениях минувших веков не сыскать примера такой неумеренности, как у наших революционеров, такого насилия и такого радикализма — отчаянного, мужественного, почти бешеного, но в то же время мощного и эффективного..."

То, что наш век принесет веку грядущему, требует значительно более резкой оценки. В истории трудно найти пример столетия, в котором столько жертв, страданий, разрушений и разочарований было бы принесено практическими выводами из теоретических посылок, из идеологии. Не столкновение материальных интересов, не голод, не насущные нужды вызвали эти ужасающие преступления и потери, а та или иная идеология, т.е. плоская проекция некодоктрины, ставящей своей целью, разумеется, благо человечества. Или, по крайней мере, благо собственного народа.

Это не значит, что вслед за Наполеоном слово "идеолог" следует считать ругательством. Но никакой Наполеон, никакой кодекс, никакая конституция не помогут, если все мы не поймем, какими опасностями чреваты отдельные идеологии и все черно-белые схемы.

Меня преследует мысль, что в новое столетие могут перекочевать и заразить его те три напасти, которые больше остальных заслужили остаться за его порогом. Речь при этом идет вовсе не об памятниках идеям, не о милой сердцу старине, а о грязном хламе. Они и изобретены-то не в XX веке, однако именно в этот век нашли больше всего самых безжалостных и бездумных сторонников. Никогда ранее в арсенале этих людей не было таких поражающих средств и способов воздействия.

Первая из этих напастей — идея жизненного пространства, Lebensraum'a, якобы необходимого ради могущества государства, прокормления нации и полного развития ее энергии. С сотворения мира идея эта вела за собой властите-

лей и военачальников, обосновывала право на завоевания и оправдывала национальный эгоизм. Более того, в течение долгих веков ее, казалось, объясняла беспомощность экономики, фактическая слабость средств производства, реальная нужда в завоевании все новых и новых пространств под поселения и посевы; по крайней мере, так считали завоеватели. Но вот именно в нашем столетии произошла новая промышленная революция и такими мощными стали технические средства, что они позволяли отказаться от дедовского экстенсивного хозяйства и перейти к новым, интенсивным методам хозяйственного использования земли, сырья, ресурсов и рабочей силы. Но даже это не изменило бы картины мира, если бы не политическая необходимость. Одни расстались с завоеваниями, колониями, отказались от империй, проиграв войну, другие — из-за стремления подданных к независимости, и все — потому что вдруг выяснилось, что это не окупается.

Все ли? То-то и оно, что не все. Идеология Lebensraum'a, основанная на геополитическом предположении, что в старой доброй географии таится дьявольский фатализм, научно обоснованная шведом Кьелленом и немцем Ратцелем, получившая развитие в трудах Карла Хаусхофера (этого отца пакта Риббентропа — Молотова), отвергнутая и забытая в Германии, нашла убежище и ярых сторонников в России. Здесь она стала стержнем идеологии национал-большевизма, т.е. сплава черной и красной сотни. Хуже того, идеология эта, как уже сказано, заразна, так как по сути представляет теоретическую базу и те политические силы, которые пользуются своим влиянием в громадной стране для того, чтобы вырыть из могилы труп Советского Союза и поставить его на ноги ради того самого замысла, который совсем недавно довел их государство на край катастрофы.

Здесь проблема превращается в жизненно важный для Польши вопрос. Нам не все равно, будет ли и дальше эта идеология наносить ущерб России и бывшим союзным республикам. И нет для нас опасности больше этой.

Кто держал в руках книгу вашего покорного слуги "Русский месяц с гаком", мог заметить, что я не советую чего-то от России требовать или чем-то угрожать ей. Зато я считаю, что всем нам пригодилось бы своего рода говенье. Мне представляется это в форме совещания самых опытных политиков и ученых из всех стран, которые со вздохом облегчения избавились от былых завоеваний и колоний, а теперь и благоденствуют, и совесть у них чиста. Пусть они расскажут русским — пригласив их как можно больше, — о том, что приобрели их страны, оставив в покое свои Эстонии и Украины, и предоставив им свободу выбора. Я, пожалуй, не знаю другой темы, которая больше подошла бы для срочного совещания виднейших ученых и политиков России и Запада.

Вторая напасть, которой нельзя дать переступить порог нового века, — идеология коллективной ответственности и вины.

Этот вопрос требует более пространного рассмотрения, чем то, какое мы можем здесь себе позволить. Тому есть несколько причин, две из которых (менее важные) следует объяснить сразу. Во-первых, подспудно эта идеология исповедовалась и у нас, так как она очень удобна. Она позволяла смотреть сквозь пальцы на грехи и подлости, творившиеся во время насильственной высылки немецкого гражданского населения с западных земель Польши. Инициатива польских епископов от 1964 года, ставшие знаменитыми слова: "Мы прощаем и просим прощения", — которыми заканчивалось их письмо к немецким епископам, инициатива эта была не только самым важным шагом в отношениях с соседями, но благодаря ей пример Польши всегда будет упоминаться в мировой истории как свидетельство того, что великодушие и порядочность окупаются и в политике. Тем не менее до сих пор идея коллективной ответственности позволяет многим из нас мириться как с самим принципом, так и с той мстительностью, с которой была проведена операции "Висла" — массовое пере-

селение польских украинцев, проведенное в 1947 г., после боев с УПА. Часть людей выпихнули даже за восточную границу Польши, где их ждали сибирские лагеря. Исправление этой несправедливости — необходимое условие наших тесных и равноправных отношений с независимой Украиной, а пора наконец понять, что и эти отношения, и эта независимость — условие польской независимости. Другой щекотливый момент этого дела состоит в том, что даже такие выдающиеся мыслители, как Лешек Колаковский и Ежи Едлицкий, усматривают положительные стороны в идеях коллективной ответственности. Прежде, чем в другой раз объяснять, почему я таких сторон не вижу, спрошу читателей: знаете ли вы, как в четыре утра, в час истины, выкручивается тот, кому не дает спать воспоминание о том, как он давеча бросил гранату в магазин, где было полным-полно баб с кошелками? А очень просто: ему в голову приходит, что эти женщины не были ни в чем не виноваты, так как принадлежат к народу, классу или расе, которые в чем-то провинились перед его народом, классом или расой. И только он так подумает, как тотчас поворачивается на другой бок и спокойно засыпает.

Тот же проклятый принцип позволяет, с другой стороны, армии, полиции и добровольным палачам мстить целым народам за террористические акты, действительные или мнимые, совершаемые отдельными людьми. В XX веке эта идея расцвела, и ее мертвыми плодами падают человеческие головы на Балканах или на Кавказе.

У третьей напасти история покороче, зато она еще ближе касается Польши и для ее будущего имеет решающее значение. Речь идет о презрении к интеллигенции как социальной группе и к интеллекту, абсолютно необходимому для жизни в цивилизованном мире.

Признаюсь, что, давно привыкши к кровавым сенсациям, которыми живет западная печать, настоящее потрясение я испытал, только прочтя в газете "Жечпосполита" статью физи-

ка проф. Лукаша Турского о перспективах научных исследований в Польше. Жалкие, определяемые долями процента бюджетные ассигнования на эти цели, сопоставление этих цифр с декларируемой всеми без исключения политиками заботой о будущем Польши — вот что трудно перенести и забыть. И речь идет даже не о заработках учителей и врачей. Особую горечь вызывает то, что власти считают приводимые проф. Турским мнения и цифры, разумеется, справедливыми, но ничего не значащими по сравнению с притязаниями таких групп, как крестьяне или шахтеры, которые оказывают влияние на результаты выборов и политические карьеры. Это, впрочем, традиция, сохранившаяся с коммунистических времен, когда голоса избирателей ничего не значили. Вся культура была отнесена к надстройке, призванной укреплять не столько материальную базу, сколько господствовавшую в ПНР доктрину. После стыдливого избавления от остатков доктрины ненужными были объявлены все, из кого стремились сделать ее адвокатов и декораторов. Между тем будущее страны зависит как раз от этого слоя. Находящаяся в первой тройке мировых экономических лидеров Япония не обладает сырьем, зато в ней 240 университетов, где растят отнюдь не узких специалистов, а настоящих интеллигентов. Не один проф. Турский твердит сегодня, что строить "вторую Японию" (как хотел Валенса) — для нас не выход, потому что нам надо сразу, немедленно перешагнуть в послезавтра и инвестировать не в промышленные и сельскохозяйственные "заповедники", а в те отрасли, которые в грядущем столетии будут определять успехи страны.

Этот грех презрения ярко проявился в ходе кампании перед конституционным референдумом. Принимавшие в ней участие партии широко пользовались антиинтеллектуальной и антиинтеллигентской аргументацией. Похоже, 60% имеющих право голоса не пошли голосовать прежде всего потому, что поляки не любят, чтобы их считали дураками.

Фрейд утверждал, что культура — это сумма угрызений совести. В самом деле, что еще могло бы помешать нам

пользоваться таким в высшей степени естественным правом, как право попустительствовать своим агрессивным, кровожадным, скотским инстинктам? Но стоит также вспомнить, что культура — это искусство преемственности, наследования. Польское наследие неоднородно — надо выбирать. А выбор всегда тот же самый, хоть и меняются названия двух основных долей в этом наследстве. Для простоты я говорю о выборе между обывательской традицией и интеллигентской — не будем спорить, насколько точны эти термины, каждый и так понимает, о чем речь. Неправда, будто бы то, что "умники" и "космополиты" называют обывательщиной, — на самом деле комплекс наших характерных черт, родимых, собственных, национальных, определяющих польскую самобытность. Эту самобытность в самые тяжелые эпохи спасали интеллигенты. Их предшественники, воспитанники школ, созданных в самом конце XVIII века, перед последним разделом Польши свящ. Конарским и созданной им Комиссией народного образования (первым в Европе министерством просвещения), пансионеры университетов, возрожденных Коллонтаем, Почобутом, Снядецкими, Сташицем, Потоцким*, спасли и сохранили Польшу — незримую на карте, но по-прежнему сущую в том, что останется от Европы, просеянной через сито исто-

---

* **Хуго Коллонтай** — священник, философ, писатель и политик, участник Комиссии народного образования и других педагогических начинаний, один из основателей знаменитого Кременецкого лицея, реформатор и ректор Краковской Академии, соавтор первой в Европе польской конституции.

Мартин Почобут-Одляницкий — член ордена иезуитов, астроном, математик, ректор Виленской Академии, реформатор школ в Литве.

Ян Снядецкий — математик, астроном и философ, профессор университетов в Кракове и Вильне, член Петербургской Академии наук.

Енджей Снядецкий, младший брат Яна, — врач, естествоиспытатель, философ, педагог и публицист, профессор Виленского университета.

Станислав Сташиц — священник, философ, политик, публицист, деятель народного образования.

Станислав Костка Потоцкий — политик, писатель и публицист, министр религиозных вероисповеданий и общественного образования Царства Польского.

Деятельность всех названных относится ко 2-й пол. XVIII — началу XIX вв.

рии. Их потомки времен гитлеровской оккупации в подполье не только занимались военной подготовкой и создавали тайные государственные органы, но и сдавали экзамены на аттестат зрелости, защищали диссертации, спасали библиотеки и коллекции, играли в домашних театрах, тайком писали книги, издавали нелегальные газеты, а главное, до войны они были учениками замечательных польских педагогов — Венцковского и Корчака, Котлярчика и Соляжа, учились в хороших школах, обучавших независимому мышлению и в фабричной Лодзи, и в деревушке Гать-Пшеворская (где в 20-е годы действовал Народный университет), и все они вышли из захолустья в большой мир. Это о них, о старой и новой интеллигенции, о ее неоценимой роли говорил в краковском костеле Св. Анны выпускник гимназии в Вадовицах Кароль Войтыла: ""Служение ума", о котором я говорю, — по сути не что иное, как служение истине в миру. Каждый интеллигент, вне зависимости от своих убеждений, призван, руководствуясь этим возвышенным и нелегким идеалом, играть роль совести, критически относящейся ко всему тому, что угрожает человечности или уничижает ее".

Потом он еще раз подошел к микрофону, чтобы сказать одну лишь фразу: Magis ratio quam vis, которую можно перевести двояко: "Разум важнее силы" или: "Лучше быть правым, чем сильным". По существу это одно и то же.

"Новая Польша" 4/2000

ЧАС ИСТИНЫ ПРОБИЛ НА НАШИХ ЧАСАХ...

Я не считаю, что дата 11 сентября 2001 г. является переломной и уж наверняка не воспринимаю ее как день триумфа террористов. Смертоносные акты разрушения, совершенные девятнадцатью смельчаками в Нью-Йорке и Вашингтоне, стали операцией, которая закончилась провалом. Они не только не достигли своей цели, но, наоборот, вызвали последствия, полностью противоположные намерениям как исполнителей, так и (что еще важнее) их духовных вождей. Дело в том, что они вовсе не намеревались уничтожить два здания или даже умертвить несколько тысяч маклеров, бухгалтеров, клерков и уборщиц. Стратегическая цель этой операции, цель, имевшая решающее значение для возможности любой последующей атаки, была иной: вынудить США к изоляции от всего остального, разрываемого конфликтами мира, к уходу с удаленных от Америки театров политических действий, к отказу от предоставления союзникам необходимой им помощи. Этой цели они не достигли.

Американцы не вернулись к старой доктрине изоляционизма. А ведь еще накануне обеих мировых войн она казалась спасительным выходом большинству населения США и была неотступным кошмаром для президентов Вильсона и Рузвельта. Те, кто планировал нападение на Всемирный торговый центр и Пентагон, наверняка рассчитывали на эту инстинктивную реакцию большинства. Но уже 12 сентября оказалось, что они жестоко просчитались. Именно эту дату и можно признать переломной.

Поразительный, ибо почти единодушный, дух протеста перед лицом наглого вызова, подлинный патриотический порыв охватил миллионы людей, которые были гражданами самого разнородного в мире общества, потомками иммигрантов, прибывших сюда со всех уголков планеты.

Башни-близнецы ВТЦ принадлежали управлению Нью-Йоркского порта. Того самого порта, где с октября 1886 г. отцов этих иммигрантов встречала статуя Свободы, на цоколе которой было впоследствии выгравировано стихотворение Эммы Лазарус. Обращенное к Старому Свету, оно может показаться верхом высокопарности: Отдай мне всех, отринутых тобой, — изгоев, нищих, сломленных судьбой, усталых, жаждущих расправить грудь, — дай плевелы мне с тучных нив твоих: раскрыв объятья, я встречаю их, и светоч мой им озаряет путь.

В течение почти ста лет мало кто обращал внимание на эту надпись; вновь прибывшие в своей массе не могли ее даже понять. В сентябре 2001 г. эти слова оказались — что случается в истории редко — конкретным и действенным призывом. Американцы повели себя как единая сплоченная нация. Они мгновенно осознали, что нанесенный им удар был по сути своей направлен в самые основы всей западной системы, в глубинные корни ее превосходства. Как всем известно, это право на свободный обмен товарами и идеями. Во имя этого права американцы приняли вызов и вступили в борьбу, для которой не существует границ и которая не может быть сведена к классической самообороне.

Однако, как это уже бывало не с одним выигранным сражением, у победителей не было стратегии, позволяющей выиграть войну, то есть исключить новые угрозы. Известно, что, как правило, в каждой новой кампании генералы используют оружие и тактику, годящиеся только для войны вчерашнего дня. А здесь вообще любые виды оружия, которые можно использовать на поле сражения, оказались неприменимыми.

Да, Афганистан перестал быть открытым полигоном аль-Каиды. Да, Израиль пока что сражается за свое существование только с палестинцами, а президент Буш не собирается ехать в Мюнхен. Союзники США незамедлительно заявили о своей поддержке. Более того — так же поступил и

Путин. Даже полковник Каддафи выплачивает компенсации семьям погибших в самолете, взорванном над Локерби.

Все это правда. Но не только в Америке миллионы людей не могу спать спокойно от страха перед новыми покушениями. Вернее, не столько от страха, сколько от бессильной злости, что в перспективе не видно никакой возможности ни бороться с террором, ни отбить у противника саму охоту использовать это оружие — так, как это удалось сделать с ядерным оружием, несмотря на факт, что им уже владеет столько государств.

Применяемые методы борьбы с терроризмом не оказали никакого заметного влияния на масштабы и живучесть этого явления. Не помогли бомбардировки пещер Тора-Бора самолетами с наземных аэродромов и авианосцев. Не изменят сути дела и бомбардировки Ирака, если на место кровавого диктатора в мундире станет какой-нибудь фанатичный мулла. Не прекращают самоубийственных терактов палестинские смертники, и по-прежнему раздаются угрозы в адрес США. Что еще важно отметить — в Европе ширится тихая паника.

Ее симптомами стали страусовы попытки спрятать голову в арабские пески, повернувшись задом к Израилю; достаточно присмотреться, как телевидение европейских стран, включая польское, мимоходом сообщает об актах палестинского террора и всячески выдвигает на первый план ответные карательные меры Израиля. Малодушное заискивание лишь способствует новым терактам. Где? В точках наименьшего сопротивления, что вполне логично.

Впрочем, никакая стена не спасет евреев от шахидов — "мучеников за веру". А проникновения их собратьев в США из либеральной Канады не предотвратить даже стократным увеличением численности пограничной охраны; пока что 6 тыс. километров этой границы охраняют всего лишь 346 (!) американцев и несколько сотен канадских "красных мундиров".

Становится все яснее, что требуется не новое оружие, а новая стратегия, да, пожалуй, и новый взгляд на само явление терроризма и возможности борьбы с ним.

Пока специалисты ищут решение этой проблемы, стоит обратиться к обыкновенному здравому смыслу. Здравый смысл в таких случаях подсказывает, что нужно пытаться защищаться, выбивая оружие из рук противника или, по меньшей мере, затрудняя его применение.

Я не верю, что эта задача невыполнима. Однако при этом необходимо точно определить, кто этот противник и каковы мотивы, ради которых он решился использовать это оружие — оружие терроризма.

* * *

Терроризм вполне заслуживает того, чтобы причислить его к "оружию массового поражения", ибо он принял те формы, с которыми мы сегодня имеем дело. Целью террористов всегда было воздействие на настроения широких масс населения с помощью отдельного убийства, покушения, похищения. Однако уже на протяжении некоторого времени предметом смертоносных покушений стали сами эти массы. Терроризм поражает всех, без разбора.

— Ну, это уж слишком! — слышатся мне голоса несогласных. — А война? Разве на войне не гибнут неисчислимые массы женщин, детей, стариков, жителей городов в глубоком тылу, одним словом, гражданского населения, случайных лиц? Выходит, солдаты — это террористы?

Это правда, в войнах погибли десятки и сотни тысяч гражданских лиц. Хиросима, Нагасаки, Дрезден — что означают эти названия, учат в школах. Но лишь немногие долгожители да еще прилежные читатели старых газет знают, какой ужас и изумление вызвало осенью 1914 г. сообщение, что немцы подвергли артиллерийскому обстрелу спокойный польский городок Калиш. США объявили войну Германии

после того, как немецкая подводная лодка торпедным залпом затопила пассажирский пароход "Лузитания". Еще во время гражданской войны в Испании налет эскадрильи "Кондор" на мирное селение Герника привел в негодование не только Пабло Пикассо и поклонников "красной республики". Да что там: уже шла Вторая мировая война, когда налет немецкой авиации на тихое Ковентри послужил союзникам толчком к началу ковровых бомбардировок немецких городов. А дальше уже пошло-поехало.

Долгое время убивать на войне гражданское население в Европе было не принято. После Тридцатилетней войны (1618-1648) население не оборонявшихся городов щадили; живое население было в цене, а голландский правовед Гроций своим трудом "О праве войны и мира" (1625) заложил основы международного права. Сегодня военные вновь стараются доказать, что жертвы среди ни в чем не повинного гражданского населения — это отнюдь не правило, органически присущее каждой войне, а что-то вроде "несчастного случая на производстве". В подобном тоне были выдержаны все сообщения из Югославии и Афганистана.

Но массовое убийство как метод терроризма принадлежит к явлениям сравнительно новым. Оно не входит в арсенал даже самых крайних противников любой власти, считающих ее всего лишь монополией на применение насилия.

В марте 1921 г. четверо молодых итальянских анархистов подложили бомбу под двери квартиры квестора полиции Милана, приказавшего арестовать Эррико Малатесту, их идеолога. Взрыв разналичия совести даже в самой подленькой душонке. Концепция коллективной ответственности, несомненно, относится к подобного рода оправданиям.

Разумеется, есть и у нее вполне достойные противники. Достаточно вспомнить хотя бы римское право, признающее только личную ответственность за всякую доказанную вину. Дискриминация подсудимого в связи с его расой, вероисповеданием, цветом кожи разрушает самую основу этой системы:

равенство всех перед лицом закона. Луи Арагон весьма знаменательно озаглавил свою новеллу о временах гитлеровской оккупации: "Римского права больше нет". Чтобы вернуть атмосферу тех времен и соответствующие порядки, достаточно начать с введения принципа коллективной ответственности.

Ухищрения, к которым прибегают сторонники этого принципа, вызывают и смех, и ужас. Усама-бен Ладен заявил, что все американцы заслуживают гибели, потому что платят налоги. Получается, что к невиновным относятся лишь те, кто подделывает бухгалтерские документы или торгует наркотиками. Были попытки объяснить недавний погром армян в подмосковном Красноармейске тем, что это "лица кавказской национальности". А между прочим, как раз Армения — единственный надежный союзник России на Кавказе. Те, кто восхищается несчастными смельчаками — отдающими свою жизнь за то, чтобы умертвить как можно больше пассажиров еврейского автобуса, — называют палестинских шахидов наследниками японских камикадзе. Однако камикадзе направляли свои самолеты и собственные тела в авианосцы, переполненные не женщинами и пейсатыми хасидами, а моряками и пилотами, находящимися на действительной военной службе. Если шахид и подражает кому-либо, то скорее библейскому Самсону. Только вот незадача: Самсон, как ни крути, был евреем, который уничтожил вместе с собой целое здание с врагами-филистимлянами, предками современных палестинцев...

* * *

Если мы признаем, что идея коллективной ответственности — необходимая движущая сила терроризма, то не имеет особого смысла сваливать всю вину за преступления аль-Каиды на ислам. Разумеется, в Коране можно найти строки, которые оправдывают резню невиновных: "Нет на мне вины за их убиение, ибо были они связаны с теми, кого убить над-

лежало". Сразу видно, что все зависит от того, как мы интерпретируем слово "связаны". Но тот, кто захочет, найдет там и прямой запрет самоубийства или такие недвусмысленные заповеди, как "Нет принуждения в вере", а также припомнит, что все суры Корана начинаются словами: "Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!". Все зависит от того, кто чего ищет. Как это бывает и с нашим Священным Писанием.

Вряд ли можно сомневаться в том, что изворотливые руководители аль-Каиды вполне инструментально относятся и к Корану, и к податливому "человеческому материалу". В чем-то, безусловно, правы те экономисты, которые выдвигают тезис о соперничестве закоснелого западного капитала с молодым ближневосточным, разъевшимся на нефтедолларах и ищущим новых возможностей инвестирования.

Во всяком случае, пример аль-Каиды достаточен, чтобы опровергнуть тезис о терроризме как последнем прибежище обездоленных. Из девятнадцати сентябрьских террористов только один оказался палестинцем, без родины и состояния, тогда как подавляющее большинство остальных были подданными Саудовской Аравии — страны, население которой вряд ли можно назвать бедствующим. Вся операция обошлась в кругленькую сумму, но бен Ладен не испытывает недостатка в средствах, чтобы строить дальнейшие планы и намечать новые цели.

* * *

Все эти констатации никак не влияют на существующее положение вещей: Запад ждет нового удара, руководители аль-Каиды по-прежнему на свободе, у них есть деньги и полигоны, где они могут, не подвергаясь опасности, готовить будущих смертников-исполнителей новых операций. Их политические планы идут гораздо дальше, чем намерение сбросить всех евреев в море, а всех мусульманских женщин окутать чадрой. Однако исполнителями этих планов, решающи-

мися на столь чудовищную жертву, движет отнюдь не стремление к земным благам. Движущие ими мотивы все-таки дают им ощущение морального комфорта — а это фактор весьма существенный. Не будем заниматься досужими рассуждениями из области психопатологии. Если считать шахидов людьми нормальными и в основном неглупыми, то стоит задуматься, что мы можем этим мотивам противопоставить.

Итак, во-первых, шахид получает освобождение от моральных запретов, то есть от угрызений совести за совершение греха — как убийства, так и самоубийства. Это освобождение дает ему не столько вера, сколько гремучая смесь ее заповедей с приказом обожаемого вождя. Вождь несет на себе бремя принятия решений. Бен Ладен наверняка обладает достаточной харизмой, так что его физическое устранение мало что изменит. Нужно будет дождаться еще одной малости-отделения государства от мечети. Редко когда в истории ислама светская и религиозная власти были так едины, как в Иране после революции 1979 г., а еще вчера — в Афганистане под властью талибов. Совершенно иначе обстояло дело в Кордовском и Багдадском халифатах, чему можно приписать непревзойденный расцвет их экономики и культуры, впоследствии затормозившийся на целые столетия скорее из-за суровости религиозных запретов, нежели из-за военных поражений. К сожалению, этот вариант — терпеливое ожидание перемен-может представлять интерес только для наших внуков.

Во-вторых, шахид ощущает свою глубокую правоту: он уверен в том, что поступает правильно, отдавая жизнь за правое дело. Ему внушают, что у него просто нет иного выхода и нет иного врага. Лев Толстой говорил, что нельзя больнее задеть человека, чем сказать ему: я живу по правде, а ты — по лжи. Поэтому у шахида остается последняя капля надежды, что его единственная правота и готовность пожертвовать за нее собственной жизнью в конце концов откроют глаза всему остальному миру и уничтожат врага. Гордыня становится последним подспорьем смертников.

Вряд ли можно рассчитывать на то, что нам удастся переубедить тех, кто находится по другую сторону линии фронта. Все наши рассуждения об идее коллективной ответственности как общем знаменателе всех видов массового террора останутся пустым звуком для тех, кто уже считает себя мертвецом. Но мы можем и должны вырвать у них из-под ног главную опору — уверенность в своей правоте, в справедливости своего дела. И сделать это нужно па глазах у всего мира — в присутствии их соотечественников, почитателей и неумышленных союзников. Имеющие уши — услышат.

В-третьих, шахид купается в упоительном ощущении успеха уже проведенных другими операций. Это ощущение ему дают не сообщения его командования, не голоса восхищения друзей и соплеменников, но голоса, доносящиеся из стана врага. Уже сами проявления ужаса, который охватывает врагов после удавшегося теракта, возбуждают в нем вполне понятную гордость. А что же говорить о тех минутах, когда он видит людей, которые этим терактом только что не гордятся, которые ведут себя как враги их общего врага?

Он видит их на экране своего телевизора. И я вижу, как он сидит перед этим экраном — аккуратный, сосредоточенный, готовый в любую минуту отправиться на выполнение задания-и видит в новостях Си-эн-эн или "аль-Джазиры" кареты "скорой помощи", заполненные кровавыми ошметками, пожарников, похороненных под развалинами, и сразу же после этого — демонстрантов, жгущих флаги США, Израиля и той страны, где только что пролилась кровь. Быть может, ему довелось увидеть кадры, снятые в Генуе, где гигантская толпа демонстрантов пыталась силой прорваться через кордон полиции к месту заседаний "большой восьмерки", где собрались, кстати, главы государств и правительств, выбранных вполне демократически, и в основном социалисты. Быть может, он слышал тогда, как идол итальянских антиглобалистов Лука Казарини кричит, что нужно поразить врага в самое сердце, уничтожить центр. Все это происходило летом 2001 года, неза-

долго до нападения на башни ВТЦ. Наш кандидат в смертники наверняка знал, что демонстранты кричат, бьют полицейских и что один из них погибнет в этом сражении вовсе не потому, что все они были подосланными агентами бен Ладена. Он хотел — и, вероятно, должен был — видеть в них своих стихийных союзников, не отдающих себе в этом отчета, но если бы он изучал труды Ленина, то наверняка вспомнил бы убийственное определение вождя мирового пролетариата — "полезные идиоты". Он ломал себе голову, отчего среди них столько молодых активистов всевозможных левых движений, искренне озабоченных сговором агентов капитализма — Блейра, Жюспена, Шредера, а вдобавок и Путина, — если режим, за который сражается он сам, режим талибов, есть не что иное, как фашистская теократия. Наверняка его меньше удивляли демонстрации "нацболов" в Москве, которые называют друг друга "партайгеноссе", но он с облегчением переставал удивляться, когда осознавал, что всех этих, таких разных людей объединяет самое главное — антиамериканизм. И что антиглобализм для большинства из них — лишь удобный псевдоним этой ненависти. Они мечутся в поисках хоть какой-нибудь идеологии а он спокоен: у него есть пластиковая взрывчатка.

И теперь, когда он войдет в автобус, в кафе или в лифт небоскреба и увидит рядом с собой знакомое лицо, промелькнувшее на экране телевизора, лицо молодого и искреннего пацифиста из Сиэтла, или анархиста из Каррары под Генуей, или приверженца "зеленых" из Порту-Алегри — он не будет колебаться, как Каляев. Он знает: все они виновны. Все они несут коллективную ответственность — по крайней мере за то, что все еще далеко до окончательной победы над ними самими. То есть — над нами.

Так сделаем же все возможное, чтобы прав он был только в этом.

"Жечпосполита" 07/ 09 2002

ХЛЕБ ИЗ МЕЙШАГОЛЫ

Под конец века в Польше было столько траура, один за другим уходило такое множество выдающихся людей, что можно опасаться, как бы в сутолоке имен и неразличимых похвал не забылись, не затерялись как раз те исключительные черты и заслуги, которые сделали Гедройца явлением беспримерным.

Мало того, что за 54 года эмигрантской жизни во Франции он издал 636 номеров самого серьезного в истории нашей — а может, и не только нашей — печати журнала и сотни томов "Исторических тетрадей", без которых наша новейшая история была бы для грядущих исследователей минным полем. Мало того, что он напечатал на польском свыше 500 томов библиотеки "Культуры" — важнейших книг XX века, в том числе массу произведений русских и украинских диссидентов (некоторые, как Синявский и Даниэль, посылали свои рукописи прямо в руки этого поляка). Мало того, что своей одинокой жизнью, полностью посвященной бескорыстному труду, он подал чрезвычайно редкий в Польше пример. Сверх всего этого он еще показал, что прав был Честертон: истинный патриот не может быть доволен своим отечеством. Гедройц был прямой противоположностью шовиниста; если он чего-то не переносил, так это сарматского пустозвонства. Но мало кого из своих соотечественников он не пускал на порог, признавая лишь один вид искупления грехов — отрабатывать их, пока ты жив. Он был не только великодушен и щедр, но и экономен: терпеть не мог польской привычки разбрасываться талантами. Он становился на защиту талантов как раз тогда, когда их хотели очернить, растоптать, зажать им рот. Если бы не эта его монаршая совестливость и опека, у нас, наверное, не было бы ни "Порабощенного ума" Милоша, ни "Трансатлантика" Гомбровича.

Более того — он предпринял такие шаги, что после них никто не имеет права вернуться на путь, по которому

Польша шла от одного достославного поражения к другому. Здесь я скажу лишь о нескольких предприятиях Гедройца — о тех, которые могут стать решающими для политического будущего Польши, если указания редактора "Культуры" дождутся более широкого понимания и продолжения.

*

Гедройц и его "Культура" были теми, кто придал форму и яснее всего указал цель стихийным элементам бунта, назревавшего в обществе ПНР. Свободные дискуссии и программные статьи в журнале Гедройца предварили появление программ тайной оппозиции на родине. Не без причины режим счел этот журнал главным органом подрывной деятельности и атаковал его перьями своих лакеев. Читатели "Культуры" были теми, кто укрепил продуманными требованиями канон лозунгов стихийных рабочих мятежей. Несомненно, не кто иной, как они, содействовали возникновению именно в Польше необычайного, мифического феномена — сотрудничества рабочих с интеллигенцией. Исторически это продолжалось недолго, но именно в это недолгое время и можно было подписать Гданьское соглашение в августе 1980-го и посадить за "круглый стол" правительство и оппозицию в 1989-м... Программы других центров польской оппозиции считали такой союз утопией. У Гедройца сомнений не было, ибо без утопии практики теряют из виду цель. Он повторял, что в истории больше поражений принес не недостаток прагматизма, а своеобразное визионерства неумение вообразить будущее. При этом он был урожденным прагматиком и менял тактику, не отступая от своих принципов.

Гедройц заранее подготовил серьезную программу на случай перемен, которые считал неизбежными. Уверенность в этом он черпал отнюдь не из иррациональной веры, но скорее из отличного знания того, что происходило в "центре" — из страдающей параличом советской экономики и нацелен-

ного на самоубийственную конфронтацию с Западом механизма империи.

Выводы, к которым он благодаря этой уверенности приходил и которые он неустанно внушал другим, широко способствовали тому, что в Польше сложились исключительные обстоятельства: она была единственной страной "лагеря", для которой перелом 1989 года не стал полной неожиданностью. Да, конечно, не один он к этому привел, но он зажег один из двух маяков, без которых невозможно было пристать к берегу, — вторым был еженедельник Ежи Туровича, католический "Тыгодник повшехны".

И вот впервые в польской истории не оправдался диагноз Норвида: "...А у нас?.. родятся / Книги — слишком поздно. Поступки?.. Преждевременно плодятся".

*

Зато оправдались предвидения, разработанные тем трестом умов, который собрал этот великий вдохновитель, чтобы поддержать свою главную идею: он был уверен, что распад "социалистического лагеря" неизбежен. Он всегда уделял этой линии общего процесса большее внимание, чем краху коммунистической идеологии, ибо знал, что та давно уже стала бутафорией, а кроме того, его больше всего волновала судьба народов, посаженных в лагерный карцер, — не одного только польского. Остальной мир смотрел на эти предвидения как на утопию, притом опасную, портящую отношения с властителями СССР. Гедройц же просто и спокойно заранее, на всякий случай конструировал план действий, чтобы быть готовым в тот момент, когда поляки и их соседи обретут полный суверенитет.

Не кто иной как Гедройц с Мерошевским сформулировали такие принципы польской восточной политики, которые служат нам залогом прочной независимости. Одновременно они дают решение вечной дилеммы: как установить

связи с суверенной Украиной, не превращая Россию в своего врага? Публицисты "Культуры" считали, что независимость народов "ближайшего Востока", живущих между Россией и Польшей, устранит причину и предмет спора между двумя нашими государствами, ибо кровавые битвы веками шли именно за господство над этими народами. Причины конфликтов исчезнут, когда мы, поляки и русские, обеспечим нашим общим соседям их нерушимость и суверенитет.

Именно в круге "Культуры" была взращена концепция стратегического союза с нашими восточными соседями — союза ценой полного отказа Польши от претензий на бывшие восточные земли, на Вильнюс, Львов, Гродно. На упрямого утописта Гедройца, пребывавшего в своем парижском пригороде, не уставали изливать ложь и клевету патентованные польские патриоты в эмиграции и на родине, но в конце концов он дождался тех времен, когда его казавшаяся самоубийственной концепция стала общепринятой и вошла в канон национального здравого рассудка. То, что у Пилсудского было несбывшейся мечтой о конфедерации, Гедройц преобразил в трезвую стратегию нормального союза и постепенно убедил в ее верности самые проницательные умы, а за ними и всех остальных. Хотя бы поэтому ему принадлежит первое место среди польских государственных мужей.

Но не меньшего внимания заслуживает и то, что свою концепцию Гедройц никогда не предлагал в качестве орудия борьбы с Россией и русскими. Он был согласен с тем, что сама Россия не сможет развиваться без независимости наших восточных соседей. Попытки отвоевать Украину становятся в России серьезным тормозом преобразований. Нелегко взять пример с Англии, Франции, Нидерландов (а также Германии и Японии) — забыть, как они, о колониях, захватах и территориальных завоеваниях и сосредоточиться на современном интенсивном хозяйстве, которое принесло этим странам высочайшее благополучие и силу — без диктатуры и без захвата чужих земель... Сегодня ни один народ в Европе не

стоит перед таким драматическим выбором, как российский: на новом пути россияне пока испытали только ухабы, а старый путь экспансии по-прежнему кажется возможным.

Гедройц знал, сколь многое зависит от этого выбора — и для самой России, и для Европы, и для Польши. Поэтому он придавал такое значение информированию граждан России о решениях, избранных поляками, о трудностях, с которыми они столкнулись, о том, что нам в конце концов удалось, а что из нашего опыта может служить предостережением. Еще важнее для него был диалог на эти темы с самими российскими гражданами. Не с верхушкой (как велось встарь), но с теми, кто больше всего жаждет знаний о мире и, в частности, о Польше. С теми, кто из подданных превратился из граждан в избирателей.

Потому-то и была создана "Новая Польша". Ежемесячный журнал выходит уже год. Он приходит в далекие уголки России, к тем, кто представляет ее умственный авангард. Первый же номер открывался обращением Ежи Гедройца, и речь там шла не о традициях славянского побратимства, не о том знаменитом плаще, под которым стояли у Медного всадника два молодых поэта, но о столетиях кровавых битв, о долгой польской неволе и о том, что наконец-то пришло время говорить с русскими нелицемерно, как равный с равным. Ибо только так достижимо взаимопонимание.

Гедройц уговорил автора этих строк основать и редактировать "Новую Польшу". Думаю, не может быть большего удовлетворения, чем то, которое испытываешь, доведя до результата замысел, порожденный таким светлым умом. Думаю, Ежи Гедройц заслужил большего, нежели одни посмертные почести. Его концепции нужно принять как важные указания и не отступать от его стратегии. Да, "Культуры" уже не будет, но остались обязанности, на необходимость исполнения которых он указывал на ее страницах. Исполнить их без конфликтов удастся лишь с помощью наших русских друзей.

*

Самое место и время признаться в том, что этому человеку я обязан больше, чем кому бы то ни было за всю мою долгую жизнь, ибо несколько раз он взваливал на меня труд, придавший моей жизни смысл. Именно от Гедройца Густав Херлинг-Грудзинский привез свежему изгнаннику в дешевую флорентийскую гостиницу первые тайно переброшенные из СССР страницы Солженицына и письмо с просьбой перевести. Вначале это был роман "В круге первом", потом — "Архипелаг ГУЛАГ", а после пошли тексты Сахарова, Геллера, Шаламова... Именно Гедройц требовал от меня рецензий, полемики, статей, выговаривая за медлительность. Он же подвигнул меня собрать статьи о России и Польше в книгу "Русский месяц с гаком", написал к ней предисловие и в порядке полной неожиданности присудил мне премию "Культуры" им. Мерошевского. Но лучше всего я помню не эти награды, а последние встречи с Гедройцем за пасхальным столом нынешнего года в Мезон-Лаффите. Мы тогда преломили кусок черного хлеба из Мейшаголы, сразу ему полюбившегося: хлеб напомнил этому литовскому князю из Минска его детство (этот литовский хлеб я нашел в одной варшавской булочной). Свою половину преломленного куска я сохранил и, думаю, что только на этот уже засохший хлеб я богаче тех тысяч поляков, которых Гедройц вскармливал своей мудростью.

"Тыгодник Повшехны" 24. 09. 2000

ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ

В только что минувшем столетии лишь немногие поляки удостоились полузабытого звания "государственного мужа". Среди них Ежи Гедройц занимает отдельное и особое место. Его позиции были диаметрально противоположны идеям, которые в польской политической мысли неизменно пользовались самой широкой поддержкой.

Безусловное право на это место дает ему, в частности, его отношение к "русскому вопросу". Вся совокупность его взглядов на современное состояние и будущность польско-российских отношений кардинально отличается от воззрений тех политиков, идеологов и публицистов, которые в Польше оказывали влияние на общественное мнение, государственную стратегию и партийные программы.

Эти программы, несмотря на все свои различия, обладают одной отчетливой общей чертой: они обращены в прошлое, именно в нем пытаются найти причины и корни польских поражений и российских завоеваний и из прошлого же берут посылки для оценок сегодняшней ситуации нашей страны — ситуации совершенно новой, не имеющей аналогий в историческом прошлом. Концепцию же Гедройца отличает ее нацеленность на будущие события, на те, которым только предстоит наступить.

Судя по некрологам и посмертным апологиям, основной заслугой Гедройца было то, что он ни минуты не сомневался, что Польша вернет себе независимость, воспитывал в читателях "Культуры" веру в неизбежность этого события и сумел точно предугадать поворотный момент и сопутствующие ему обстоятельства. Все это правда, и роль "Культуры" здесь переоценить невозможно. Но о независимости в Польше говорили все и всегда: как те, кто согласился бы даже на ее подобие, так и те, кто и слышать не хотел о независимости без возврата к довоенным польским границам. По этой

причине в Польше общество терпимо относилось к феномену графомании действия и даже восхваляло его, а уж в особенности — если с оружием в руках. Именно этот феномен имел в виду Норвид, когда писал:

От книг у нас мало прока — слишком поздно они издаются.
А действия — скороспелы. Оттого и не удаются.

На этом извечном фоне Гедройц сумел совершить беспрецедентный подвиг: 637 номеров его ежемесячного журнала сумели опровергнуть эту горькую мысль поэта. Можно утверждать, что главной заслугой Гедройца было заблаговременное определение условий, необходимых для удержания и сохранения независимости. Подчеркнем: речь идет не о завоевании независимости на более или менее длительный срок, а о ее удержании и сохранении.

В отличие от всех практиков вооруженной борьбы и от теоретиков соглашательства, Гедройц, сознательно оставив в стороне прежние споры, этнические фобии, национальные предрассудки, доминирующие настроения и частные интересы, определил эти условия с редкостной смелостью и все возраставшей с годами решительностью. В его концепции ключевое место занимает вопрос отношений Польши с Россией и — что особенно важно — поляков с русскими. Более того, Гедройц был первым, кто вбил в упрямые головы, как выразился Анджей Дравич, "первые азы понимания, что "советский" — это не то же самое, что "русский", "украинский" или "белорусский". И если бы не эти элементарные и безустанно повторяемые увещевания, то разве удалось бы хоть кого-нибудь убедить в правильности стратегии "Культуры"?

* * *

Попытаемся вкратце напомнить, в чем именно заключалась эта стратегия и, что не менее важно, какие из нее вытекают выводы. Но в первую очередь следует объяснить, почему мы говорим о "концепции Гедройца", тогда как сам редактор "Культуры" всячески избегал публикации собственных программных статей.

Разумеется, редакционную линию "Культуры" всегда было нетрудно распознать, наблюдая характерный выбор тем и авторов. "Культура" отнюдь не была эклектическим изданием. Миф о терпимости Гедройца возник не только потому, что он обычно публиковал без комментариев даже оскорбительные письма в редакцию, но прежде всего потому, что он печатал тексты, диаметрально противоположные его взглядам — если только они были талантливо написаны и могли послужить отправной точкой для серьезной дискуссии. Однако он решительно отвергал все, что не продвигало польский вопрос вперед, а тянуло назад, в болото, в захолустье. Особенно он не переносил "эндеции" во всех ее проявлениях — и причиной тому была именно позиция этого политического течения по отношению, с одной стороны, к России, а с другой — к Украине, Белоруссии и Литве.

Лишь в 1993 г. на страницах "Культуры" появилась рубрика "Заметки редактора", посвященная, как правило, тем событиям в Польше, которые заслуживали саркастического комментария. Несомненно, важным источником понимания "восточной стратегии" Гедройца могут служить также его многочисленные интервью, которые он давал в последние годы прессе, радио и телевидению. Однако Гедройц пользовался ими чаще всего для того, чтобы высказать конкретные критические замечания. Он неустанно стремился оказывать непосредственное влияние на развитие событий внутри страны и использовал каждую возможность по мере

сил вмешаться в это развитие. Он не тратил времени на изложение своих теоретических позиций и предпочитал бороться за реализацию практических выводов из них.

Однако самый обширный источник — это письма Гедройца. Кшиштоф Помян утверждает, что их сохранилось намного больше десяти тысяч. Из уже опубликованной небольшой части этого эпистолярного наследия можно было бы составить сборник цитат, достаточный для подкрепления излагаемых здесь положений. Но в этом нет нужды — достаточно того, что имеется в нашем распоряжении, чтобы убедиться, что страстью Гедройца было вдохновлять своих читателей и собеседников, и в этом искусстве он был непревзойденным мастером. Он умел заразить своего адресата уже предварительным наброском внезапно возникшей идеи, убедить его в верности еще не оперившейся мысли, заставить развить ее, забросив все прочие занятия, и сосредоточиться только на той работе, насущную необходимость которой редактор только что в нескольких строках сумел доказать. Пишущий эти слова все это испытал на себе, когда в феврале 1969 г. во флорентийской гостинице появился Густав Герлинг-Грудзинский, чтобы вручить новоиспеченному эмигранту первые страницы тайно переданной на Запад машинописи романа Солженицына "В круге первом", а также письмо Гедройца с предложением тут же заняться ее переводом.

Не только ошеломляющее содержание подобных предложений, но и сам тон и стиль этих писем заставлял немедленно браться за выполнение поставленной задачи. Гедройц сразу же входил in mediam res, в суть дела, без всяких вступлений, риторических красот, реверансов и любого рода обиняков. Его сжатые выводы не имели ничего общего с тяжеловесными оборотами, характерными для всякого уважающего себя лектора или адвоката. Не походили они и на суконный язык чиновничьих инструкций, напоминая скорее сухой и ясный язык распоряжений, отдаваемых начальником штаба пе-

ред маневрами или предстоящей битвой. Ясная постановка вопроса, отсутствие туманных формулировок и дипломатического политеса радикально отличали эти послания Гедройца от того, как в польской традиции было принято писать на общественно-политические темы. Тон этих писем — по крайней мере известных мне и касавшихся в основном России — всегда создавал впечатление, что суждения их автора (который не видел Россию с 1919 г.) основаны на непосредственном опыте и требуют лишь систематического выполнения поставленной задачи. И, кроме того, лояльности: здесь Гедройц не терпел ни малейшей слабины. Впрочем, сведения у него были высшего качества, и он весьма основательно их проверял.

В результате эпистолярный жанр под пером человека, видящего отдаленную цель повседневных задач, стал особой формой публицистики. Станислав Цат-Мацкевич говорил, что по сути своей публицист — это политик, на время лишенный исполнительной власти. Гедройц не ждал, что это время пройдет само собой. И никто другой из наших публицистов не использовал с такой эффективностью ту власть безоружных, которую его земляк, родившийся в Белоруссии Адам Мицкевич, назвал "властью над душами".

На многих интеллигентов моего поколения незабываемое впечатление произвела книга английского биолога Джулиана Хаксли "Что я осмеливаюсь думать?". Беседы с Гедройцем и его письма как раз и заставляли задавать себе этот знаменитый вопрос и искать на него ответ за пределами обыденных рамок. Требования, выдвигаемые в этих письмах, вынуждали адресата работать более интенсивно и эффективно, чем это позволяло его душевное состояние и умственные способности. Гедройц заставлял людей осмеливаться подняться выше своих возможностей, апеллировал к их самым лучшим способностям, доселе невостребованным, и побуждал их развивать.

Я думаю, что именно так обстояло дело с Юлиушем Мерошевским.

Именно Мерошевский стал самым читаемым, самым значимым публицистом "Культуры", именно он осмеливался мыслить самым небанальным образом, далеким от избитых мнений и от общепризнанных перспектив. Именно Мерошевский сформулировал и опубликовал программу восточной политики журнала и вступил в десятки полемических сражений с его противниками. Как красная тряпка на быка, действовало на них — а большинство их было родом из восточных областей Польши — хотя бы такое утверждение:

"Мы должны искать контакты и точеки соприкосновения с русскими, готовыми признать право украинцев, литовцев и белорусов на самоопределение, но при этом мы, что столь же важно, должны сами раз и навсегда отказаться от Вильнюса, Львова и от любого рода политики или планов, направленных на установление (в условиях благоприятного стечения обстоятельств) нашего превосходства на Востоке за счет вышеназванных народов".

Когда Мерошевский писал эти строки, считалось, что он выразитель мыслей Гедройца. На самом деле он был чем-то большим — предметом гордости редактора за творческую мощь убеждения, которое дает силу талантам. Их сотрудничество было исключительно редким примером подлинного симбиоза, не вынуждаемого никакой взаимозависимостью. Сегодня ясно, что наибольшую пользу из этого сотрудничества извлек Мерошевский.

Рафал Хабельский справедливо отмечает в предисловии к "Финалу классической Европы" Мерошевского: "Хотя нельзя сказать, что до войны его имя не было известно, он, безусловно, не считался выдающимся публицистом". В журнале Гедройца он, по мнению Анджея Мицевского, стал первым публицистом новой, свободной Польши. Улучшился даже сам по себе стиль его статей, хотя по-прежнему в них больше привлекали внимание отдельные афористичные фразы, а не собранный, напряженный ход рассуждений. Их сила заключалась в размахе политического воображения,

шедшего до самых отдаленных последствий обсуждавшейся ситуации. Мерошевскому принадлежит парадоксальная мысль, которую в Польше любят повторять, не особенно задумываясь о вытекающих из нее выводах: "Причиной большинства катастроф в истории было отсутствие вовсе не реализма, а наоборот — полета воображения. Реалистов везде более чем достаточно — не хватает, как правило, людей со смелым воображением".

Наверняка он имел в виду Гедройца, воображение которого рисовало открывающиеся перед Польшей грядущие перспективы, — и эта провидческая картина вдохновляла Мерошевского, когда он ярко и убедительно отстаивал их общие идеи. Поэтому мы будем говорить о концепции Гедройца, не забывая при этом о Мерошевском, — и наоборот.

Нужно особо подчеркнуть, что употребленный здесь термин "воображение" многих успел сбить с толку. Гедройц не имел ничего общего с политическими визионерами, не ссылался на явленные ему откровения и не рассчитывал на чудеса. Трудно найти пример политика более трезвого, мысль которого была бы так свободна от иллюзий и эмоций. Его программа была плодом точного расчета, непререкаемо доказывающего, что у Польши есть один-единственный реальный шанс обрести и удержать подлинную суверенность. Он вел себя как опытный проводник, который знает: из пещеры есть выход, но только один.

* * *

Гедройц был одержим идеей независимости. Известно, как он оберегал независимость своего журнала. Независимость государства он считал абсолютно необходимым условием естественного развития всех и всяческих общественных процессов. Ему были известны отклонения и тупики, в которые заходили эти процессы в Польше на протяжении ее истории, и их гибельные последствия, но самым грозным

роком, тяготеющим над государством и обществом, он считал катастрофическое геополитическое положение страны.

Это было положение того самого зернышка, что угодило меж двух жерновов.

Польша была единственным крупным государством на европейском континенте, расположенным между двумя растущими державами, гораздо более сильными и более населенными. Она оставалась в этом положении на протяжении всех тех столетий, когда естественным, простейшим и всеми широко используемым способом умножения могущества и ресурсов страны была территориальная экспансия. Да что тут скрывать — и Речь Посполитая этим не гнушалась, но без особой рьяности, ибо собственной исполнительной власти она сама укоротила руки. В результате она стала добычей более сильных соседей — весьма надолго, и даже с повторениями.

У тех, кому в то время не давал покоя кошмарный образ двух жерновов, было не слишком много способов справиться со злом: все они оказались безуспешными. Можно было пытаться договориться с захватчиками, но этот способ принес плоды лишь там, где мельник (австрийский) был вынужден ослабить гнет под давлением совсем иных обстоятельств. Во всех остальных случаях он заканчивался достижением компромисса — как говорят в народе, между задницей и дубинкой. Вторым способом была вооруженная борьба — либо опираясь на собственные силы, либо же в надежде на вмешательство предполагаемых союзников. Целью этой борьбы было изгнание захватчиков с польских земель.

Но даже в случае успеха (который в конце концов пришел как бы сам собой) это означало лишь возвращение к прежнему геополитическому статус-кво. Все межвоенное двадцатилетие прежняя угроза продолжала висеть над Польшей, и пока оба жернова слаженно стремились стереть Польшу в порошок, а их конфигурация и характер не менялись — история была обречена на повторение.

* * *

Шагая взад-вперед по Бельведеру,
Пилсудский не уверует в стабильность.
"Они на нас, — твердит он, — нападут".
Кто? И покажет на восток, на запад.
"Я бег истории всего лишь задержал".

(Пер. Н.Горбаневской)

Можно не сомневаться, что эту строфу Милоша из "Поэтического трактата" Гедройц повторял чаще всего. Другие, понимая положение Польши, после второй мировой войны уже полностью попавшей в одну сферу влияния, впадали в отчаяние.

Гедройц же осознал, что для того, чтобы найти выход из безвыходного положения, можно попробовать сделать то, о чем ни соглашатели, ни повстанцы с подпольщиками не считали нужным даже задумываться — настолько это казалось невозможным, недостижимым, нелепым, — а именно: изменить геополитическое положение страны. Гедройц думал не о том, чтобы всего лишь вытеснить захватчиков из страны, но о том, чтобы ускорить процесс их метаморфозы и использовать переломный момент для закрепления независимости Польши раз и навсегда.

Проект казался абсурдным, ибо осуществление его было возможно лишь при таком стечении обстоятельств, которое давно уже считалось невероятным. Прежде всего имелся в виду бескровный распад Советского Союза и обретение независимости народами, населяющими пространство между Россией и Польшей. Именно это стечение обстоятельств Гедройц априори счел единственным реальным шансом на восстановление подлинной суверенности Польши — и все поставил на эту карту. Когда оказалось, что его прогнозы в точности сбылись, он добивался уже только од-

ного: чтобы поляки извлекли выводы из столь радикальной перемены своего положения. Он предвидел как эту перемену, так и пренебрежение вытекающими из нее выводами.

Теперь он мог полностью посвятить себя партии, которая разыгрывалась на польском "ближайшем Востоке", ибо у него на руках был еще один туз — практически полное исчезновение угрозы германского реванша и ставшая чисто гипотетической возможность нового Drang nach Osten.

Произошло это не только в результате поражения третьего рейха и оккупации Западной Германии союзниками. И вовсе не потому, что Польша входила в состав "социалистического лагеря" и ее границы защищали его войска. Трезвый расчет подсказывал политикам с воображением, что польские западные земли — это самый подходящий капитал, в обмен на который Сталин может добиться соглашения с Германией, и даже после ее объединения — будь то по его соизволению или без оного. Он только и мечтал о возврате к бисмарковской идее российско-германского союза, который позволил бы вырвать самую крупную страну на европейском континенте из-под пристальной опеки США. Польские старожилы Щецина (ранее Штеттина) еще помнят "состояние невесомости", в котором долго жил город. Эти расчеты Сталина оказались подорваны вступлением ФРГ в НАТО, а затем в Европейское экономическое сообщество, но окончательно их лишила смысла экономическая революция, происшедшая после второй мировой войны на Западе. Благодаря ей территориальная экспансия стала экономически невыгодной, а значит и ненужной. Примером и доказательством тому стал процесс деколонизации. Стоит напомнить, что только советская империя не сумела произвести деколонизацию.

Важность исчезновения "германской угрозы" Гедройц оценил сразу же: иллюстрацией его политической дальновидности и интуиции может служить тот факт, что руководимое им издательство "Институт литерацкий" уже в 1946 г. опубликовало "Записки о путешествии в Австрию и

Германию" Ежи Стемповского. Это была первая после войны попытка увидеть в немцах людей. Однако убедить соотечественников по-новому взглянуть на открывшиеся перспективы можно было лишь одним способом: заставить их обратить взгляды на восток, на тамошнее "ближнее зарубежье". Нужно было требовать от них жертвы: чтобы они отказались не только от притязаний на Львов и Вильнюс, но прежде всего от предубеждений по отношению к литовцам и белорусам, а особенно к украинцам. Радикальное улучшение отношений с этим народами, отказ от любых попыток господства над ними, признание их своими союзниками Гедройц ставил в центр своего проекта. Более того — он считал это непременным этапом и условием глубокого и прочного оздоровления отношений с Россией. По сути именно это и было конечной целью Гедройца.

В своей стратегии Гедройц исходил из предпосылки, что переход к этому процессу оздоровления раньше или позже станет следствием не сиюминутных расчетов, а неизбежных перемен. Катализатором же этих перемен будут межнациональные конфликты, которые в конце концов взорвут империю изнутри и коренным образом изменят геополитическое положение как России, так и Польши. Только это позволит достичь заключения подлинного соглашения, сторонами которого будут равноправные субъекты международного права. Заметим в скобках, что Мерошевский надеялся на внутреннюю эволюцию коммунистической системы, тогда как Гедройц полагал, что она не поддается реформированию.

Весьма знаменательно, что он не придавал большого значения и коммунистической идеологии, считая ее пустой скорлупой от выеденного (или протухшего) яйца. Вовсе не идеология, по его мнению, сплачивала империю воедино. Более того, он вполне отдавал себе отчет в том, что того же мнения придерживались фактически все партийные бонзы соцлагеря: последняя поступившая из Кремля директива имела большее значение для толкования доктрины, чем все

страницы "Капитала". Он даже мог использовать неуклюжий термин "советизм", только чтобы объяснить читателям, что, собственно, имеется в виду. Все остальное полностью объяснила публикация "Культурой" капитального труда Лешека Колаковского "Основные течения марксизма".

Как известно каждому прилежному ученику, империи тем и отличаются от других типов государств, что смысл их существования — расталкивать локтями на карте своих соперников и, значит, поглощать все новые и новые народы. "Что не растет, то гниет" — это присловье гофмейстера и канцлера Екатерины Великой, чрезвычайно неглупого Александра Безбородко, стала девизом внешней политики Российской империи. Первым "приращением" оказалась Польша, извечный соперник, в то время уже безвольный.

Причиной соперничества с обеих сторон было стремление к господству над землями и ресурсами соседей — все тех же белорусов, литовцев, украинцев. Поэтому можно было думать, что обретение этими народами независимости устранит сам предмет конфликта между Польшей и Россией. В предположении, разумеется, что обе стороны откажутся от искушения вернуться к прежней роли.

Здесь непременно следует напомнить одно рассуждение, опубликованное в "Культуре" в 1975 г. и поистине поразительное — не только в связи со столь ранним появлением. Эти несколько фраз объясняют, почему Гедройц с Мерошевским не рассматривали "проблему УЛБ" (Украины, Литвы и Белоруссии) в отрыве от "русского вопроса". В то же время речь идет об одном из тех положений, которые делают концепцию "Культуры" по-прежнему необходимым инструментом современной и будущей польской политики на территориях к востоку от Буга. Мерошевский писал следующее:

"Если для упрощения обозначить территорию, охватывающую Украину, Литву и Белоруссию, как УЛБ, то следует отметить, что в прошлом — а в известной степени и сегодня — территория УЛБ была чем-то большим, нежели

просто яблоком раздора между Польшей и Россией. Территория УЛБ определяла саму форму польско-российских отношений, обрекая нас либо на империалистическую политику, либо на роль страны-сателлита.

Было бы безумием надеяться, что Польша может исправить свои отношения с Россией, признав проблемы УЛБ внутригосударственными проблемами России. Соперничество между Польшей и Россией на этих территориях всегда имело целью установить превосходство, а не добрососедские польско-российские отношения".

Поэтому тот, кто желает установления этих добрососедских отношений, должен согласиться, что независимость народов УЛБ является не только наиболее очевидной гарантией, но и условием того, что Россия покинет прежний, имперский путь и вступит на новый — тот же путь интенсивной (а не экстенсивной) экономики, не требующей ни территориальных захватов, ни экспансии, ни вооруженных конфликтов, на который уже вступили все державы, вчера еще колониальные, от Англии и Нидерландов до Японии и Германии. И со вполне ощутимой пользой для себя и соседей.

А тот, кто истосковался по прежним, вассальным отношениям времен ПНР и СССР — тот будет писать о сторонниках Гедройца как об "оуновском лобби" , как это и делает рупор сегодняшней эндеции газета "Мысль Польска". Гедройц же, страстно желавший распада империи и убежденный, что независимость Украины станет барьером на старом, губительном пути возврата к ее прежним границам, видел в укреплении этой независимости прежде всего условие гораздо более масштабного процесса. Для него речь шла о новом месте России в Европе, о таком ее процветании, которое сделает ненужным стремление к агрессии и росту за чужой счет. "С кем граничит СССР?" — спрашивало мифическое "армянское радио". И отвечало: "С кем хочет, с тем и граничит".

В политической программе "Культуры" не было и следа стремления свести Россию к размерам и значению Велико-

го Княжества Московского, никто на ее страницах не призывал к распаду Российской Федерации, никто не пытался внушить русским, что small is beautiful . Впрочем, о чеченцах, как и о всех тех нациях, включение которых в состав РФ не опиралось ни на их желание, ни на географию, "Культура" говорила в полный голос. С другой стороны, Гедройц высказывался также против ущемления прав русских, которые стали меньшинством в новых республиках. В том числе и в Польше. Об отношении этого трезвейшего человека к России и русским свидетельствуют не только многочисленные упоминания о прочитанных им русских авторах в его "Автобиографии в четыре руки". но и тот факт, что замечательный переводчик русской литературы Земовит Федецкий по просьбе Гедройца на собственных плечах принес и установил крест на забытой (и заброшенной на одном из варшавских кладбищ) могиле русского мыслителя Дмитрия Философова. Гедройц познакомился с ним в 20-е годы в варшавском клубе белоэмигрантов "Домик в Коломне". После кончины Ирины Иловайской, главного редактора газеты "Русская мысль", автор этих строк получил факс с поручением от Гедройца — написать о ней "возвышенно и горячо". А в последнем, 637-м номере "Культуры" единственным поэтическим откликом на смерть ее редактора были два стихотворения Натальи Горбаневской, прекрасной русской поэтессы и члена редколлегии "Новой Польши".

И еще напомним здесь, что в девятый день кончины Гедройца, уже после его похорон на католическом кладбище в Лемениль-ле-Руа под Парижем, в соответствии с его последней волей в парижском православном кафедральном соборе Св. Александра Невского была отслужена панихида.

* * *

Павлу Герцу принадлежит изящный афоризм: "Беда России в том, что она не слушала своих великих писателей, а Польши — в том, что она своих слушала".

Можно полагать, что самое серьезное влияние на умы читающих поляков оказали не столько поэты, сколько историки. Факты свидетельствуют, что влияние это отнюдь не было благотворным.

У историков были авторитет и аудитория, им не слишком докучала цензура, их концепции не считались пустыми мечтаниями, на них не нападали сторонники конкурирующих поэтических школ, им не приходилось умирать в богадельнях. Они не требовали от своих читателей, чтобы те обладали музыкальным слухом, заучивали наизусть сотни строф и знали, что такое оксюморон. Свой воспитательный долг они вышолняли по отношению ко всей нации, а не к кучке одержимых. Они были хранителями и носителями сокровенного знания — и от них это знание о Польше переходило ко всем учителям будущих поколений. В эпоху, когда не было телевидения, они — наряду с духовенством — были единственными наставниками масс; впрочем, самый выдающийся представитель самой влиятельной исторической школы Валериан Калинка сам был священником. Правда о настоящем зависела от завоевателей, но прошлое было всецело и безраздельно польским. За советом, примером, утешением люди шли к историку.

Таким образом, не только идейные сражения, но и практические споры о политической (и даже военной) стратегии велись с использованием исторических аргументов и по большей части с преимущественным участием достопочтенных историографов. С течением времени все чаще оказывались востребованными аргументы утешительного характера. Возвышенный тон историков был многократно усилен книгами Сенкевича. Вероятно, нигде в мире крылатое выражение historia magistra vitae не оказалось столь свято почитаемым и столь обманчивым.

Причина была очевидна. Исследования, дискуссии и страсти польских историков обращались почти исключительно вокруг двух вопросов. "Соглашатели" и сторонники

вооруженной борьбы предлагали на них диаметрально противоположные ответы, но были единодушны в их постановке. Ошибка же заключалась не столько в самой постановке вопросов, сколько в уверенности, что ответы на них пригодятся в полностью изменившихся обстоятельствах.

Первый вопрос касался причин упадка Польши, ее разделов и утраты государственности. Результаты анализов и дискуссий не были приняты во внимание на практике, когда наступил долгожданный момент — ни в 1918-м, ни в 1939-м, ни даже в 1989 году.

Второй вопрос полностью уместился в заглавии великолепной книги Томаша Лубенского: "Биться или не биться?"

Но даже этот вопрос рассматривался исключительно в свете прежнего исторического опыта. Если кто-то и рассматривал его с точки зрения возможных перспектив, которые можно предвидеть заранее, то он, как правило, принимал в качестве неизменных величин (или инвариантов), с одной стороны, мощь, союзы и положение противника, а с другой — предполагаемую готовность к действиям наших желательных союзников. Результатом мог быть (и был) либо самоотверженный повстанческий порыв без шансов на победу, либо капитуляция вместе с коллаборацией.

Особое место среди этих исторических инвариантов занимала и продолжает занимать уверенность в неизменности основных черт российского государственного устройства и так называемого русского национального характера.

* * *

Весь этот затянувшийся исторический экскурс был необходим только для того, чтобы контрастнее обозначить исключительность занимаемых Гедройцем позиций и тактики, которую он пропагандировал на страницах "Культуры" почти с самого момента ее основания. Его девизом могли стать слова Мерошевского, опубликованные несколько позже: "Эмиг-

ранты всегда думают о возврате к прошлому. Народы же никогда не борются за прошлое, а всегда — за будущее".

Важной причиной расхождений между кругом "Культуры" и лондонской эмигрантской средой было то, что последняя переняла в качестве почитаемой традиции все укоренившиеся навыки, стереотипы и скомпрометировавшие себя политические обычаи. Дискуссию о разделах Польши подменили споры о причинах сентябрьского поражения (1939 г.) и попытки пригвоздить виновных к позорному столбу. Но в пантеоне национальных мифов первое место по-прежнему продолжал занимать миф героического поражения: преемником Сикорского на посту главы правительства в изгнании стал не победитель в битве под Монте-Кассино генерал Андерс, а командующий обреченного на разгром и жестоко подавленного Варшавского восстания генерал Бур-Коморовский.

В этой обстановке Гедройц издал "Трансатлантик" Гомбровича, ставший самой громкой пощечиной трескучему ура-патриотизму. Он напечатал книги Анджея Бобковского, Петра Гузы, Страшевича, ставящие с головы на ноги образ поляка, оказавшегося похожим на экзальтированного скаута-переростка. И, наконец, начал издавать серию публикаций "Исторические тетради".

Да, Гедройц историей не пренебрегал и не повторял вслед за поборником прогресса Генри Фордом: History is (more or less) bunk . Он не хотел оставлять ее на произвол последышей всевозможных довоенных партий, но прежде всего стремился отразить с помощью аргументов волну лжи, вздымавшуюся в ПНР, и собрать максимум свидетельств участников истории — еще живых, добросовестных, посвященных в ее тайны.

Результатом этого блистательного начинания стало то, что будущим исследователям польская новейшая история уже никогда не будет казаться чем-то вроде минного поля.

Именно новейшая история занимала мысли редактора "Культуры", а не Великий Сейм или прусский союз. Но особую роль было суждено сыграть тем вышускам "Исторических тетрадей" и книгам, изданным "Институтом литерацким", где речь шла о России и о поляках в России.

Именно Гедройц опубликовал "На бесчеловечной земле" Юзефа Чапского, "Иной мир" Густава Герлинга-Грудзинского, "В тени Катыни" Станислава Свяневича, "После освобождения" Виктории Красневской (псевдоним Барбары Скарги) и многочисленные воспоминания поляков о ссылке и плене, о российских тюрьмах и лагерях.

Но наряду с ними в том же издательстве выходили воспоминания старых польских коммунистов, которым удалось выбраться из СССР живыми, — например, рассказы Вацлава Сольского или "Остатки от пира богов" Игоря Неверли. Еще раньше Гедройц издал "Польско-российский альянс" Вацлава Ледницкого, где автор рассказал о важном эпизоде сотрудничества между польскими и русскими либералами в российской Государственной Думе. Постоянный раздел, посвященный советской теме, вел в "Культуре" Михаил Геллер (под псевдонимом Адам Кручек) — крупный историк, автор "Истории Российской империи", перевод которой недавно издан в Польше. Вышли в свет три номера "Культуры" на русском языке. И наконец — польские переводы тех произведений русских писателей, которые в ПНР никто не осмеливался даже прилюдно читать, не говоря уже об их публикации. Первыми были рассказы Терца (Андрея Синявского) и Аржака (Юлия Даниэля), нелегально доставленные прямо к польскому издателю, к Гедройцу, и "Доктор Живаго" Пастернака. Позднее по одной или по нескольку страничек начали поступать текстты Солженицына, его романы и "Архипелаг ГУЛАГ", направлявшиеся, как уже было сказано, в Рим, к автору этих строк ("Раковый корпус" перевел Юзеф Лободовский). И многое-многое другое.

Важнейшими особенностями всего этого корпуса произведений русской литературы (или же книг, посвящен-

ных России) были следующие. Во-первых, изобилие образов и сведений, которые были призваны возбуждать не презрение и ненависть, а сочувствие, солидарность и интерес к столь схожим историческим судьбам. Во-вторых, это было собрание доказательств. И того, что Россия сегодняшняя отличается не только от всего остального мира, но и от России прежней, а также от той России, которая существовала только в наших освященных традицией национальных мифах и легендах. И что СССР — это тирания не только страшнее царской, но и (по существенным причинам) в корне иная. И что там есть люди, которые хотят перемен.

Лагерная литература, как русская, так и польская, сокрушила излюбленный польский стереотип порабощенного русского, уважающего лишь власть кнута. Лагеря были заполнены не только невинными жертвами, и миллионы осужденных по 58-й статье оказывались там именно потому, что им было неведомо, по выражению Мицкевича, "одно лишь мужество — покорного раба".

* * *

От абсолютного большинства не только своих соотечественников, но и всемирно известных советологов, экспертов, знатоков закулисной жизни Кремля, специалистов в области прошлого и будущего России Ежи Гедройца отличало отсутствие одного предрассудка: веры в исторический детерминизм. Уже просто как трезвый политик он не верил в неизменность национальных характеров и исторических судеб. Помню, как развеселил его фрагмент из воспоминаний Бакунина, который после многолетнего пребывания в Германии пришел к выводу, что Германия — идеальное поприще для пропаганды анархизма, ибо немецкий народ состоит из индивидуалистов, напрочь лишенных "государственной струнки". Кроме того, Гедройц провел среди русских детство и юность и вернулся в Польшу без ощущения, что имел

дело с экзотическим племенем. Он разделял мнение автора этих строк, что за особенности национального характера русских мы принимаем особенности их системы правления. Да будет мне позволено напомнить, чтобы сделать рассуждения более актуальными, что в 1999 г. мне довелось на страницах "Культуры" вступить в полемику с профессором Ричардом Пайпсом. Его известные труды об истории России и большевистской революции показались мне отмеченными печатью именно этого духа предопределенности и детерминизма, который в Польше известен благодаря многотомному труду Яна Кухажевского, знаменательно озаглавленного "От белого царизма — к красному".

Гедройц был далек от детерминизма. Если бы он полагал, что форма империи — это единственное предназначение России, он не принялся бы за столь кропотливый труд, как разработка и пропаганда своей концепции, а заранее счел бы дело независимости Польши обреченным на поражение. Он считал, что враг Польши — отнюдь не Россия как таковая, а империя. Он убедился также, что среди самих русских есть немало сторонников этой идеи — как есть и немало ее заядлых противников среди поляков.

Чтобы заострить эту ключевую проблему и сделать ее более наглядной, попробуем прибегнуть к так называемой антитезе.

* * *

Дальновидность, гражданское мужество, верность принципам, но в особенности суть убеждений Ежи Гедройца позволили нам с самого начала заявить, что мы рассматриваем его позиции как диаметрально противоположные традициям, которые были в польской политической жизни слишком общеизвестны и слишком распространены. Мне кажется, что эти позиции и воззрения наиболее ярко и, вероятно, наиболее полно воплотил в себе Александр Бохенский.

Я выбрал именно его, так как он шел дальше других в направлении, противоположном устремлениям Гедройца, наиболее четко формулировал свои предпосылки и выводы и обосновывал их, используя обширную историческую эрудицию, знание источников и всевозможных комментариев к ним. Словом, Бохенский был великолепно подготовлен к защите выдвигаемых им положений и предлагаемых действий. Их пороком было не то, что они диаметрально отличались от концепций и начинаний редактора "Культуры", но то, что вначале они были отмечены малодушием, а в конце оказались просто ошибочными.

Александр Бохенский был человеком весьма незаурядным, наделенным недюжинными способностями. Его братьями были о. Юзеф Бохенский, известный логик из швейцарского Фрибурга, и Адольф Бохенский, публицист и политолог, который в самом начале войны заявил, что "с этой войны приличные люди живыми не возвращаются", что вскоре и подтвердил своей гибелью. Именно Адольф первым увидел в Гедройце "самого серьезного в нашем поколении кандидата в премьеры". Все трое были сотрудниками Гедройца в эпоху, когда он в первой половине 30-х годов был редактором журнала "Бунт млодых". Следует отметить, что на его страницах Александр Бохенский по примеру своего редактора защищал от репрессий украинское меньшинство. Однако вскоре их пути разошлись. В своей "Автобиографии на четыре руки" Гедройц сообщает, что почти сразу же после сентябрьского поражения, оказавшись в Бухаресте, он получил от Александра Бохенского открытку из оккупированной Польши: "Формируем правительство, не будь дураком, возвращайся". Комментарий Гедройца лаконичен: "Он был принципиальным коллаборационистом, готовым сотрудничать с немцами даже после проигранной войны. Но, в отличие от С., он распространил этот принцип и на послевоенную Народную Польшу. В конце концов, ведь это он придумал Пясецкого" .

По правде говоря, Пясецкого придумал генерал НКВД Серов, но остается фактом, что именно Александр Бохенский возглавлял группу, которая явилась в приемную Берута, и именно он на вопрос секретарши ответил: "Доложите господину президенту, что пришли католики от господина Борейши" . Так родился "Пакс", подлинный шедевр в области политической "пятой колонны". Бохенский был фактически его самым серьезным идеологом, хотя предпочитал держаться в тени.

Члены этой организации взяли на себя задачу проведения в жизнь целей, полностью противоположных тактике и стратегии "Культуры". Ради укрепления советского господства в Польше они подрывали солидарность общества — начиная с церковной общины и кончая литературными образцами. Важнейшей новинкой в их тактике была ставка не на набившие оскомину аргументы рационализма, антиклерикализма и т.п., а наоборот — на весь арсенал польских национальных фобий. "Пакс" постоянно держал наготове то пугало "германского реваншизма", то антисемитизм. Творчески сочетая наследие эндеков с достижениями большевиков, он был вполне удачным гибридом "черной сотни" и Красной гвардии. Никто в Польше (задолго до марта 1968 г.) не осмелился бы столь открыто проповедовать идеи шовинизма и ксенофобии, никто не мог бы пропагандировать столь крайний и дремучий вариант образа "поляка-католика", если бы не чувствовал себя в безопасности благодаря своим демонстративно просоветским позициям. Ко всему прочему, эти позиции подкреплялась методичным натравливанием поляков на украинское меньшинство в органе "Пакса" газете "Слово повшехне". На публикуемые там перлы Гедройц реагировал кратко: "Горбатого могила исправит".

Что же касается Александра Бохенского, то нельзя не признать, что его тогдашние статьи и эссе своим мастерством и честностью — да, честностью! — несравненно превосходили печатные опусы сегодняшних сторонников так

называемого "русского варианта". Дело даже не в медвежьей услуге, которую эти последние оказывают партиям, с готовностью отмежевывающимся от многолетней зависимости от московского центра. Дело в том, что у них сегодня уже нет того, что в 1945 г. у Бохенского все-таки было, — уверенности, что для Польши нет лучшей формы существования, чем статус протектората СССР.

Именно эту идею он защищал в своей книге "История глупости в Польше".

Уже само заглавие привлекает читателя, хотя ее содержание позволяет в конце концов прийти к выводу, что сама эта книга служит доказательством преемственности некоторых традиций. Написана она страстно, использованный научный аппарат необъятен. Книга посвящена обзору мнений польских историков о событиях, предшествовавших разделам Польши, и анализу их причин. Бохенский добросовестно и обильно цитирует суждения, против которых выступает, и делает это для того, чтобы доказать, что Россия на самом деле была против разделов, ибо стремилась завладеть всей Польшей. При этом "завладеть", как считает Бохенский, "означает связать государство тесным союзом, иметь в нем свою влиятельную клику, короля, приверженного их целям, одним словом — фактически сделать его своим вассалом".

Ценность этой формулировки в том, что она кратко выражает идеал, который считали желательным для современной Польши люди из "Пакса" и их покровители.

Главный довод Бохенского, который должен был окончательно убедить поляков, что вассальную зависимость от СССР следует принимать не привередничая, как должное, заключался в том, что вовсе не репрессии царского режима побуждали людей к восстаниям, а наоборот, эти репрессии сами были лишь реакцией царизма на протесты и восстания. Аргумент хоть и спорный, но полезный. Он доказывает, что царская Россия все же признавала римский принцип parcere subiectis et debellare superbos. Заметим в скобках, что россий-

ские законодатели начиная со Сперанского весьма неплохо (и не без причин) потрудились, цивилизуя систему репрессий и наказаний. Введенные при Александре II российские суды присяжных стали образцом для стран Запада. Сталин, однако, Вергилия не читал и профилактически ликвидировал как покорных, так и горделивых. Но, как на удивление, определенные (скромные) послабления в странах соцлагеря падали с неба как раз после восстаний (как, например, "гуляш-социализм" в Венгрии или милости Герека после декабрьских событий 1970 г. в Польше).

Не думаю, что Бохенский проповедовал свои идеи из корыстных соображений. И раз уж на смертном одре (в 2000 г.) он был награжден орденом Белого Орла, следует воздать ему должное — хотя бы предположив наличие у него доброй воли. Ясно, что малодушие толкало его к капитуляции — так, на всякий случай. Он ведь и к идеям о протекторате и вассальной зависимости пришел, движимый страхом. Его угнетали те же кошмарные видения угрожающих Польше жерновов, клещей, молота и наковальни, что мучили Гедройца.

Но разница в том, что Гедройц не верил ни в геополитическую предопределенность, ни в долговечность тирании, ни в тысячелетние империи. На его глазах вдребезги распалось полдюжины империй, и он не видел, почему следует полагать, что Россия станет исключением из правила. Кроме того, он не считал, как Александр Бохенский, что нет никакой разницы между царской Россией и СССР и что Россию никто и ничто не изменит. Он помнил о временах Столыпина, который в течение считанных лет изменил тысячелетнюю рабскую жизнь российской деревни и создал новый класс зажиточных хозяев. Поэтому Гедройц не думал, что Россия, и только Россия, обречена на вечное возвращение к одним и тем же формам социально-экономического устройства. С другой стороны, у него не было иллюзий насчет благотворных перемен в характере того материала, из которого

Бохенский пытался скроить для Польши лакейскую ливрею: он прекрасно помнил, как в 1968 г. зачлись чехам и словакам их многолетняя покорность и степенное соглашательство.

* * *

Вот в чем суть дела: Гедройц просто-напросто не желал принять к сведению, что статус протектората и вассальная зависимость — для Польши неизбежность, а для России благо. И потому он впряг весь свой ум и всю свою энергию в обдумывание планов, которые позволили бы уже никогда в будущем не принимать во внимание подобную возможность. Он считал, что если уж человек проводит 55 лет жизни за редакторским столом, то не затем, чтобы препираться о том, как лучше выторговать куцую полусвободу.

Он придерживался мнения, что само по себе членство в НАТО не может гарантировать Польше безопасного будущего. Да, действительно, зонтик НАТО защищает от дождя, однако Гедройц желал для Польши чего-то большего — устойчивой погоды. Обеспечить ее может только устранение главного мотива векового конфликта между Польшей и Россией и взаимопонимание с теми русскими, которые понимают, что империализм уже изжил себя. А если безопасное будущее Польши — даже в качестве члена НАТО — по-прежнему зависит от направления перемен на Востоке, то нужно поддерживать там геополитические условия, которые радикально устраняют причину конфликтов и исключают возможность возврата прежней угрозы, а не только от этой угрозы защищают.

В результате восточную программу Гедройца можно сегодня свести к весьма сжатому перечню нескольких простых положений. Нет никакой гарантии, что эти положения будут поняты и приняты политиками, от которых зависит использование остатков небывалого в польской истории стечения обстоятельств, коренным образом изменившего в ми-

нувшем десятилетии геополитическое положение страны. Тем не менее, общественному мнению Польши и России эти положения должны быть известны. Все они вытекают из исходных предпосылок создателей "Культуры". Вот они:

— установление добрососедских и взаимовыгодных отношений между Польшей и Россией стало и необходимым, и возможным — именно потому, что Польша наконец избавилась от статуса вассала;

— эта цель может быть достигнута только при одновременном вьшолнении трех условий:

1) если это произойдет не за счет независимости и жизненных интересов общих соседей Польши и России, в первую очередь Украины;

2) если Россия войдет в состав европейских экономических структур, в принципе эгалитарных и исключающих чью-либо гегемонию, но за это гарантирующих такое процветание, которое делает агрессию анахронизмом;

3) если это произойдет при сознательном участии самих русских. Без русских Россию изменить не удастся.

Иллюстрацией того, как важно было для Гедройца проведение этой программы в жизнь и какое значение он придавал ее последнему пункту, может служить пример "Новой Польши" — ежемесячного журнала, выходящего с 1999 года. Это было одно из его последних начинаний — и, быть может, последнее, осуществление которой он успел увидеть. Поручая автору этих строк это задание — просто-таки обязывая его это задание принять, — он подчеркивал необходимость заинтересовать и объединить вокруг журнала таких представителей российской интеллигенции, которые не только захотят больше узнать о Польше и принять наши доводы, но и сумеют осознать, что программа "Культуры" может оказаться полезной не одним лишь Польше или Украине, а самой России, ее новой роли в Европе.

Заметим, что эта программа довольно далеко выходит за пределы собственно польско-российских отношений.

Во всяком случае, это первая программа, которую поляки предлагают русским не на острие копья.

Безмерная заслуга Гедройца состоит в том, что он на долгое время прервал историю глупости в Польше. Теперь уже не от других, а только от самих поляков зависит, окажется ли это лишь паузой или же поворотным моментом в истории польской политической мысли.

"Газета выборча" 15-16 Сентября 2001
"Новая Польша" 9/2001

ВЛАДЕНИЯ КОРОЛЯ БЕЗЗЕМЕЛЬНОГО

Весь минувший век прошел перед глазами Ежи Гедройца; этот человек был внимательным очевидцем всех войн и переворотов того столетия, а для оценки самых важных перемен в судьбе Польши обладал исключительно широким полем наблюдения. Более того, на ее судьбы он оказал значительное влияние. Однако на этот раз, в столетие со дня его рождения, речь пойдет не о былых заслугах и не о заботах, принадлежащих прошлому. Важнее представляются указания и дорожные знаки, которые оставил нам Ежи Гедройц для того, чтобы будущее Польши не оказалось в опасности — ни от иностранной силы, ни от собственного нашего малодушия, кичливости, слепоты.

А они проявляются в пренебрежении к выводам, которые не так уж трудно извлечь из 637 номеров парижской "Культуры".

Эти выводы складываются не в единственно верное учение, требующее топтать чужие взгляды, а в связную концепцию политических действий, которые позволят решить несколько избранных вопросов, жгучих для Польши. Государственным мужем, самым достойным такого звания, делала Гедройца способность отличать реальный вес вопроса от мнимого. Основополагающим он считал не само лишь дело независимости Польши, но и гарантии достигнутой независимости. Сутью дела было для него успешно использовать и прочно закрепить результаты удачной геополитической перемены, которую пережила Польша. Ее геополитическое положение долго оставалось фатальным. И вот советская наковальня развалилась, а немецкий молот перестал нависать над Польшей. На эту-то перемену Гедройц и рассчитывал — и дождался ее. Он мог ожидать, что поляки эту небывалую удачу оценят. Ни одна другая страна бывшего "соцлагеря" в дни освобождения не имела под рукой готовой концепции,

как жить с соседями — не исключая и Россию — и уберечь себя от возврата под советский куколь. Гедройц такую концепцию нам дал и определил условия ее проведения в жизнь. И остаток его жизни отравило разочарование. Свидетельство тому — "Заметки редактора", печатавшиеся в "Культуре" с 1993 года.

*

"Культура" была декомпрессионной камерой для тех, кого в ПНР учили (как выражается Мрожек) дышать под водой. Читатели выныривали из жидкости, заправленной принуждением, подозрительностью и скукой, и втягивали в легкие глоток воздуха, каким дышал мир свободного обмена — не только товаров, но и мнений. Они набирали дыхание в другой Польше, без цензуры и захолустной духоты. Да, тираж "Культуры" никогда не поднялся выше семи тысяч, и из одной только читавшей их интеллигенции складывались дивизии Гедройца. Видно, заблуждаются те, кто верит, что меньшинство не может быть право. Презрение к очкарикам — симптом политической катаракты.

Тезисы, выдвигавшиеся "Культурой", капля по капле точили даже бетон. Доказательство тому весь мир увидел на киевском Майдане морозной зимой 2004 года. Там собрались все: рядом с президентом Квасневским — Валенса и оба Качинских. Тысячи поляков с миллионом украинцев в один голос требовали только одного — той независимости, которую поляки уже завоевали, притом и не думая о завоеваниях за счет Украины. И не собираясь взаимно считаться кровавыми грехами. И не потому пошли они на эту площадь, что Сталин сначала отдал Львов Украине, а потом повелел полякам радоваться. К тому времени ни один советский солдат их не сторожил. Но поляков убедило письмо свящ. Маевского, который в ноябрьском номере "Культуры" за 1952 год писал о праве литовцев на Вильнюс, а украинцев — на Львов. Убеди-

ли их аргументы Мерошевского, Лободовского, Осадчука, Унгера, капля по капле просачивавшиеся со страниц "Культуры" во всеобщее сознание.

И тем не менее концепцию Гедройца не взяла на вооружение ни одна крупная организация, не включила в свою программу ни одна партия, а тем более не вошла она в основные принципы государственной доктрины.

Существует, правда, убеждение, что все правительства свободной Речи Посполитой в принципе придерживались идеи Гедройца, — более того: что она была общим знаменателем их внешней политики, — но этого убеждения не подтверждают ни факты, ни вышеупомянутые гневные "Заметки редактора" и его интервью, из них особенно памятное — Польскому ТВ, взятое Барбарой Чайковской.

Концепцию "Культуры" пытаются счесть глубокоуважаемым реликтом ялтинского прошлого, между тем как нетрудно показать, что осуществиться она могла и может лишь после ликвидации порядков и перегородок, установленных в Ялте.

Зато сам Гедройц стал предметом юбилейных торжеств, а нынешний год объявлен Годом Ежи Гедройца. Сочтем это доказательством бескорыстия органов культуры и национального наследия, ибо Гедройц был противником исторической политики и празднования славных поражений. Монографии и симпозиумы этого года касаются главным образом прошлого: великолепных достижений "Института литерацкого" и его авторов. О роли этого интеллектуального наследия и его вдохновителя в спорах на текущие темы мало что слыхать. Депутаты Сейма с трибуны с редким единомыслием не ссылаются на Гедройца, и касается это не только правящей партии.

Разумеется, отдельные деятели верно оценивали значение генеральных указаний Гедройца. Признаем, что серьезней всего к ним относились Владислав Бартошевский и Александр Квасневский — его действия в Киеве в переломный момент, о котором шла речь выше, хорошо об этом сви-

детельствуют. Но эти действия не нашли прочной поддержки в экономических сферах, в законодательных органах, а тем более среди политических конкурентов. Не забудем, как польские правые депутаты Европарламента саботировали акцию в поддержку демократической Украины.

Уже тогда обнаружился опасный, прямо патологический характер — не столько внешней политики, сколько ее места в иерархии государственных задач и долга политиков решать эти задачи надлежащим образом. Надлежащим, то есть как задачи первоплановые. Такими их считал Гедройц, и обязательно надо вспомнить его взгляд на эти задачи и порядок — по крайней мере порядок самых важных из них. Потому что, похоже, никто у нас в этой области сегодня не имеет лучшей практической концепции.

*

Можно утверждать, что первая из этих задач — признать за внешней политикой приоритет перед внутренними потребностями и требованиями.

Даже крупные державы не позволяют себе менять генеральную линию своих союзов и зарубежных начинаний, если выборы выиграла оппозиция. Заботятся они об этом, разумеется, в своих интересах, но некоторую их часть, то, что называется национальными интересами, оставляют в руках государства и на торги никогда не выставляют. Что входит в эту часть, демократическая власть устанавливает в согласовании с оппозицией: если речь идет о национальных интересах, то их не может определять только партия, за которую голосовала всего лишь часть народа. Так она поступает, потому что и для нее это окупается, а бывает, что и теряет власть — однако тоже по принципу, который сформулировал Уильям Гладстон, четырежды премьер-министр Великобритании: "Даже у дикарей есть вожди, но только у цивилизованных народов есть вожди оппозиции".

А в Польше национальные интересы требуют неизбежного сотрудничества с другими государствами ради устройства большинства дел, касающихся граждан, начиная с экономики и безопасности страны и кончая путешествиями и отоплением помещений. Польша — последняя страна, которая могла бы позволить себе автаркию. Между тем нас осуждает на изоляцию среди соседей наша собственная пассивность и пренебрежение приоритетом обоих важных дел: внешней политики вообще, а также национальных интересов в их отношении к интересам групп, компаний, социальных слоев и, главное, партий.

Совершенно недавно г-н Леппер, тогда еще не заместитель премьер-министра, отправился в Москву, чтобы с помощью друзей добиться возобновления импорта польских овощей и гастрономии. Неизвестно, чем он собирался отблагодарить за услугу. В свете таких начинаний все, должно быть, с искренним облегчением отметили, что премьер-министр Ярослав Качинский начал свое правление, выдвинув международные дела на первый план в речи по случаю вступления на пост. Осталось, правда, ясно определить отношение правительства к упомянутым там субъектам международной жизни, особенно к ЕС и "Ближайшему" Востоку, но этот первый шаг заслуживает внимания.

*

Термин "энергетическая суверенность" появился десять лет назад на страницах "Культуры", прежде чем стать расхожим выражением. Мы тогда сигналили о подвохах того благословения, каким изображали "договор столетия", обеспечивающий Польше поставки стратегического топлива по трубопроводу "Дружба" и проектировавшемуся в то время Ямальскому газопроводу. Обеспечение поставок (и связанных с ними доходов) казалось всем по очереди — правым и левым — польским правительствам таким важным, что

они смели со стола заседаний всякую заботу о гарантиях против монополии поставщика. Не принимали во внимание ни интересов Украины, которую новая ямальская труба должна была принудить к повиновению, ни примера, который доставила игра "Газпрома" с кранами и ценами. Заключенные договоры с самого начала заставляли Польшу платить за чрезмерное количество щедро поставляемого топлива — без права перепродажи излишков. Более того, "Газпром" платил (и платит) нам только 3% сумм, положенных за транзит газа через Польшу на запад. Польский вице-премьер в конце концов счел успехом то, что российский контрагент согласился поставлять 100% нашей потребности в импорте и получать плату лишь за это количество. Это действительно могло выглядеть актом милосердия, так как прожорливость на газ и нефть стала глобальным явлением, а российские источники оказались самыми доступными для половины земного шара. Однако Польшу этот акт ставил в зависимость от любых требований монополиста, включая политические. Скажем ясно: суверенности Польши недостает важнейшей сегодня опоры. Не думаю, чтобы кто-либо из наших русских читателей вздумал удивляться, что поляков это не радует, и счел бы нашу заботу о самостоятельности актом русофобии.

Спасением выглядит дифференциация источников поставок — пресловутая диверсификация. О ней мы слышим много лет, и на ней настаивал Гедройц. Правящая ныне партия во время предвыборной кампании обещала решить эту задачу в самую первую очередь. За девять прошедших месяцев ничего из планов еще не вышло наружу, хотя в правительстве руководят экономикой специалисты как раз из этой отрасли.

Знатоки вопроса считают, что решить его можно, по сути дела, только двумя способами: временно — ввозя танкерами конденсированный газ в наши северные порты, а с долгосрочным расчетом — построив нефтепровод от Бродов

до Плоцка и Гданьска. Украинцы свой отрезок трубы — от Одессы до Бродов — давно построили. И на свалку дезинформации следует отправить широко распространенные слухи о том, что пропускная способность украинской трубы составляет всего два с половиной миллиона тонн нефти в год. На самом деле она равняется 24 млн. тонн. Только идти она должна через Кавказ из Казахстана.

Ни этого, ни пересмотра договоров с Россией мы не дождемся без помощи, солидарности и денег Евросоюза.

*

Ничто так не лежало у Гедройца на сердце, как Украина. И ничто так не ясно сегодня, как то, что ключ ко всей восточной политике лежит в Киеве. Самостоятельное существование на Востоке второго, притом дружественного нам политического субъекта — это не только условие мира и безопасности для Польши и (внимание!) для Евросоюза, не только гарантия альтернативного доступа к сырью. Оно необходимо и самой России, ибо отрезает ей возврат на старый, советский путь экспансии, который так недавно привел СССР на край пропасти. В серьезном московском журнале "Эксперт" (№496, 2006, 22 янв.) Павел Быков пишет: "Парадокс, но вопреки расхожей мудрости "Россия без Украины" куда более европейская и куда более держава, чем "Россия с Украиной".

И подумать только, что не так давно точно такое же утверждение, мимоходом высказанное президентом Квасневским, вызвало гневный отклик Глеба Павловского, которого многие считают советником президента России. Это заставило нас (отнюдь не стремящихся к спорам с российскими политиками) вступить в полемику, в которой мы защищали общие интересы Польши и России от неуместных советов.

Отсутствие Польши на украинской политической сцене в ходе продолжающегося кризиса — это, вероятно, са-

мый печальный и яркий пример слабости нашей внешней политики. Этого не излечишь одной только дипломатией или даже встречами Леха Качинского с Виктором Ющенко: украинцам требуются доказательства, что их поворот лицом к Западу дает им что-то конкретное.

В достижимости польской руки — дела, годами ждущие практического решения. Вот хотя бы три из них:

— украинско-польский колледж в Люблине, по-прежнему бездомный и под угрозой расчленения;

— визы для украинцев на год вместо виз на несколько недель, да еще и дорогих;

— возрождение Гуцульщины путем включения ее в польско-словацкий туристический бассейн на стыке трех границ. Может быть, Евросоюз не поскупится и тем самым протянет Украине руку помощи поверх границ.

*

Добавим, что это было последним пожеланием Гедройца — я услышал это от него, когда привез ему (в августе 2000-го) 11-й номер "Новой Польши", журнала, который не возник бы без его пожелания и постоянного натиска на пишущего эти слова. Сегодня он стал единственным местом диалога поляков с русскими: из двухсот с лишним авторов журнала русские составляют треть.

Диалог это нелегкий. Здесь не место рассматривать все истоки и парадоксальные возвращения трудностей там, где все материальные расхождения можно записать на листе бумаги формата А4.

Главное место в этом списке занимает вышеназванный вопрос зависимости Польши от российской монополии на поставку стратегического топлива и потенциальных политических следствий такого положения дел. Этот вопрос рано или поздно будет решен, так как Евросоюз начинает избавляться от иллюзии, будто единственная забота в этой об-

ласти — обеспечить себе постоянные поставки, и неважно, какой ценой. Тревогу на весь ЕС подняла Италия, оказавшись — в результате слияния "Газпрома" с алжирским "Сонатрашем" (ее вторым и главным поставщиком) — в клещах монополии. А свободный рынок, заметим, монополии не выносит. На нем лучше быть лояльным партнером, нежели гегемоном: не теряешь ни копейки и не возбуждаешь у покупателей враждебности и погони за другими источниками; надеемся, что с этим согласятся и российские политики. К общим, солидарным переговорам с российским контрагентом, уже не с глазу на глаз и с пониманием интересов Польши ("пациента первого контакта"), Европу склонит эта закономерность, а не какая-то там русофобия.

Кроме того, подчеркнем, что нельзя сваливать вину за нашу зависимость только на "Газпром". Русская поговорка гласит: "Дают — бери", а польская: "Сам хотел — нечего обижаться". Без помощи тех, кто на этом нажился в Польше, "Газпром" не сохранил бы монополию, завоеванную еще во времена СЭВ.

*

Другие вопросы, касающиеся т.н. базиса, не должны нас тут занимать. Во-первых, они по сути дела зависят от доброй воли власть предержащих (как дело Пилавского пролива или импорта польских овощей). Во-вторых, между Россией и Польшей уже нет места (да и территории) территориальным спорам и решениям при помощи силы. Исполнилось предвидение Гедройца: независимость Украины убирает главную кость раздора, за которую Польша веками грызлась с царской Россией, пока не потерпела окончательное поражение. У Польши нет никаких поползновений на чужие земли и города — она дала тому доказательства. Что же касается России (что бы ни говорить о торговом пути к гегемонии), то такая тенденция вытесняет из государственной политики

анахроническую и неокупаемую традицию территориальной экспансии.

Юлиуш Мерошевский писал в "Культуре" еще в советские времена:

"Никто в здравом разуме не желает расчленения России. Русские имеют право на свою землю, как любой другой народ, и если бы коренным русским землям грозил захват, русские имели бы право ожидать помощи даже от нас".

*

Это если говорить о "базисе". С нашей старой знакомой, "надстройкой", дела обстоят хуже. Как в России, так и в Польше. Здесь продолжается напряженность, здесь ведутся споры, особенно по поводу истории. Здесь жируют шовинисты и подстрекатели с обеих сторон; одни запугивают Польшу российским нашествием, другие делают из Польши дежурного врага России. На этой почве вырастает ядовитое зелье — разлад. Не между правительствами — это дело переменчивое и в описываемых условиях катастрофой не грозит. Речь идет о разладе между поляками и русскими.

В чем Гедройц был убежден, так это в том, что важнее переговоров и договоров между "верхушками" отношения между нашими обществами, особенно, когда граждане России перестали быть подданными, а почувствовали себя действительно гражданами. Особое внимание он обращал на интеллигенцию, считая, что она вырабатывает национальное общественное мнение.

Нам, читателям "Культуры", он внушал восхищение перед этим малочисленным слоем, искоренявшимся всеми тиранами. Интеллигенция создала книги, которые стали желанной духовной пищей во всем мире. Их авторы защищали славу и достоинство России лучше, чем ее маршалы. Их произведения, в ПНР недоступные и изымавшиеся на обысках, составили четверть всех публикаций "Института литерацкого".

Редактор "Культуры", без снисхождения относясь к польским комплексам, требовал от читателей умения отличать советскую отрыжку в политике российских властей от обид и огорчений рядового российского гражданина, который после распада СССР почувствовал себя лишенным былого блеска державы. Авторы "Культуры" не давали воли мстительным чувствам. Они осуждали такие случаи нарушения прав российских граждан, как известное происшествие на варшавским вокзале осенью 1994 г., когда польская полиция, вместо того чтобы защищать потерпевших, наказала их. При всем преклонении перед Джозефом Конрадом как Густав Герлинг-Грудзинский, так и сам Гедройц считали промахом его "Тайного агента", где русские играют только зловещую роль. По просьбе Гедройца Земовит Федецкий нашел на варшавском православном кладбище могилу Дмитрия Философова и поставил на ней крест. Гедройц дружил с этим эмигрантским мыслителем и в 30-е годы был завсегдатаем его "Домика в Коломне".

Но не эмоции или воспоминания о минской и московской молодости влияли на состав принципов Гедройца, а трезвая, лишенная иллюзий оценка опыта сосуществования поляков и русских. Однако он не считал, что этот опыт исключает надежды на лучшее. Он не разделял мнение таких знаменитостей, как Ричард Пайпс, считающего, что история осудила Россию на вечный возврат тирании; он с удовлетворением поместил мою полемику с этим фаталистическим взглядом.

Гедройц и его люди держались твердого принципа: изучать и разоблачать преступления советского коммунизма, но не возлагать его вину на потомков, не применять проклятой доктрины коллективной ответственности. Поэтому редактор "Культуры" придавал такое значение вопросу о Катыни, и поэтому его так разочаровало огорчительное сопротивление властей уже свободной России попыткам справедливого решения катыньского дела. Да и вся польская общественность надеялась, что этот вопрос станет долгожданным

критерием окончательного разрыва новой России со сталинскими традициями. Об этом по существу шла и идет речь. Только человек крайне недоброй воли может видеть в этом пожелании пример русофобии.

Должны признаться, что в России широко распространены подозрения насчет одержимости поляков в целом русофобией. Тому, конечно, есть некоторые причины. Достаточно вспомнить неумные предложения бойкотировать московское празднование 60-летия победы над Гитлером. Да, хозяева тогда пренебрегли участием Польши не только в праздновании, но и в войне, начавшейся нападением на Польшу. Да, Красная Армия не освободила поляков, ибо навязала им нежеланный режим. Но все-таки она их спасла! Спасла от массового уничтожения, от истребления, от преобразования в массу рабов третьего рейха. Отрицать это значило бы оскорблять не власти России, но ее простых граждан, всех потомков и близких тех сотен тысяч парней, которые до сих пор лежат "в полях за Вислой сонной".

Но этого не произошло: русофобия в Польше — не эпидемия, и многие поляки все-таки Гедройца поняли. А писать об этом мы можем свободно, так как навязанный Польше режим канул не в Вислу, а в Лету.

Принимая во внимание совершённые и несовершённые грехи, мы, однако, можем констатировать, что польские высказывания по поводу спорных вопросов из этого списка с листа формата А4 не идут ни в какое сравнение с клеветническими измышлениями, направленными против Польши и появляющимися в последние годы в российских органах, представляющих крайне шовинистические течения. Написаны они стилем ложного доноса и стремятся добиться от властей запрета на диалог, ведущийся русской и польской общественностью на страницах нашего журнала.

Да стоит ли обращать внимание на эти выступления из Парка юрского периода, неуместные в эпоху Интернета. Нас должно больше беспокоить распространение в России

анахронических предрассудков насчет Польши среди людей доброй воли. Натиск информации, текущей из телевидения, радио, Интернета заставляет их застревать — когда речь идет о нашей стране — на расхожих стереотипах. Приглядимся в заключение только к одному из них, ибо речь идет о вопросе, который Гедройц считал ключевым.

Польскую активность на востоке, необходимую для нас и нужную соседям, большинство русских, включая и относящихся к нам дружелюбно, рассматривает как возврат польского захватничества. Стереотип Польши-жертвы — может, и невинной, но необходимой для величия Державы, — заменен (и неважно, чьими стараниями) архаическим стереотипом Речи Посполитой как захватнического соперника Москвы.

Тут мало возмущаться абсурдностью этого мифа и клеймить клеветников. Лучшее оружие убеждения — факты. Поэтому нам ничего не даст пассивность или splendid isolation от русских, особенно от русской интеллигенции. Она столько лет видела в поляках, их начинаниях, их помыслах, их реформах опору своих надежд. Недостойно будет, если теперь она увидит нас ретирующимися.

А значит, и дальше будем делать свое дело. Только надо, чтобы все, что мы делаем на востоке, особенно по отношению к Украине, продолжало опровергать надоевшую легенгу о польской тяге панскому к господству. Осмелюсь верить, что таково было бы послание Ежи Гедройца, если бы он мог вернуться в свои владения.

"Жечпосполита", 27 Июля 2006
"Новая Польша" Сентябрь 2006

МАГНИТНЫЙ ПОЛЮС

В предисловии к поваренной книге, написанной его женой Джесси, Джозеф Конрад заметил, что только произведения, посвященные кулинарному искусству, не вызывают подозрений этического порядка: вне всякого сомнения, их целью является благо человечества.

По крайней мере с одной точки зрения к литературным произведениям можно подходить с неким моральным эталоном (эталоном ненадежным, старомодным, презираемым филологами и узурпированным политиками и церковниками) — когда оцениваешь соответствие между основной идеей романа или повести и собственными идеями автора. Подчеркнем — собственными. Этот эталон остается слишком примитивным для теоретиков литературы, но не для читателей: литература XX века кишит произведениями, как будто написанными сельским старостой, взятым из современного польского анекдота: мнение-то свое у него было, только он его не разделял.

В течение нескольких десятилетий мы грызлись с цензурой, доказывая, что взгляды, выраженные в художественных произведениях, вообще цензуре не подлежат, ибо там они перестают значить то, что значат сами по себе, в отрыве от литературы. Нужно признать, что эта аргументация не достигала цели и, хуже того, вводила в заблуждение. Согласимся, что взгляды автора — это не просто одна из составных частей, но важная пружина произведения. Другое дело, что из бездарной литературы эта пружина торчит наружу. Разумеется, литература — это не проповедь, и всяческие структуралисты имеют полное право подвергать как так называемую форму, так и содержание книг самому абстрактному анализу — никто не возражает. Однако нас здесь интересует не содержание, не форма, не пропагандистские или педагогические намерения автора, а реальное воздействие

книги на ее читателей. Поэтому признаем, что политические взгляды и нравственные оценки художника иногда все-таки оказывают определенное влияние на читателя. В Польше нескольким поэтам и писателям удалось воздвигнуть целый собор национальных мифов и иллюзий, который по-прежнему посещают толпы приверженцев.

Творчество Конрада, по словам критика Михала Комара, "представляет собой создание разума, который упорно стремится коллекционировать примеры, подтверждающие справедливость заранее принятых мировоззренческих положений..." Попытаемся выяснить, что это были за положения и почему нас не должно особенно беспокоить, если кто-нибудь примет их всерьез. Бывает и такое.

* * *

Митроносный прелат Валериан Мейштович, прежде земгусар, а затем вахмистр 13-го Виленского уланского полка, наблюдая в один прекрасный день из ватиканских окон за студенческими беспорядками, заметил: "Если так и дальше пойдет, то придется по кирпичику отстроить Бастилию..."

Я не думаю, чтобы Джозеф Конрад согласился вкладывать в это строение свои "кирпичики". И отнюдь не из уважения к революции. Его выворачивало наизнанку при одном звуке таких слов, как "революционный переворот" или даже "прогресс". Он с отвращением писал о "насилии, преступлениях и порывах Французской революции". Однако лучше всего обрисовал оригинальность его убеждений Бертран Рассел в изящном эссе из сборника "Портреты по памяти":

"Мировоззрение Конрада никак нельзя назвать современным. В современном мире существуют две философии: одна, восходящая к Руссо, отметает понятие порядка как нечто избыточное, другая нашла свое выражение в тоталитаризме, где порядок насаждается сверху. Конрад, приверженец древней традиции, признавал лишь самодисциплину. Он

презирал разболтанность, но ненавидел порядок, навязываемый извне".

Это уже нравственное суждение, и сразу видно, какие из него вытекают политические выводы.

Неприкрытые антипатии чаще определяют наши политические пристрастия, чем идеальные картины светлого будущего. Конрад вполне недвусмысленно сам определил свои политические воззрения, причем в предисловии к самому тенденциозному из своих романов — "Глазами Запада": "Жестокость и глупость авторитарных режимов, отвергающих любое правосудие и в сущности считающих относительными любые нравственные принципы, вызывают не менее глупую и дикую реакцию совершенно утопического революционного движения, которое без разбора предается делу уничтожения и разрушения в странной уверенности, что вслед за падением существующего порядка непременно последует благотворное преображение человеческих душ".

Тем самым мы приближаемся к сути дела: Джозеф Конрад сегодня представляется писателем все более актуальным не потому, что он опубликовал три политических романа и несколько публицистических статей (например, "Преступные разделы Польши"), но потому, что все свои сочинения он написал так, как будто вместе с нами пережил конец столетия идеологий. И прежде всего — идеологии коммунистической, идущей дальше других, ибо обращающейся не только к одной нации.

Мы будем иметь дело не с еще одним описанием ее расцвета и агонии, течений, методов и репрессивной деятельности, но с провозглашенной ею целью, на первый взгляд, основополагающей. Этой целью было насильственное преобразование не только социальных отношений, но и самой человеческой природы. Ее суть неплохо передает русский термин "перековка", получивший широкое распространение в 20-е годы. У нас, в Польше, говорили о формировании нового человека. Предполагалось, что это есть условие (и в то

же время конечная цель) процесса подчинения дальнейшего хода истории законам разума, а не хищным интересам или слепым инстинктам. В реальности же эти доморощенные "инженеры человеческих душ" даже простой винтик не могли ввернуть без помощи молотка. Однако эта цель вела за собой многотысячные толпы и все еще находит приверженцев, хотя все попытки ее достижения закончились провалом. Что неудивительно, если вспомнить, что большую часть идеологов и вождей революции тоже толкнули к ней не нужда и лишения, а возмущение неспособностью людей ликвидировать кричащую несправедливость. Надежда Мандельштам пишет: "(В те годы слово) "революция" обладало такой огромной силой, что даже не очень понятно, зачем властям понадобились еще тюрьмы и казни". Известно зачем: они были признаны самым надежным способом перековки с помощью наглядных примеров террора в назидание упорствующим. Политические процессы в СССР с самого начала имели целью не выяснение истины, а воспитание общества. Вплоть до конца 1930-х лагеря назывались исправительно-трудовыми.

Вспомним, однако, что христианство тоже считает человеческую природу грешной и требующей основательной переработки. Убеждение в этой исходной порочности — примечательный пункт, где религия встречается с марксизмом. Известный христианский философ о. Юзеф Тишнер считал, что "точку соприкосновения между коммунизмом и христианством составляет идея сообщества", но ведь на этой идее основаны армия, спорт, театр, кооперативное движение, школа и т.п., на самом же деле — это идея первородного греха. Разве что сегодня Церковь в своем стремлении переделать человека уже не применяет такого широкого арсенала средств, как прежде, ограничиваясь проповедью — то есть просто-напросто она не прибегает к помощи светской власти (по крайней мере — в цивилизованных странах).

Так вот, Джозеф Конрад тоже считал, что человеческая природа по сути своей порочна, но в то же время ярост-

но и непоколебимо выступал против любых попыток ее сломать, подогнать к общему аршину, перековать... "Бессмысленное отчаяние в ответ на бессмысленную тиранию" — так он определил следствие и причину этих попыток. Конрад не хотел ни выкорчевывать джунгли человеческой души, ни убеждать нас, что она — прекрасный сад. Он просто хотел пройти через эти джунгли, не блуждая по ним и не оставляя своих спутников на съедение диким зверям.

Чтение Конрада приводит к мысли, что раз уж мыльный пузырь с единственно правильными ответами лопнул, то можно наконец заняться несколькими горькими вопросами, которые беспрерывно ставит перед нами жизнь, и при этом необязательно мириться с тем, чтобы элементарные принципы общения отступали перед напором силы или каприза. Конрад полагал, что в первую очередь необходимо вникнуть в то, что можно назвать "глубинной значительностью бытия". В романе "Глазами Запада" он писал:

"Задача на самом деле состоит вовсе не в том, чтобы придать краткую форму рассказа удивительному свидетельству человеческой жизни, но в том — и теперь я это ясно сознаю, — чтобы показать нравственный порядок вещей, господствующий на значительной части поверхности земного шара. Этот порядок нелегко понять и тем более нелегко открыть в рамках одного рассказа, пока не будет найдено определенное ключевое слово, которое могло бы стоять за каждым из всех прочих слов, покрывающих эти страницы, — слово, содержащее в себе, не будучи само по себе истиной, достаточно истины, чтобы помочь читателю совершить нравственное открытие, которое должно быть целью всякого повествования".

Таким образом, любой, кто хочет извлечь из нравственных открытий какую бы то ни было пользу, тем самым вступает в прямую связь с живыми людьми. Именно поэтому я считаю, что сегодня нет более важных, более нужных книг, чем написанные много лет назад Джозефом Конрадом.

Я утверждаю это не потому, что Конрад написал "Тайного агента" и "Глазами Запада" — романы откровенно политические. Я по-прежнему предпочитаю их не только романам Ле Карре, дутой величины, но даже произведениям такого мастера этого жанра, как Владимир Волков, автор романа "Монтаж" (в русском переводе неизвестно почему названного "Операция "Твердый знак"). Романы Конрада замечательны еще и потому, что они — первыми на Западе — приняли (с определенным успехом) вызов, брошенный Достоевским, автором не только "Бесов", но и рассуждений на тему "Почему Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими, у турок и остаться нашим навеки" ("Дневник писателя", ноябрь 1877). Однако в общем знаменателе у обоих этих романов Конрада стоит мнимая величина: убежденность, что в России ничего не меняется и измениться не может. Автор "Тайного агента" видит в русских черты, которые коренным образом отличают их от представителей Запада. По мнению американского исследователя А.Флейшмана ("Политика в произведениях Конрада"), самой неприятной из этих черт Конрад считал склонность к презрительным обобщениям, когда речь идет о других, о нерусских. Действительно, Конрад убежден в том, что это — проявление восточного иррационализма, триумф спеси и глупости. Согласимся, однако, что приписывать русским подобную черту — само по себе пример такого же обобщения.

Добавим (вопреки утверждениям Флейшмана), что бессмысленные террористические покушения на ни в чем не повинных людей — это отнюдь не типично русская специальность. "Судорогу пускают" кровожадные бесы всех мастей, а не только шигалевы, и объединяет их вера в коллективную ответственность ненавистных им рас и классов — эта вера и есть их отличительный знак.

Томас Манн в своем вступлении к "Тайному агенту" писал: "Следует ясно сказать, что это антирусская книга, но антирусская в чисто английском духе: ее фоном служит боль-

шая политика и извечный англо-русский антагонизм. Не исключено даже, что этот антагонизм был также постоянным фоном (я не утверждаю, что причиной) страстной любви Конрада к Англии. (...) Польская антипатия ко всему русскому выражается в этом романе совершенно на английский манер".

Независимо от того, была ли эта антирусская одержимость Конрада английской или польской по своей природе, она явно притупила политическое острие как "Тайного агента", так и "Глазами Запада".

Конрад назвал Достоевского "кривляющейся и навязчивой личностью, над которой тяготеет проклятие" (that grimacing and haunting creature who is under curse); эти слова, пожалуй, больше говорят о самом Конраде, чем о великом русском писателе. Однако, что касается высказывания Достоевского (в связи с романом "Братья Карамазовы"): "Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной" (письмо к Н.Ф.Фонвизиной, февраль 1854), — то Конрад имел полное право счесть его софизмом и восхвалением обычной лжи, а если бы он не был агностиком — то и хулой на Святого Духа. Людям моего поколения эта фраза невольно приводит на ум другую чеканную формулу: "Лучше ошибаться вместе с партией, чем быть правым без нее".

Если Конрад и разоблачает что-либо в своих русских героях романа "Глазами Запада", то не банальное лицемерие, используемое для самозащиты, но программную ложь, основанную на убеждении, что общественная жизнь не входит в сферу действия нравственных принципов, а уж придерживаться истины и вовсе не обязательно, поскольку невыгодно. Статский советник Микулин без труда изображает светского человека либеральных убеждений, анархист Петр Иванович — героического беглеца, Никита, носящий латинскую кличку Некатор (что по-русски значит Душегуб) — беззаветного рево-

люционера, а главный герой Кирилл Разумов — жертву собственного предательства.

У юристов для описания подобного состояния сознания есть расхожий термин "искреннее заблуждение". Оруэлл говорит проще: он называет это "двоемыслием", то есть усвоенной верой в нечто, что противоречит действительности, которую человек одновременно видит реально, как бы другим глазом, то есть диалектически. Этот синдром свойственен не только русским, в чем мы неоднократно имели возможность убедиться. В Польше, например, уже разрешается видеть все факты, но существующими признаются лишь те из них, что приятно щекочут национальную гордость (что делает особенно утомительным чтение некоторых польских газет).

Польский режиссер Петр Лазаркевич признался мне, что около двадцати раз посмотрел фильм Ридли Скотта "Дуэлянты", снятый по мотивам рассказа Конрада. И для него самого, и для его однокашников из Лодзинской киношколы причиной было не только его кинематографическое совершенство. Из всех известных мне фильмов он ближе всего к духу произведений Конрада, и, вероятно, эта-то его черта и оказалась для студентов наиболее притягательной. Он блестяще иллюстрирует уверенность в неизменности человеческой природы, в ее скрытой жестокости, а также в необходимости (почти абсурдной) придерживаться "нескольких простых принципов" — таких, как честь, долг, ответственность за свои слова и поступки, которую иногда называют верностью самому себе.

В голове у моряка Марлоу, героя романа Конрада "Сердце тьмы", глубоко засела мысль, что нужно быть порядочным человеком. Это убеждение не требует ни расчетов, ни обоснований. Правда, оно могло еще более закрепиться в результате знакомства с Курцем, с его жизнью по принципу "все дозволено", завершившейся едва слышными словами: "Ужас! Ужас!" Зигмунд Фрейд писал, что культура — это просто сумма моральных запретов. Как это похоже на Конрада!

Таким образом, существует глубокая стилистическая связь между поэтикой Конрада и его этическим кодексом. Он умел высказать то, что хотел, без декларативности, просто располагая слова в определенном порядке. Для этого метода характерны сдержанность и простота, проистекающие, по-видимому, из склонности к английским understatements, а не из польского кодекса чести. За исключением нескольких возвышенных метафор (относящихся, как правило, к достоинствам парусных кораблей и бесчинствам морской стихии), Конрад избегает словесных украшательств, язык его прост: японцы называют подобную изысканную строгость специальным термином — "сибуи" . Действительно, проза Конрада начисто лишена даже следов слащавости. Чеслав Милош пишет: "Когда Джозефу Конраду попал в руки текст французского перевода его рассказа "Прихоть Олмейера", сделанного Андре Жидом, он прочитал несколько страниц, после чего швырнул книгу на пол и начал в бешенстве топтать ее ногами". Пикантности этой истории придает тот факт, что Жид выучил английский язык именно для того, чтобы иметь возможность читать Конрада в оригинале.

Своими героями Конрад нередко выбирает людей, просто-напросто неспособных к мудреным рассуждениям, выбирающих прямые пути вроде бы из-за отсутствия воображения. Синглтон из романа "Негр с "Нарцисса" — по сути дела просто неграмотный старый матрос. Туповатый капитан МакУирр из повести "Тайфун" пишет письмо жене, которая не дочитывает его до конца, сочтя скучным. Но этому капитану даже в голову прийти не может, что можно впасть в панику и оставить на произвол судьбы двести китайских кули, кишевших в трюме в попытках собрать рассыпавшиеся во время шторма заработанные ими доллары.

Нужно сказать, что Конрад выбирает их своими героями вовсе не потому, что верит в разум или миссию простых людей. Он лишь стремится найти наименьший общий знаменатель для различных ситуаций этического выбора. При

этом он использует минимальные средства с элегантностью и экономностью математического доказательства.

Однажды он признался Бертрану Расселу, что из всех русских романистов восхищается только Тургеневым. Немногие задались вопросом о том, что роднит Конрада с другим русским писателем, автором "Степи" Чеховым: сдержанность и неприязнь к напыщенности, честность в отношении к словам и своим близким. И прежде всего — отвращение к той смеси приторного хамства и узколобой ограниченности, которая по-русски зовется "пошлостью". В романе "Победа" Шомберг и Рикардо отмечены ее печатью — и лишь потом мы узнаём об их преступлениях. Чехов о крупных преступлениях даже не упоминает. Он пытается — в этом-то и заключалось его новаторство — выразить экзистенциальные проблемы наименьшим количеством слов, причем малозначащих, произнесенных как бы мимоходом. Беккету, его наследнику, удалось свести все действие к односложным междометиям, гримасам и бормотанию. Дальше них в театральном искусстве продвинулся только великий режиссер Тадеуш Кантор.

Этический канон Конрада был настолько сжат и лишен красивостей, что английский романист Э.М.Форстер пришел к выводу, что "у этого писателя не было никакой философии, никакой веры". Впрочем, то же самое писали и о Чехове. Это правда: там, где моралисты распинаются в проповедях, а идеологи сколачивают свои Прокрустовы ложа, Конрад опирается лишь на несколько элементарных принципов поведения. Они похожи на миниатюрный детонатор, вставленный в мощный заряд. Сведя этические проблемы к простейшим, но категорическим императивам, Конрад сформулировал необходимое и достаточное условие. Но условие чего? "Чтобы честно жить и легко умереть". И ничего больше. Ни слова о мистической каре за нарушение этих принципов. Ни слова о требованиях закона. Доказательство теоремы Конрада обходилось без этих освященных традицией подпорок. Оно в достаточной степени

опиралось на голос совести — единственный авторитет, на который он ссылается. Не будем обсуждать здесь вопрос, откуда исходит этот голос, ибо если моя совесть молчит или ей затыкают рот, то повисают в воздухе заповеди и Десятисловия, и светского катехизиса. Вообще-то она в основном молчит. "Люди — существа низкие", — писал Конрад, и в этой цитате не стоит искать какой-либо скрытый смысл. Он отказывался говорить о Человеке как общем понятии, которое так охотно вызывают из небытия поэты и жрецы. В одном из своих писем он заметил, что хотя человек сумел подняться в воздух, он не парит, как орел, а летает, как жук — отвратительно, смешно и беспомощно. Браун, Курц, Никита, Владимир, Донкин могут послужить главными свидетелями обвинения и вещественными доказательствами в процессе против человечества. Но Конрад находит здесь архимедову "точку опоры" для своих нескольких простых принципов. Парадоксально, но он обнаружил ее в скотской половине нашей души. Трудно не согласиться с утверждением, что в любом человеке таится зверь, который не оставляет нам иного выбора, как идти по трупам — или самому стать трупом, потому что всегда найдется кто-то сильнее тебя. "Именно это, — пишет Рассел, — и убедило его в важности нравственной дисциплины". Действительно, если уж ты вынужден жить среди людей, если ты знаешь, на какие крайности и безумства они способны, и при этом не веришь в то, что добродетель можно привить насильно, — у тебя не остается ничего, кроме примера нравственной самодисциплины. А иногда — еще и силы убеждения.

Михал Комар сформулировал это так: "Пусть люди отвратительны — но существует несколько простых истин, благодаря которым они не станут еще хуже".

Несмотря на кажущуюся простоту этого подхода, исследователи творчества Конрада единодушно признавали, что хоть эти принципы можно назвать героическими, но они в общем-то бесполезны, поскольку малопривлекательны. Это правда: никакой немедленной выгоды извлечь из них нельзя.

Ясно, что Джозеф Конрад никому не обещал награду за порядочность. Однако он предостерегал от одного вполне ощутимого наказания, от утраты, которую он считал невосполнимой, потому что не верил ни в искупление грехов, ни в спасение душ. Это наказание неминуемо постигает всех героев Конрада, которые пошли по ложному пути, изменили своим принципам или заглушили голос совести: лорда Джима, Курца, Разумова. Оно заключается в самой худшей из потерь — потере веры в самого себя.

Конрад не только прославлял отвагу: он с наслаждением показывал, что трусость не спасает. Следуя за ним, можно доказать, что капитуляция вовсе не самый надежный способ сохранить голову ценой потери лица. Это удается лишь тогда, когда мы имеем дело с джентльменами (а эта порода уже во времена Конрада была музейной редкостью). В противном случае теряется не только лицо, но и все остальное вместе с головой. Своих злодеев, Браунов и Джонсов, писатель ввел в повествование, пожалуй, только для того, чтобы наглядно продемонстрировать эту закономерность.

Осторожность и реализм наверняка нужны в политике. Но как раз реализм и заставляет нас относиться к прагматикам с осторожностью, а к надоедливым моралистам — с надеждой, что некоторые из них окажутся трезвыми и дальновидными реалистами.

Польский писатель Владислав Бартошевский назвал свою книгу воспоминаний "Стоит быть порядочным". Бартошевский спасал евреев во время оккупации, в "народной" Польше ознакомился с тюрьмами, а в них — с камерами смертников; впоследствии он преподавал в подпольном университете и помогал в создании "Солидарности". (Добавим в скобках — чтобы не сглазить, — что в несколько более свободной Польше Бартошевский стал ее послом в Вене.)

Причина поражения моралистов — не их принципы, а их иллюзии. У Конрада иллюзий не было. Политические программы он считал примитивными выжимками, а теории идео-

логов — плоскостными проекциями огромных, черных глыб человеческих судеб. При этом он не делил мир на райские сферы этики и адские бездны политики. Ему в голову не приходило, что можно быть порядочным только в своем домике. Нравственный закон был для этого моряка чем-то вроде магнитного полюса. Конрад прекрасно знал, что он обычно не служит конечной целью людских путешествий. Но знал также (и показал нам), что без этого ориентира далеко не уплывешь.

"Культура" (Париж), 1994, №3

К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА
Беседа Марека Карпа с Ежи Помяновским

— Вы эмигрировали в 1969 году. Возвращались вы уже в другую Польшу. Каковы были мотивы решения вернуться?

— Кроме тех, что нуждаются в высоких словах, мотивом была своего рода скука. Прожив двадцать с лишним лет в эмиграции и достигнув в 1992-м, в Пизанском университете, пенсионного возраста, я внезапно осознал, что в Польше происходит — как бы это сказать? — нечто, к чему стоит приложить усилия, чтобы оно стало необратимым. Все, что в прекрасной Италии восхищает туриста, для меня слегка поблекло, и даже самая лучшая супружеская чета в конце концов познаёт рутину восторга. Пожалуй, я стал одержим идеей нехватки времени, страхом, что не успею. Ежи Гедройц доказал, что старость — не причина бездеятельности, а следствие ее. Ну я погрузил в автофургон с прицепом (вместе они были длиной метров 18) книги, набитые в ящики из-под бананов, два шкафа и две кровати, сел за руль, рядом — жена, за спиной — стиральная машина, и поехал в Польшу. И до сих пор об этом не жалею.

— Можно ли уже сказать, что мы лучше знаем Россию? Вы выдвигали это требование с самого возвращения из-за границы, с начала 90-х; взаимному познанию поляков и русских вы служили своей публицистикой, очередной сборник которой только что вышел, — служите этому и как главный редактор журнала "Новая Польша", существующего уже пять лет. Каков, по вашему мнению, уровень знаний о России в Польше и о Польше в России?

— Мы обязаны знать Россию лучше, чем другие. Учитывая, что с 1717 г., с Немого сейма, и по вчерашний день через Польшу без серьезных препятствий с нашей стороны прошли и проехали миллионы русских, главным образом в мун-

дирах, и учитывая, что мы сталкивались с Россией больше, чем другие народы Европы, наши знания о России и русских обширны, но поверхностны, ибо мы смотрели на них с неоправданным легкомысленным высокомерием. Их внутренние дела интересовали немногих ученых, таких, как фаталист Кухажевский. Самые интересные описания жизни России и русских получены от сибирских ссыльных — Вацлава Серошевского, Бронислава Пилсудского. Только теперь у нас появилась целая школа отличных знатоков российской политики — таких, как Анджей Новак или Анджей Романовский. Для польской интеллигенции Россия долго была вопросом, в котором предпочитали не разбираться: он был связан с нестерпимым ощущением гнета. Тот, кто мог, отворачивался от России, ибо она была оккупантом большей части польских земель и представляла постоянную угрозу национальному бытию. Бжозовскому пришлось чуть ли не криком кричать, напоминая, что потому-то для Польши и важнее всего русский вопрос, вопрос нашего нелегкого, но неизбежного соседства. А знание наших дел у русских было подпорчено нечистой совестью: они чувствовали, что отношения с поляками отравлены насилием одной стороны и лицемерием — другой.

Генерал Лебедь, о гибели которого не я один сожалею, патриот, ну пусть даже националист, одновременно был антиимпериалистом; он уже знал, что продвигаться по карте, расталкивая локтями, — в наш век анахронизм; однажды он написал, что "польский вопрос на протяжении всего XIX и половины XX века бьш самым страшным русским кошмаром", — и был прав. Для российских политиков угроза польских восстаний и бунтов была причиной постоянной напряженности и источником пресловутого "ложного сознания". Им приходилось это внутренне уравновешивать (как это, например, произошло с Достоевским) обвинениями против поляков, чтобы оправдать несомненный ущерб, нанесенный польскому народу во имя имперских государственных соображений. Сегодня тот же мотив выступает в претензиях мно-

гих русских, искренне убежденных, что заключение Польши в соцлагерь было для нас благодеянием, за которое мы платим им неблагодарностью. Невежество — наш общий враг. "Новой Польше" тут есть над чем поработать. Все ж таки российские граждане из подданных стали избирателями.

— В "Русском месяце с гаком", книге, вышедшей в 1996 г., вы убеждали в необходимости польско-русского и польско-российского диалога, активной восточной политики Польши. В новой книге вы посвящаете много места вопросу, поставленному в ее подзаголовке: как быть с Россией? Как вы считаете, руководствуется ли польская политика по отношению к России какой-то генеральной точкой зрения?

— Мне постоянно встречаются собеседники, утверждающие, что никакой восточной политики Польше проводить не нужно, что хватит всего лишь добрых дипломатических нравов, а в восточной политике достаточно действовать так же, как в западной, соблюдая принципы Гротиуса, создателя международного права... Ну разумеется, нравственные принципы отнюдь не противоположны практике политики (как считают политиканы) — они должны быть для нее магнитным полюсом. Это вроде бы абстрактная точка, порт, куда не причаливает ни один мореплаватель, — но если на минуту потерять его из виду, то разойдешься с практической целью. Разве что плаваешь в пруду. Но тут нужно видеть еще, во-первых, к какой цели ты сам стремишься и, во-вторых, не предпочитает ли партнер право сильного — посильнее законов Гротиуса. За отсутствием сведений обращаешься к истории, но она подсовывает обеим сторонам пагубные аргументы. Иногда все-таки следует признать, что история — magistra vitae, хотя учит она только одному — как избежать ее повторения.

В "Русском месяце" я напоминал, что два жернова, которые мололи Польшу — и несколько раз смололи ее в чужую муку, — после второй мировой войны перестали нам угрожать. Один из них вынужденно перестал оборачиваться против Польши. Другой же — раскололся на несколько са-

мостоятельных осколков во главе с Украиной. Элементарная задача польского правительства — изо всех сил стараться, чтобы наша страна никогда больше не оказалась между таких жерновов, чтобы ее геополитическое положение не вернулось к состоянию quo ante. Как этого не допустить?

Я утверждаю, что концепция, выработанная парижской "Культурой", — это и есть та "генеральная точка зрения", о которой вы спрашиваете. Она была и остается под рукой, но не вошла в программы никакой партии, никакой силы, имеющей исполнительную власть и экономические инструменты. Это сказочки, что все учились у Гедройца. Кто воспринял его всерьез кроме Квасневского, Бартошевского, Геремека? Первый принцип, сформулированный Юлиушем Мерошевским, таков: наши важнейшие союзники — литовцы, белорусы и в первую очередь украинцы. Борьба за господство над ними стала причиной кровавых воин, выигранных в конечном счете царской Россией. Одна лишь память об этом тяготеет над взаимоотношениями всех участников былой борьбы. Ликвидировать источник конфликтов можно лишь при обретении этими народами независимости от обоих соседей. Эта простая мысль, на мой взгляд, остается основой восточной политики Польши и самым простым рецептом на обеспечение мира в нашей части Европы. В книге я стараюсь доказать, что ее усвоение пойдет на пользу самой России.

— Польша сегодня не в таком политическом положении, как была тогда, когда вы по горячим следам писали свои тексты. Она уже несколько лет член НАТО, несколько месяцев — член Евросоюза. Мы приобрели влияние на формирование европейской политики по отношению к России. Как вы считаете, есть ли на Западе концепция отношений с Россией? Что сделало и что должно сделать польское правительство на международном форуме, чтобы защищать наши государственные интересы и в то же время не возбуждать в России опасений, что ее сталкивают на обочину?

— НАТО — это "скорая помощь" на несчастные случаи. А Евросоюз — организация повседневного употребления, которая должна давать своим членам чувство локтя. Особенно в области экономики, где ее дело — разрешать конфликты и предупреждать возникновение опасностей. Положение Польши станет теперь важным критерием солидарности государств — членов ЕС. Более того — тестом, показывающим, насколько в Брюсселе понимают, что по отношению к России нужна общая политика. До сих пор я не вижу новой концепции сосуществования, кроме реликтов "холодной войны", ныне выворачиваемых наизнанку, словно за Бугом по-прежнему находится СССР. Доказательство — пинок, полученный Украиной от Романо Проди. Что поделаешь, у них не было своего Гедройца.

Иногда меня мучает тревога: да не висит ли над нами возможность новой договоренности наших могущественных соседей за наш счет? Конечно, я не имею в виду нового раздела Польши. Я имею в виду угрозу нашему суверенитету. Польша поставлена в зависимость от поставок стратегического сырья из России. Этому помогает политическая расхристанность наших собственных партий, политиков и сменяющих друг друга правительств: они допустили монополию в этой области, не позаботились об умножении источников сырья. Результаты налицо.

В своей книге я привожу слова Александра Рара, директора немецкого Совета внешней политики. Когда московский еженедельник "Эксперт" спросил, какие советы он дал бы Путину, Рар ответил, что первая задача России — политическое использование того огромного экономического влияния, которое она приобрела в Польше и странах бывшего соцлагеря благодаря "Газпрому" и — внимание! — благодаря своему сильному лобби. Не знаю, где г-н Рар почувствовал бы себя лучше — в Рапалло или в Ялте.

Правда, известный российский политолог Станислав Белковский (см. "Плюс-минус" от 24 июля с.г.) открыто го-

ворит, что Россия всегда была империей и должна такой оставаться, что Россия не выживет, если не будет расширяться, но сочтем это запоздалым отголоском рева динозавров из Парка юрского периода. Сегодня нам грозит экспансия иного рода. И с того момента, как с Польшей придется вести переговоры уже не один на один, но вместе с ее союзниками по ЕС, труднее будет осуществлять экономическую монополию, даже такую полную, какую Россия приобрела благодаря — назовем это коротко — политике "Газпрома". Разумеется, если в политике наших союзников, особенно Германии, решающее слово не будет иметь г-н Рар сотоварищи.

Стремясь извлечь новые выводы из концепции "Культуры", я в своей книге подчеркиваю необходимость вовлекать Россию в международные структуры, которые требуют от своих равноправных участников мирного решения конфликтов на основе протокола о расхождениях, а не решения путем "горячих" или "холодных" войн. Если Россию наконец примут во Всемирную торговую организацию, она будет подчиняться в торговле тем же правилам, что и другие. Одновременно исчезнет предлог жаловаться, что ее сталкивают на обочину.

Как вы видите из этих моих "если", все теперь зависит от солидарности членов Евросоюза. Не думаю, что эта солидарность уже обеспечена, но другой надежды я не вижу.

Ее не дает ни утопическая концепция польской автаркии, ни возвращение в нечто подобное СЭВ. Таким образом, первая забота любого польского правительства — требовать от Евросоюза общей восточной политики, исключающей чью бы то ни было гегемонию. Это значит: исключающей диктат как потребителя, так и поставщика. Так, как это происходит в честной торговле. Солидарность или смерть — вот так это можно выразить.

— В области энергетики интересы государств Европы не совпадают. Есть два противостоящих вида интересов. Статистика показывает, что государства Восточной Европы

от 80 до 100% потребности в энергии удовлетворяют поставками из России и других возможностей не имеют. На Западе же российское сырье составляет около 20% предложения, и там оно неизменно весьма желательно, чтобы не впасть в зависимость от арабских поставок. Можем ли мы при таком расхождении реально мыслить о созидании общих европейских интересов? Мы же видим, что национальные интересы старых и новых членов ЕС так резко расходятся.

— Не думаю, чтобы эти расхождения были вечными и не могли быть сглажены путем переговоров. Миру и особенно Европе — включая Россию! — сегодня угрожает коалиция нигилистического интернационала с исламским фундаментализмом. Обе эти силы на Западе представлены, с одной стороны, полезными дураками (как называл их Ленин), т.е. антиглобалистами и мюнхенцами с любой географической широты, добродушными пацифистами и отнюдь не добродушными антиамериканцами, а с другой — типами, живущими на нефтедоллары и стремящимися к господству под знаменем ислама. Это знамя, которым злоупотребляют, избранное для удобства — как когда-то крест, под которым разбойники грабили Константинополь по пути в крестовый поход. Эти интересы и их связь с наступлением террористов против Запада видны простым глазом. Поэтому желание понизить зависимость от арабских стран путем поставок российской нефти и газа понятно. В конце концов, у Евросоюза есть строгие правила, согласно которым стратегическое сырье от одного поставщика не может превосходить 33%. Но этого слишком мало, чтобы уберечь ЕС (и нас) от замены монополии ОПЕКа монополией "Газпрома".

Настоящая проблема состоит не в том, что поставок топлива из России Запад ждет, как утка дождя, и что Россия на этом заработает. Пусть зарабатывают сколько угодно. Даже трудности Польши с несчастным "договором столетия" исчезли бы, если бы Россию интересовала только прибыль. Фокус в том, что то, что я называю политикой "Газпрома",

состоит в установлении политической зависимости государств-клиентов от государства-поставщика. Это ползучий колониализм. А если он применяется к стране, входящей в ЕС и НАТО, то становится угрозой для обоих этих союзов. На этом я и основываю надежду, что то расхождение интересов, о котором вы говорили, уменьшится, уступая требованиям государственных соображений всего сообщества. Вопрос только в том, насколько быстро наши союзники поймут, что никакая прибыль не оправдывает заталкивания России на старые, советские, тупиковые пути.

Необходимым выводом из концепции "Культуры" я считаю тезис, согласно которому экспансионизм, как царский, так и затем советский, вредит не столько Польше и Западу, сколько самой России. Я в этой книге утверждаю, что Европа во второй половине XX века пережила тихую революцию, которую до сих пор не поняли только в России.

Оказалось, что все государства, отказавшиеся — даже с болью — от своих колоний, не проиграли на этом, а выиграли. Они лишились своих Индий и Алжиров, своих, можно сказать, Украин и Чечней — и не только испытывают облегчение, но благодаря этому достигли крупных экономических успехов. Так произошло в Англии, Франции, Голландии, Италии, даже в Японии. Пример Германии тут особенно красноречив. И вот немецкая теория "жизненного пространства" нашла себе прибежище среди российских националистов. Горе, если ею проникнется государственная доктрина в согласии с вышеприведенными словами Белковского. Я стараюсь быть сдержанным, говоря о политике Путина, главным образом потому, что он включил в свое правительство видных реформаторов, ставящих на интенсивное хозяйство, а оно не требует экспансии — матери агрессии.

— Несмотря на извилины своей восточной политики, в которых вы укоряли одно правительство за другим, Польша осуществляет приоритетное требование поддерживать независимость Украины и Литвы (Белоруссия — дело осо-

бое). Понимание необходимости существования этих государств как условия мира в нашей части Европы стало в Польше совершившимся фактом. Не обновляются ли там сегодня имперские тенденции в политике России, принимая формы экономического нажима на эти страны?

— Согласен: горючий газ, как я считаю, заменил огнестрельное оружие. Уже несколько лет латвийское правительство жалуется в Брюсселе на блокаду терминала в Вентспилсе. С тех пор, как российские компании получили отказ в покупке порта, экспорт российской нефти через этот терминал остановлен, что должно привести к его упадку. Такие примеры можно умножать. И повторяю: это идет во вред самой России.

Фридрих фон Хайек утверждал, что есть только два способа поведения: или как в торговле, или как на войне. Tertium non datur. Тот, кто смешивает сегодня обе эти методы, производит взрывчатую смесь.

Что касается нашего признания необходимости существования независимых Украины, Литвы и Белоруссии, то у меня есть сомнения. Прежде чем мы станем обращать к России претензии в алчности, а к ЕС — в отсутствии концепции, посыплем пеплом собственную голову. Как можно укорять Украину в том, что по нефтепроводу Одесса— Броды пойдет российское сырье, если в Польше никто и пальцем не шевельнул, чтобы довести этот трубопровод до Гданьска? У нас, а не где-нибудь российское лобби хотело продать "Лукойлу" даже Гданьский нефтеочистительный завод, т.е. "горло" нашей системы поставок и экспорта нефти и газа. Тактику "поддержки независимости" вытеснила теория минимализма, т.е. максимального ограничения всяческой польской активности к востоку от Перемышля. Не было сил и средств? Нашлись же они на загубленные капиталовложения в Конго. А теперь, когда мы можем рассчитывать на средства и дипломатию ЕС, я читаю в левом "Пшеглёнде" (2004, 27 авг.), что "польские политики оставляют за собой право формировать восточную политику ЕС, и если б это случилось,

война стала бы неизбежной". Автор этого увлекательного тезиса считается идеологом пророссийских кругов в Польше. Что же такое этот тезис, если не приглашение России реанимировать уже не СССР, а свою "сферу влияния"? Не говоря уж о том, что это попытка шантажа и акт веры в Россию из страшной сказки — захватническую и неспособную на партнерские соглашения.

— Какие силы в России в состоянии избрать направление интенсивного, не имперского развития?

— В России, несомненно, есть круги, заинтересованные в реформах. Во-первых, многочисленные, но раздробленные круги предпринимателей-производителей. Они ждут реформ и сотрудничества с Западом. Своими доходами Россия (большая часть растущего — в этом году выросшего свыше чем на 7% — ВВП) обязана не газу и нефти, а деятельности мелких и средних предприятий. Но дальнейшее развитие требует капиталовложений, а они нуждаются в благоприятной к инвесторам атмосфере. Репрессии против капиталистов, вся эта борьба "аристократии" (родом из КГБ) с отечественной буржуазией атмосферу не улучшает.

Серьезные надежды возбуждает участие в работе правительства видных российских экспертов. Однако милость Господня сегодня есть, а завтра ее нет. Ксати, нет уже Илларионова. Тенденция к ренационализации предприятий и вообще явная склонность к авторитарному правлению противоречат деятельности либеральных реформаторов. Всякая власть вмешивается в свободный рынок, выдвигая вперед не тех, кто производит товары получше и подешевле, а тех, кто тайком откупается от нее. Тем более охотно вмешивается авторитарная власть.

На реформы рассчитывают также либеральные лидеры регионов, которые хотят свои резервы обращать на местные нужды. Напомню, что среди мотивов, которые подталкивали Ельцина — секретаря Свердловского обкома КПСС, вплоть до роспуска СССР — было желание избавиться от

диктата центра. Кремль, однако, это учитывает и навязал регионам надсмотрщиков-назначенцев.

Боюсь, что у вас возникнет впечатление, будто бы все надежды на спокойное развитие России и ее отношений с Польшей я возлагаю на экономические факторы. Я же рассчитываю на силу, которую кое-кто считает обломком прошлого, в то время как она гарант будущего; без нее можно только подражать иностранцам и завидовать, что у них появляются новые идеи. Я говорю об интеллигенции.

Трудно говорить, но трудно и молчать сегодня об интеллигенции как группе, стремящейся к реформам. Конечно, как группа политического нажима она почти ничего не значит. Политические партии, которые должны были представлять "четвертое сословье", славную русскую интеллигенцию, раздробились и перессорились. Лучшие люди принуждены к молчанию, многие уехали за границу. Страшно не хватает незабвенной Галины Старовойтовой, Лихачева, Сахарова. Но ничто не изменит основного факта: нужно лишь время (и терпение), чтобы стало ясно, что советский эксперимент, состоящий в исключении интеллигенции из процесса принятия решений, важных для всего общества и, наконец, для государства, — что этот эксперимент не поддается повторению. Интеллигенцию пытались заменить выращиванием т.н. узких специалистов, т.е. поставщиков сырья для решений, принимавшихся правящими дилетантами. Это кончилось отставанием и проигрышем в гонке с Западом даже в области оборонки. Пока что о значении и будущем интеллигенции свидетельствуют лишь нажим и репрессии, которым то и время подвергаются ее представители. И такие шаги продолжаются, о чем свидетельствует ограничение масштабов гласности в СМИ. Но необходимость сотрудничать с Западом, сравняться с ним в области науки и, наконец, невозможность монополии в сфере информации — все это должно сделать свое дело, если Путин действительно прагматик.

— Вы по-прежнему цените Солженицына, защищаете его достижения в области мысли и его роль в раскрытии миру облика ГУЛАГа — можно сказать, вопреки сегодняшнему восприятию Солженицына в России и Польше. Откуда такая верность?

— То, что он сделал, эпохально: "Архипелаг ГУЛАГ" — главное доказательство расточительства, жестокости и бесцельности коммунизма. Меня не волнуют отклики на его сегодняшние высказывания. Меня не беспокоит односторонность его мнений о 200-летнем сосуществовании евреев с русскими. Солженицын имеет право говорить о внутренних делах России все что хочет, раз он постоянно подчеркивает, что неизменно остается врагом советского коммунизма и советского империализма. Самое важное, что было сказано, в истории интеллектуальных революций нашего века, — это его слова: жить не по лжи — достаточно не принимать участия во лжи, чтобы свергнуть любую тиранию.

— Вы встретились с Россией и жизненным опытом, и через литературу. Перевод почти всей прозы Исаака Бабеля — главное основание, чтобы вас прославить (как пишет Леопольд Унгер в предисловии к вашей книге). Но вам принадлежат и выдающиеся переводы Чехова, Льва Толстого, писателей "другой России" — Булгакова, Солженицына, Ахматовой, Мандельштама, Михаила Геллера. Какие чувства связывали вас с этой литературой?

— Я уже больше не хочу заниматься переводами. Полжизни я провел, эгоистически знакомя польских читателей со всеми своими иностранными любимцами. Только Гедройц заставил меня относиться к тому, чем я занимался в свободные минуты, как к долгу. Мою жену-мученицу я заставил под диктовку выстукать на "Оливетти-22" в течение четырех лет пять с половиной тысяч страниц — не только Солженицына, но и Геллера, и Сахарова, и Шаламова, и других русских мятежников. Она печатала целыми днями, вечером я правил черновик, в то время как Александра три-четы-

ре часа спала. В полночь я будил ее, и до самого рассвета она переписывала черновик начисто. В восемь утра я уже был на римском вокзале, чтобы выслать очередные страницы в Париж с проводником поезда. Кроме нас двоих, только Гедройц и три его сотрудника знали, кто такой Михал Каневский. Даже редакция "Свободной Европы" (а "Архипелаг" передавали по радио изо дня в день) получала перевод — ради конспирации — из Парижа.

— И вот сакраментальный вопрос: какие у вас планы?

— Как вы знаете, я главный редактор журнала "Новая Польша". Меня уговорил заняться этим Гедройц, и в последний год своей жизни он еще смог увидеть, что происходит по его инициативе. Это дело меня втянуло: журнал выходит уже пять лет, выпущено 60 номеров (в том числе два спецвыпуска: один на украинском и два — на грузинском), распространяется вплоть до Сахалина и есть в любой районной библиотеке всей Российской Федерации. Журнал ведет полемику, защищая польскую правоту, в последнее время — в катыньском деле или в дискуссии о судьбе советских военнопленных 1920 года. Но самое главное — это орган первого искреннего диалога поляков с теми русскими, которые не хотят и уже не могут считать нас вассалами. Почти на полтысячи наших авторов свыше 130 — писатели, публицисты и переводчики из России.

— И это всё?

— Ах да, верно — я берусь наконец за собственные писания. Может, еще успею написать две книжечки, которые временно лежат в коробках под письменным столом в виде беспорядочных заметок. Тему первой я держу в секрете от самого себя, вторая будет сборником рассказов о тех талантливых и умных людях, которых мне удалось встретить, но не удалось превзойти.

Варшава, 16 июля 2004
Беседу вел Марек Карп
"Нове ксёнжки", 2004, №10

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 ..... **11**
Часть 2 ..... **89**
Часть 3 ..... **173**
Часть 4 ..... **229**

ЕЖИ ПОМЯНОВСКИЙ

К ВОСТОКУ ОТ ЗАПАДА
ОЧЕРКИ

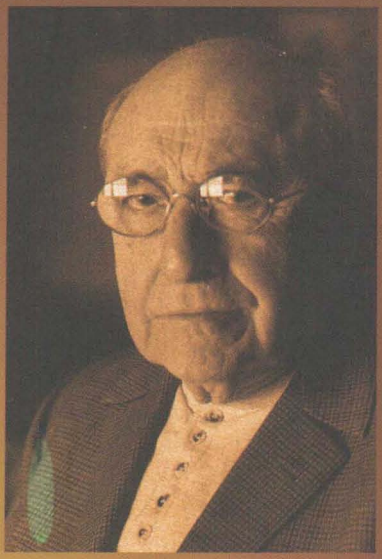
Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л.20
Тираж 3000 экз.
Заказ № 4820

Издательство «МИК»
129110, Москва, ул.Большая Переяславская, 15-52

Корректор Ниталья Пузанова
Оформление Дмитрий Манахин
Оригинал-макет подготовил Денис Паршков

Отпечатанно в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ЕЖИ ПОМЯНОВСКИЙ



Родился в Лодзи в 1921 г., а значит, вырос в стране несовершенной, но зато свободной. Дебютировал как публицист в социалистической печати. Успел познакомиться с пионерами европейского авангарда Витольдом Гомбровичем и Станиславом Игнацием Виткевичем. Нападение Германии на Польшу в сентябре 1939 г. забросило его на восток. Из варшавского студента-философа он превратился в навалоотбойщика на одной из шахт Донбасса. Затем учился в Москве в 1-ом медицинском институте, который окончил с отличием. Одновременно был журналистом Польского агентства печати. По возвращении в Польшу был поочередно врачом, критиком, завлитом Национального театра, киносценаристом, преподавателем Варшавского университета, а после переезда в Италию в 1969 г. – профессором университетов в Бари, Флоренции и Пизе. Все это время он переводил книги тех русских, в которых влюбился на всю жизнь: Ахматовой и Мандельштама, Мартынова и Слуцкого, Чехова и Льва Толстого, Бабеля и Шаламова, Сахарова и Геллера, но прежде всего Солженицына. Книги последнего (попадавшие в Польшу усилиями парижской «Культуры») изменили сознание поляков, которые увидели в русских братьев по несчастью. Вновь вернувшись в Польшу, Помяновский занял заслуженное место среди мастеров очерка, а также снискал репутацию авторитета в вопросах польско-российских отношений и полемиста, опасного прежде всего для националистов и ксенофобов с обеих сторон. Он – основатель и главный редактор «Новой Польши» – единственного на сегодняшний день журнала, обеспечивающего русской и польской интеллигенции возможность диалога. В настоящей книге представлены все виды его творческой деятельности со всеми ее достоинствами, принесшими автору международную славу и многочисленные литературные премии. Особенно дорога ему полученная в 2006 г. премия им. Ежи Гедройца.

ISBN 5-87902-084-3